

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

Л. Е. Васильев

**Борьба
с терроризмом
на пространстве
ШОС**

Москва
ИДВ РАН
2017

УДК 343.326(5)ШОС
ББК 67.408.1(5)
В19

*Утверждено к печати
Учёным советом ИДВ РАН*

*Рецензенты:
к.полит.н. П.Б. Каменнов, к.э.н. Е.И. Сафронова*

*Ответственный редактор
к.в.н. Ю.В. Морозов*

Васильев Л.Е.

В19 Борьба с терроризмом на пространстве ШОС: монография /
Л.Е. Васильев. — М.: ИДВ РАН, 2017. — 216 с.

ISBN 978-5-8381-0318-5

Монография посвящена анализу текущей обстановки в Центральной Азии и прилегающих к ней регионов, а также исследованию причин и условий возникновения новых угроз и вызовов региональной безопасности на «пространстве ШОС». Кроме того, в работе дана оценка состояния и перспектив борьбы с международным терроризмом в Центральной Азии и проведен анализ деятельности в этом направлении региональных международных организаций, прежде всего, Шанхайской организации сотрудничества.

Содержание монографии представляет несомненный интерес как для специалистов, занимающихся изучением проблем безопасности и борьбы с терроризмом, так и для широкой общественности.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), международный терроризм, сепаратизм, экстремизм, региональная безопасность, угрозы и вызовы безопасности, сотрудничество в сфере безопасности, геополитика, Центральная и Южная Азия.

**УДК 343.326(5)ШОС
ББК 67.408.1(5)**

ISBN 978-5-8381-0318-5

© Васильев Л.Е., 2017
© ИДВ РАН, 2017

Оглавление

Введение. Цели и задачи ШОС и место организации в системе международных отношений	6
Глава 1. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ВЛИЯНИЕ ОСНОВНЫХ МИРОВЫХ АКТОРОВ НА ЕЕ РАЗВИТИЕ	12
1.1. Геополитическая ситуация в Центральной Азии	12
1.2. Влияние основных мировых акторов на развитие политической ситуации в Центральной Азии	18
1.2.1. Политика США	18
1.2.2. Политика Китая	24
1.2.3. Политика России	32
1.2.4. Политика Индии	36
Глава 2. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ИРАНА И ТУРЦИИ НА РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ	40
2.1. Политика Ирана	40
2.2. Политика Турции	46
Глава 3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС	52
3.1. Особенности международного терроризма в современных условиях	52

3.2. Государственный терроризм — самая опасная разновидность международного терроризма	58
3.3. Причины возникновения терроризма в Центральной Азии	69
Глава 4. МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ	74
4.1. Вызовы субрегиональному сотрудничеству в экономической сфере	74
4.2. Проблемы водопользования в Центральной Азии и их влияние на двустороннее сотрудничество центрально-азиатских государств	85
4.3. Вызовы субрегиональному сотрудничеству в политической сфере	91
Глава 5. СЕПАРАТИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ — ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	102
5.1. Сепаратизм — как угроза стабильности в регионе	102
5.2. Проявления сепаратизма в межгосударственных отношениях центрально-азиатских государств	106
5.3. Уйгурский и тибетский сепаратизм	113
5.4. Экстремизм — главная основа терроризма в Центральной Азии	119
Глава 6. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	128
6.1. Основные террористические организации Центральной Азии	128
6.2. Особенности проявлений терроризма в государствах Центральной Азии	139

Глава 7. ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА В ЮЖНОЙ АЗИИ	156
7.1. Обстановка в Афганистане — основной источник распространения терроризма в Центральной и Южной Азии	156
7.2. Политика Пакистана и ее влияние на активизацию терроризма в регионе	161
7.3. Сепаратизм в Индии как источник терроризма в Южной Азии	172
 Глава 8. ОПЫТ БОРЬБЫ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ	181
 Заключение	202
 Примечания	207

Введение

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ШОС

И МЕСТО ОРГАНИЗАЦИИ

В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС), созданная в июне 2001 г., представляет собой постоянно действующую международную организацию, в которую в настоящее время входят шесть государств — Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан, а для двух государств (Индии и Пакистана) в 2015 г. начата процедура вступления в организацию в качестве полноправных членов. Можно констатировать, что в настоящее время общая площадь государств-членов ШОС равняется около 34 млн кв. км, что составляет 60 % площади Евразии, а население (3 млрд 40 млн человек) составляет половину всего населения земного шара¹.

Государствами-наблюдателями при ШОС являются Афганистан, Беларусь, Иран и Монголия. Кроме того, статусом партнера по диалогу, который предоставляется государству или организации, разделяющим цели и принципы ШОС и желающим установить с Организацией отношения равноправного взаимовыгодного партнерства или сотрудничающим с ШОС по отдельным направлениям деятельности, в настоящее время обладают Азербайджан, Армения, Камбоджа, Непал, Турция и Шри-Ланка.

К основным целям ШОС согласно Хартии этой Организации относятся следующие: укрепление взаимного доверия и добрососедства между государствами-участниками; содействие их эффективно-му сотрудничеству в политической, торгово-экономической, науч-

но-технической и культурной областях; обеспечение безопасности и стабильности в регионе, а также совместное продвижение к созданию нового демократического, справедливого и равноправного мирового порядка. В соответствии с этими целями согласно 1 ст. Хартии ШОС, принятой в июне 2002 г., основными задачами ШОС являются:

- укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства;
- развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, содействия построению нового демократического, справедливого и рационального политического и экономического международного порядка;
- совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех проявлениях, борьба с незаконным оборотом наркотиков и оружия, другими видами транснациональной преступной деятельности, а также незаконной миграцией;
- поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, оборонной, правоохранительной, природоохранной, культурной, научно-технической, образовательной, энергетической, транспортной, кредитно-финансовой и других областях, представляющих общий интерес;
- содействие всестороннему и сбалансированному экономическому росту, социальному и культурному развитию в регионе посредством совместных действий на основе равноправного партнерства в целях неуклонного повышения уровня и улучшения условий жизни народов государств-членов;
- координация подходов при интеграции в мировую экономику;
- содействие обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с международными обязательствами государств-членов и их национальным законодательством;
- поддержание и развитие отношений с другими государствами и международными организациями;
- взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании;

- совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI веке².

Таким образом, Шанхайская организация сотрудничества позиционирует себя как региональная организация, одной из двух основных задач которой, помимо экономического сотрудничества, является поддержание безопасности в Центральной Азии и в остальном мире. При этом она не является военным альянсом (как, например, НАТО) или открытым регулярным совещанием по безопасности (как, например, АРФ или ОБСЕ).

В данной работе используется понятие «пространство ШОС». Для того, чтобы было понятно, о чем идет речь, необходимо пояснить, что в современной политологии, чтобы географически выделить и обозначить предмет изучения или описания, о котором идет речь в конкретной работе, довольно часто используются термины «пространство» или «регион», например, евразийское пространство, тихоокеанский регион и т. п. Кроме того, чтобы объединить тематику конкретной работы и ее географическую принадлежность используют такие термины, как например, европейское экономическое пространство, региональная безопасность Юго-Восточной Азии и т. п. В нашей работе термин «пространство ШОС» используется в купе с понятием региональной безопасности.

Очень важно, с нашей точки зрения, обозначить, что такое пространство безопасности ШОС или где проходят его границы. Самый простой ответ на этот вопрос — географический: объединяются территории стран участников ШОС (в некоторых случаях еще и территории стран-наблюдателей и партнеров по диалогу) и эта территория воспринимается как пространство безопасности Организации. Так, например, поступили в ОБСЕ, АРФ, НАТО и некоторых других международных организациях. Однако Шанхайская организация сотрудничества обладает весьма значимыми особенностями, которые не позволяют воспользоваться этим способом.

Во-первых. В ШОС наряду со сравнительно небольшими по территории государствами (Казахстан, Узбекистан, Пакистан и т. д.) входят три великие мировые державы — Индия, Китай и Россия, территории которых на порядок превышают суммарную территорию

всех остальных членов организации (не считая, конечно, двух других мировых держав). Поэтому, с точки зрения безопасности, скажем, проблемы европейской или тихоокеанской безопасности такого, например, участника ШОС, как Россия, вряд ли будут волновать центрально-азиатские государства.

Во-вторых. Вследствие значительной (несколько тысяч км) удаленности государств, в той или иной степени принимающих участие в деятельности организации (например, Пакистан и Монголия, Беларусь и Шри-Ланка), трудно найти точки соприкосновения (за исключением, конечно, борьбы с международным терроризмом) в создании системы коллективной безопасности в масштабах всей ШОС, если, конечно, не превращать ее в военный блок. Подобные организации в прошлом веке уже участвовали в системе международных отношений (например, СЕАТО, АНЗЮС). При их создании обычно объявляется регион, в котором они будут осуществлять свою основную деятельность. В случае с ШОС при ее создании таким регионом стала Центральная Азия и прилегающие к ней территории соседних государств. В настоящее время масштабы Шанхайской организации, как уже сказано выше, существенно увеличились, но Центрально-Азиатский регион и прилегающие к нему территории по-прежнему остаются сердцевинной зоны ответственности ШОС.

В-третьих. Исторически сложилось так, что основным регионом, где сформировалась ШОС и заявила о себе как о региональной организации (первоначально, как Шанхайская пятерка), была Центральная Азия и безопасность новой организации рассматривалась в то время как безопасность на границах государств-участников, сначала внутренних, а затем внешних. Однако, как показала практика, в Центрально-Азиатском регионе представлены национальные интересы таких значимых государств, как США, Япония, а также Европейский союз, которые намерены защищать свои интересы, а следовательно, их политика будет существенно влиять на развитие ситуации в нем, а значит, и на региональную безопасность.

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, пространство безопасности Шанхайской организации сотрудничества в настоящее время можно обозначить как территорию Центральной Азии, при-

легающих к ней районов Индии, Китая, России и Пакистана, а также территории Афганистана. Данное пространство характерно тем, что на нем действуют основные мировые акторы, способные оказать влияние на развитие ситуации в Центральном-Азиатском регионе, а также на безопасность государств-участников организации. Кроме того, обстановка в Афганистане и Пакистане, а также политика таких стран, как Иран и Турция могут сыграть существенную роль в сфере безопасности ШОС. Поэтому в данной работе мы будем именовать географически обозначенное таким образом пространство как пространство безопасности ШОС (или пространство ШОС).

Более того, оценивая современную геополитическую ситуацию на пространстве ШОС, следует отметить, что она в ближайшей перспективе может претерпеть существенные изменения. Возможно, что на процессе ее развития существенно скажутся новые тенденции в мировой политике. Не секрет, что в настоящее время некоторые мировые акторы, как правило, это США и поддерживающие их страны НАТО, все чаще меняют вектор своей внешней политики, направленный на снижение напряженности в потенциально кризисных регионах мира, на создание в них так называемых районов «управляемого хаоса» для более эффективного продвижения своих интересов. Это подтверждается событиями в Ираке, Сирии, на Украине и последствиями «Арабской весны». На ситуацию в Центральной Азии может существенно повлиять также и неоднозначность развития обстановки в Афганистане после вывода оттуда основной группировки войск США и Международных сил содействия безопасности.

Кроме того, следует выделить ряд дополнительных факторов и тенденций, которые оказывают свое негативное воздействие на ситуацию на пространстве ШОС. К важнейшим из них относятся:

- неравномерность социально-экономического и политического развития различных государств региона, усугубляемая глобализацией и мировым финансовым кризисом;
- пересечение интересов США, Китая и России, сопровождающееся стремлением США укрепить свое экономическое, политическое и военное доминирование во всех регионах, как и в мире в целом, так и в Центральной Азии в частности;

- обострение проблемы обеспечения необходимых темпов экономического развития энергетическими, сырьевыми и иными ресурсами с одновременным ужесточением борьбы за контроль над ними в соответствующих районах и доступ к их запасам;
- сохранение очагов напряженности, связанных с несовпадением позиций государств по различным международным проблемам, наличием территориальных претензий, в ряде которых участвуют в разных сочетаниях несколько стран;
- дефицит доверия в отношениях между некоторыми странами Центральной Азии, порожденный сложной историей их межгосударственных отношений;
- рост масштабов нетрадиционных угроз, связанных с терроризмом и экстремизмом;
- нестабильность обстановки в ряде государств, обусловленных их внутренними социальными, этническими и религиозными противоречиями, что способствует росту сепаратизма, а также расширению деятельности организованной преступности (наркоторговля, незаконная миграция людей, контрабанда оружия и опасных веществ).

Таким образом, рассматривая современную политическую ситуацию на пространстве ШОС и ее влияние на борьбу с «силами трех зол» в регионе, необходимо исследовать внешние и внутренние факторы, влияющие на региональную безопасность и стабильность в Центральной Азии. Следует также провести анализ деятельности Шанхайской организации сотрудничества по противодействию международному терроризму и на основе этого представить основные направления повышения ее эффективности.

Глава 1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ВЛИЯНИЕ ОСНОВНЫХ МИРОВЫХ АКТОРОВ НА ЕЕ РАЗВИТИЕ

1.1. Геополитическая ситуация в Центральной Азии

Центрально-Азиатский регион (ЦАР) занимает важное геостратегическое положение. Его географическая расположенность обеспечивает кратчайшую связь Кавказа и Среднего Востока со странами Восточной Азии, юга и севера континента. Вследствие этого отсюда удобно контролировать как указанные транзитные пути, так и глубинные тыловые районы крупнейших государств Азии — Китая, Индии и России.

В последние десятилетия ЦАР постепенно с периферии региональной политики основных мировых акторов перемещается в один из перспективных центров политики и экономики в условиях формирования новых параметров геополитического развития мирового сообщества. Его значение существенно возросло как в геоэкономическом плане (наличие залежей нефти и газа, запасов урана, золота, других цветных металлов и редкоземельных элементов), так и в геостратегическом положении, с учетом удобства прокладки международных коммуникаций, которое влечет сюда мировые державы.

Поэтому на политическую трансформацию государств Центральной Азии и формирование их систем безопасности, помимо

факторов внутреннего порядка, в значительной степени оказывают влияние внешние акторы, такие мировые лидеры современности, как Китай, США, страны Евросоюза.

Следует также отметить, что на развитие политической ситуации в регионе оказывает существенное влияние то, что новые суверенные государства ЦАР длительное время входили сначала в состав Российской империи, а затем Советского Союза.

С одной стороны, это позволило феодальным государствам Центральной Азии совершить качественный скачок в своем экономическом и политическом развитии. Но с другой стороны, вследствие отсутствия местных кадров советское руководство, например, вынуждено было осуществить широкую миграцию населения из европейской части страны в эти республики, что вызвало рост населения некоренных национальностей с другим менталитетом. Значительный кадровый дефицит сказался также на уровне и качестве местных властных структур. Кроме того, слабое развитие основных отраслей современной промышленности в регионе стало основной причиной придания сырьевой направленности создаваемой там экономики.

Такое положение привело к тому, что после распада Советского Союза и декларации государственного суверенитета центрально-азиатские государства были вынуждены создавать новые властные структуры, армию, полицию и т. п. в условиях дефицита времени и средств, что негативно сказывалось на их эффективности. Кроме того, местная элита некоторых стран ЦАР в своем стремлении защитить национальный суверенитет от гипотетических угроз со стороны России приняла решение о вытеснении проживающих в республиках некоренных национальностей, в основном славянских, за пределы своих территорий. Этим был нанесен дополнительный удар по социально-экономическому положению в молодых государствах и обстановке в них.

В условиях национального становления новых государственных формирований в регионе обострились межгосударственные отношения, к которым относятся:

- существующие территориальные разногласия;

- незавершенность процессов демилитаризации границ;
- межгосударственные проблемы поставок энергетических и сырьевых ресурсов;
- распределение трансграничных водных ресурсов в регионе;
- наличие анклавов и мест компактного проживания некоренных национальностей;
- нерегулируемая миграция населения;
- проблемы транзитной перевозки грузов через территории центрально-азиатских государств;
- разнонаправленность ориентиров государств региона во внешнеполитической и внутривнутриполитических сферах.

Исходя из складывающейся обстановки, центрально-азиатские государства выбрали многовекторную стратегию своей внешней политики. Причем многовекторность их политики во многом явилась следствием неготовности России после распада СССР выработать свою адекватную политику в отношении развития сотрудничества с центрально-азиатскими государствами в сложившихся на тот момент условиях.

Политика стран Запада в отношении региона всегда строилась с целью обеспечения приоритетов своих национальных интересов. Необходимо отметить, что защита традиционных западных ценностей — демократии и прав человека уже не являются в Центральной Азии для Запада приоритетными. Однако многие проходящие в ЦАР процессы рассматриваются западными политиками со своей, европейской точки зрения, что ведет иногда к искажению действительности и формированию ложных стереотипов.

К этому следует добавить, что этнокультурная характеристика, исторический путь развития, современное положение народов Центральной Азии не являются собой благоприятную основу для построения демократического государства по западному образцу. Наоборот, навязывание западных стандартов жизни и государственного устройства может привести к обострению и хаотизации обстановки в центрально-азиатских государствах.

Анализируя политику основных мировых акторов в ЦАР, можно сделать вывод о том, что основными узлами противоречий в между-

народных отношениях, способных оказать существенное влияние на ситуацию в регионе в настоящее время, могут стать:

- стремление конкретных стран обеспечить лидирующие позиции в регионе с целью обеспечения своего влияния на развитие политической ситуации в регионе;
- борьба за право обладания ресурсами региона, а также за контроль над стратегическими межрегиональными коммуникациями;
- соперничество в поставках в регион оружия и военной техники, а также в материально-техническом обеспечении вооруженных сил центрально-азиатских государств;
- конкуренция за оказание влияния на лидеров государств ЦАР;
- стремление обеспечить контроль за стратегическими отраслями промышленности государств региона;
- разведывательная, террористическая, диверсионная и иная деятельность спецслужб и организаций иностранных государств, а также деятельность отдельных лиц, направленная на нанесение ущерба национальной безопасности государства;
- соперничество на культурно-образовательном пространстве с попытками овладеть умами местной молодежи.

Кроме того, если оценивать современную политику самих центрально-азиатских государств, то к возможным негативным факторам ухудшения геополитической ситуации в регионе следует отнести следующие.

1. Разнонаправленность взглядов руководства центрально-азиатских государств в определении стратегических приоритетов развития, что существенно затрудняет процессы региональной интеграции.

2. Соперничество в решении общих вопросов региона с целью получения для своей страны максимальных дивидендов, что приводит к установлению барьеров в торговле, в пересечении границ друг друга, а также вызывает межнациональную напряженность, недоверие и конфликты.

3. Различный уровень экономического развития государств региона, что снижает эффективность решения общих для ЦАР задач.

4. Соседство государств региона с нестабильными Афганистаном и Пакистаном, сохраняющаяся угроза проникновения в регион

значительных групп исламских экстремистов, а также наличие сепаратистских и экстремистских движений на территориях самих центрально-азиатских государств.

В настоящее время нельзя исключать возможность превращения Центральной Азии в одну из мировых «горячих точек» в случае обострения соперничества мировых держав в регионе со всеми вытекающими отсюда последствиями. Более того, ЦАР можно назвать узлом противоречий, зоной высокой конфликтогенности, где остро переплетаются различные проблемы, от использования природных ресурсов до этнических и межгосударственных противоречий, обострение одной из которых способно потянуть за собой обострение других проблем. Специфика географического положения региона, с одной стороны, делает его выгодным объектом нападения исламских экстремистов с южного и юго-западного направлений, а с другой стороны — это буфер для таких стран, как Россия и Китай для защиты от нападений тех же экстремистов.

Кроме того, практически во всех государствах региона имеются значительные группы населения, пропагандирующие идеи сепаратизма, исламского экстремизма и использующие для достижения своих целей методы и способы террористической борьбы. В настоящее время, по данным спецслужб, наблюдается продвижение военизированных исламистских группировок к северным и северо-западным районам Афганистана, а также налаживается взаимодействие и продолжается объединение потенциалов некоторых группировок, входящих в «Талибан» и «Исламское движение Узбекистана», с боевиками «Исламского государства» (ИГИЛ), в составе которых воюет немалое количество выходцев из стран Центральной Азии.

Поэтому, помимо внешнеполитических негативных факторов, отрицательно влияющих на стабильность в регионе, необходимо учитывать и негативные внутренние факторы, действующие в ЦАР, в том числе:

- сохраняющаяся напряженность в двусторонних межгосударственных отношениях некоторых центрально-азиатских государств;
- латентный конфликтный потенциал Ферганской долины;

- высокие риски и вызовы, вызванные снижением социально-экономического развития государств региона в условиях мирового финансового кризиса;
- сращивание государственных органов с криминальными структурами, покровительство должностных лиц незаконному обороту капитала, коррупции, способствующих снижению степени защищенности экономических и политических прав и свобод человека и гражданина;
- деятельность ваххабитских и других радикальных исламских группировок, направленная на насильственное изменение конституционного строя, в том числе действия, посягающие на политическое устройство, целостность, неприкосновенность территории государства;
- сохранение в регионе социальной, расовой, этнической, национальной, сословной и родовой вражды или розни;
- нанесение некоторыми представителями правящей элиты ущерба экономической безопасности государства путем использования стратегических ресурсов без учета интересов народа и государства, препятствование росту инвестиционной активности, притоку иностранных инвестиций, неконтролируемый вывоз капитала за пределы государства.

Между центрально-азиатскими государствами также сохраняются вызовы, связанные с разделением границ, споры об использовании водно-земельных ресурсов, социально-экономические проблемы внутреннего характера, а также представляющие реальную угрозу такие явления современности, как национализм, сепаратизм, политический и религиозный экстремизм, миграция, незаконный оборот оружия и наркотиков, межэтнические конфликты.

Кроме того, необходимо учитывать активное включение центрально-азиатских государств в мировой процесс глобализации, а также то, что интересы внешних и внутренних политических сил в регионе влияют непосредственно на безопасность как самого региона, так и Европы и Азии в целом. Более того, происходящие изменения в балансе политических сил региона могут оказывать серьезное влияние на формирование всей современной евразийской модели международных отношений.

1.2. Влияние основных мировых акторов на развитие политической ситуации в Центральной Азии

1.2.1. Политика США

Как уже отмечено выше, ЦАР на сегодняшний день представляет собой большой интерес как для региональных, так и для географически отдаленных от него стран. В настоящее время, как отмечает большинство экспертов и аналитиков, в Центральной Азии усиливается геополитическое соперничество основных внешнеполитических акторов, действующих в регионе: России, США, Китая, а также Индии, имеющих стратегические и геополитические интересы в ЦАР. Кроме того, существенную роль и влияние на развитие обстановки могут сыграть и соседние с Центральной Азией государства, имеющие с ней давние исторические, экономические, этнические, религиозные и другие связи. Так, в последнее время активную политику в отношении к ЦАР проводят Иран, Турция, Пакистан и Афганистан, отводящие данному региону важную роль в своей внешнеполитической деятельности.

В сложившейся в Центральной Азии геополитической ситуации национальные интересы и стратегии центрально-азиатских государств учитываются в той или иной мере внешними силами при реализации своих собственных региональных проектов. При этом регион расценивается как ключ к системе трансконтинентальной безопасности с учетом того, что от баланса интересов зависит успех осуществления стратегических планов. Вполне понятно, что обеспечив определенные геополитические преимущества в регионе, государство или группа государств получит не только приоритетный доступ к энергетическим богатствам региона, но и создаст предпосылки для более полной реализации своих национальных целей и интересов, а также для получения определенных преференций перед конкурентами.

Одним из основных акторов, решающих такие задачи в Центральной Азии являются Соединенные Штаты. Основной целью по-

литики США в XXI в. является сохранение господства или, как трактуют его американские политологи — лидерства Соединенных Штатов в мировом сообществе, которое должно обеспечиваться, прежде всего, военным превосходством. Предваряя выход новой «Стратегии национальной безопасности США» в феврале 2015 г., президент США Б. Обама заявил: «Успешная стратегия обеспечения безопасности американского народа и продвижения интересов нашей национальной безопасности должна начинаться с одной неоспоримой истины — Америка должна быть лидером. Сильное и устойчивое американское лидерство крайне важно для основанного на правилах международного порядка (читай — как этот порядок понимают в США), который отстаивает глобальную безопасность, благополучие, а также человеческое достоинство и права всех народов. Вопрос заключается не в том, должна или нет Америка лидировать. Вопрос состоит в том, как мы должны лидировать»³.

Другими словами, как справедливо определил Совет Безопасности Российской Федерации, суть внешней политики США на ближайшую перспективу будет состоять «в комплексном обеспечении безопасности США и их союзников, в стремлении к полной ликвидации ядерного оружия, обеспечении беспрепятственного доступа американских товаров на мировые рынки, продвижении в мире американских ценностей, формировании «более эффективного и справедливого» миропорядка при ведущей роли США»⁴.

Основы такой политики Соединенных Штатов не новы. Еще в начале XXI в. французский социолог и историк Э. Тодд справедливо отметил, что «Америка боится изоляции, боится оказаться одинокой в мире, который, возможно, не будет в ней нуждаться. Америка сумела существенно увеличить свои способности обогащения за счет изъятий из мировой экономики. Объективно она стала хищницей. Ясно одно: теперь Америка вынуждена вести политическую и военную борьбу, чтобы сохранить свою гегемонию для сохранения уровня жизни»⁵.

Более того, такая идеологическая основа внешней политики США, их боязнь потерять приобретенные преимущества и стать равноправной мировой державой в ряду других мировых держав миро-

вого сообщества превращает Соединенные Штаты в «империю страха», по аналогии с определением бывшего президента Р. Рейгана, который в свое время называл Советский Союз — «империей зла». При этом следует отметить, что страх — не самый лучший советчик в плане определения стратегии своего поведения и довольно часто приводит к непредсказуемым и печальным последствиям такого поведения как для окружающих, так и для самого индивидуума. Поэтому, боясь потерять свое лидерство и утратить навязанные мировому сообществу свои экономические преимущества, США цинично декларируют, что они: «будут лидировать с позиции силы... используя все инструменты американской мощи», и в своей политике будут «руководствоваться своими национальными интересами во всем, чтобы они ни делали в мире»⁶.

Рассматривая современную политику США в Центральной Азии и ее влияние на ситуацию в этом регионе, суть их политики можно выразить известной фразой У. Черчилля, произнесенной им еще в 1919 г.: «Центральная Азия — это та дойная корова, которая еще дожидается своего крокодила»⁷. Сейчас на роль такого «крокодила» претендуют США, которые в соответствии с действующей Стратегией национальной безопасности принимают самостоятельные решения и осуществляют упреждающие действия в том случае, если ими выявляется угроза для их безопасности или безопасности их союзников. В этой стратегии не исключается проведение военных операций, мотивированных любым проявлением агрессивности против США. При их обнаружении оценка таких проявлений — прерогатива самих Соединенных Штатов. Таким образом, исходя из внешнеполитической линии Вашингтона, можно утверждать, что любые политические процессы в суверенных государствах ЦАР будут рассматриваться исключительно через призму национальных интересов США.

К основным направлениям реализации национальных интересов Соединенных Штатов в Центральной Азии следует отнести следующие.

1. Обеспечение военного присутствия в регионе, которое является важнейшим фактором, способствующим усилению политических и экономических позиций США в мире.

2. Противодействие усилению влияния России и Китая в Центральной Азии, которое открывает стратегические возможности для сдерживания и ограничения влияния России и Китая в мировой политике.

3. Поддержание стабильного и сильного проамериканского режима в Афганистане в целях обеспечения стратегического плацдарма для расширения геополитического влияния США на северном, южном и западном направлениях.

4. Расширение доступа к энергетическим ресурсам региона, а также реализация трубопроводных и транспортно-коммуникационных проектов в южном и западных направлениях, проводимая в русле общей политики Вашингтона по лишению России возможностей транспортировки энергоресурсов центрально-азиатских и прикаспийских государств.

Идеологическим обоснованием этих направлений политики стала разработанная Ф. Старом в 2005 г. «Концепция Большой Центральной Азии» (далее — БЦА). Данная концепция появилась после того, как государства ШОС выступили в Астане с известным заявлением об американских военных базах в ЦАР. Основная суть разработанной концепции — создание форума «Партнерство по сотрудничеству и развитию БЦА», в который должны войти США, центрально-азиатские государства, Афганистан, Турция и, возможно, Пакистан без России, Китая и Ирана. Таким образом, должна быть создана новая региональная организация под эгидой США как альтернатива Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Дальнейшим развитием американской политики в регионе должно стать объединение «Большой Центральной Азии» с «Большой Южной Азией», что позволит создать «южный» энергетический и транспортный коридор для центрально-азиатских государств, обеспечивающий их выход на мировые рынки в обход России. При этом решается триединая задача: привлечение дополнительных ресурсов для решения афганской проблемы; диверсификация путей транспортировки энергоресурсов ЦАР и Каспийского региона в обход России и Китая и получение дополнительных рычагов воздействия на политику Индии и Пакистана.

Таким образом, суть политики США в регионе — связать в единое военно-стратегическое и геополитическое целое Центральную Азию, Афганистан, Турцию, Индию и Пакистан и весь этот регион поставить под свой контроль, тем самым максимально устранить влияние России, Китая, а также Ирана.

Можно предположить, что основой политики США по реализации концепции «Большой Центральной Азии» станут следующие ее направления.

Первое. Основной стратегией США в XXI в. будет сохранение их мирового господства. Для этих целей будут использоваться любые методы их достижения при игнорировании сложившихся норм международного права в случаях, если эти нормы мешают достижению поставленных целей.

Второе. Соединенные Штаты будут поддерживать и поощрять возможные проекты транспортировки энергоресурсов из Центральной Азии без участия России. Кроме того, Вашингтон будет проводить политику поощрения транснациональных корпораций, работающих в ЦАР, к диверсификации транзитных маршрутов углеводородов из региона.

Третье. Вашингтон в основном будет делать упор на развитие двусторонних отношений с центрально-азиатскими государствами, активно применяя метод «кнута и пряника», т. е. стимулирование лояльных ему режимов и зачисление в «мировые изгои» — нелояльных. Отношения с конкретной страной, скорее всего, будут выстраиваться в зависимости от того, готова ли она предоставить свои территории для военных баз США в случае «чрезвычайных обстоятельств».

Четвертое. После относительно неудачных (с точки зрения достижения целей Запада) попыток осуществления «цветных революций» в 2005 и 2010 гг. в Кыргызстане и Узбекистане, а также выдвижения требований относительно вывода военных баз с территории этих стран, Соединенные Штаты постараются вести более гибкую политику в двусторонних отношениях с центрально-азиатскими государствами. Скорее всего, США откажутся от своей стратегии «демократизации Центральной Азии», которая не приносит им ощути-

мых результатов, и перейдут на более прагматичный путь — умеренной исламизации региона с последующим объединением государств Центральной Азии, Афганистана, Пакистана, а также Турции в лояльный для Соединенных Штатов союз.

Пятое. Тем не менее, не следует думать, что американцы полностью отказались от организации «цветных революций» в ЦАР. Сегодня США ввергли мусульманский мир в хаос, при этом сохранив возможность непрерывно вызывать непрекращающиеся конфликты между разными исламскими государствами и религиозными течениями⁸. Они любыми способами будут продолжать политическую линию на смену режимов, которые их не устраивают. Распространение «американской модели демократии» в этом случае будет преподноситься как альтернатива религиозно-экстремистским идеям.

При этом экспорт демократии и создание «цивилизованного» гражданского общества в настоящее время не является самоцелью политики США в Центральной Азии. Это лишь инструмент для решения определенных геополитических задач, которым отданы приоритеты во внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов. Очевидно, что после Ближнего Востока следующим регионом, где будут применены «новые технологии» современной внешней политики США, будет именно Центральная Азия. В этом случае целью США в этом регионе является создание очага напряженности, аналогичного украинскому, а может быть даже сирийскому на границе с Россией и Китаем. Кроме того, как показала практика поведения США в Европе, нельзя исключать последующее размещение на территории центрально-азиатских государств противоракет с целью создания угрозы Уральско-Сибирской группировке ракетно-ядерных средств России.

Не исключено также, что будут предприниматься усилия для дестабилизации обстановки в России и Китае с использованием сил внутренней оппозиции, создания условий для внутреннего экономического кризиса и сепаратистских настроений в отдельных регионах, а также финансирование (прямое или косвенное, через третьи страны) организаций, использующих в своей практике методы террора.

1.2.2. Политика Китая

Центральная Азия стала первым регионом после Юго-Восточной Азии, в котором Пекин обозначил цель: закрепление и наращивание своего политического и экономического присутствия. Именно здесь Китай добился своего признания в качестве регионального актора⁹. Хотя по заявлениям китайского руководства основными стратегическими направлениями внешней политики КНР являются южное (Тайвань) и восточное (США и Япония), Центральная Азия, находящаяся на северо-западе, рассматривается в качестве своеобразного тыла Поднебесной, а также территории, по которой должен пройти Экономический пояс Шелкового пути, что является экономической подоплекой возрождения Великого Китая. Другими словами, в Пекине исходят из того, что Центральная Азия играет стратегически важную роль, как в обеспечении национальной безопасности современного Китая, так и в его становлении в качестве великой мировой державы. Наряду с Россией этот регион выступает для него в качестве своего рода глубокого и безопасного тыла перед лицом все более тревожащей Пекин переориентации военных акцентов США на тихоокеанский бассейн, где нарастает конкуренция двух центров тяготения — США и КНР.

Важность этого региона для Китая определяется следующими факторами:

1. ЦАР оказывает и, скорее всего, будет оказывать на длительную перспективу существенное влияние на обеспечение внешней и внутренней безопасности Китая. Слабость центрально-азиатских государств, активная деятельность на их территории сепаратистских и исламских экстремистских организаций, их общая граница с Афганистаном и, наконец, наличие сепаратистских настроений в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе (далее — СУАР) на северо-востоке КНР еще длительное время будут вынуждать пекинское руководство уделять серьезное внимание сотрудничеству с государствами региона в сфере безопасности.

2. Энергетическая составляющая в отношениях с государствами Центральной Азии в условиях быстрорастущей китайской экономи-

ки также крайне важна для современного Китая. Это обусловлено близостью региона к территории КНР, а следовательно существенным снижением затрат на транспортировку энергоресурсов. Причем по мере истощения запасов нефти и газа на территории самого Китая значение данного фактора будет возрастать.

3. Учитывая тот факт, что основной вектор развития Китая на долгосрочную перспективу направлен на превращение его в глобальную мировую державу XXI в., геополитическая составляющая его внешнеполитической деятельности, обеспечивающая достижение поставленной цели, должна быть представлена во всех регионах мира, где действуют основные мировые акторы — США, Евросоюз, Япония, Россия, Индия и другие. ЦАР — именно такой регион.

4. В условиях долговременного военного присутствия США в Афганистане и их попыток создать военные базы на территориях центрально-азиатских государств Китай должен учитывать, что в случае обострения обстановки в других близлежащих регионах мира, таких как Тайвань, Юго-Восточная Азия, Тибет и т. д., ЦАР может стать плацдармом для нанесения ударов по его территории. Поэтому пекинское руководство вынуждено постоянно держать ситуацию под контролем и прилагать все усилия для недопущения военной экспансии США и НАТО в ЦАР.

Процесс проникновения и укрепления позиций Китая в Центральной Азии в последнем десятилетии прошлого века был обусловлен следующим:

- особенностями внешнеполитической деятельности России в этот период, когда ее основной вектор был направлен на выстраивание отношений с Западом, а политика в отношении Центральной Азии практически была пущена на самотек;
- опасением молодых центрально-азиатских государств в отношении возможности проявления имперских амбиций России, что вызывает их стремление использовать Китай в качестве противовеса;
- географической близостью и исторической связью региона с Китаем еще со времен Великого шелкового пути, а также наличием культурных, родовых и семейных связей национальных мень-

шинств, проживающих в северо-западных районах КНР и на территориях центрально-азиатских государств;

- эффективным решением пограничных проблем между Китаем и государствами региона, а также их тесными контактами по обеспечению безопасности в пограничных районах;

- растущей экономической мощью КНР и возможностью получения центрально-азиатскими государствами китайской финансовой и другой помощи для развития собственных экономик;

- общей целью России и Китая — не допустить доминирования США в Центрально-Азиатском регионе¹⁰.

В настоящее время Китай достаточно прочно утвердился в ЦАР, наладил успешные политические и экономические связи с государствами региона как в рамках Шанхайской организации сотрудничества, так и вне ее. Одновременно Пекин постоянно подчеркивает, что признает «особые интересы» России в этом регионе, не стремится к господству в нем и не пытается вмешиваться во внутренние дела соседей.

В современных условиях значение ШОС для Китая обусловлено следующим:

- необходимостью обеспечения безопасности и стабильности в Центральной Азии после вывода из Афганистана войск международной коалиции;

- недопущением уменьшения значимости Китая в этой организации в случае приема в нее новых членов, таких как, например, Индия, Пакистан и др.

- активным лоббированием в рамках организации экономических интересов Китая;

- планомерным созданием в соответствии с принятой программой зоны свободной торговли в ШОС к 2020 г.

Другими словами, если учитывать, что в современных реалиях Россия является основным гарантом безопасности в ЦАР, то Китай хочет стать таким же гарантом его экономического развития. При этом российское расширение военной инфраструктуры в регионе (прежде всего, в Таджикистане и Кыргызстане), которое наблюдается в настоящее время, не является предметом озабоченности для Пе-

кина, поскольку, во-первых, это обеспечивает региональную безопасность; во-вторых, служит сдерживающим фактором усиления влияния США; в третьих, снимает обвинения в геополитических устремлениях Пекина в глазах центрально-азиатских лидеров и повышает привлекательность Китая в качестве ключевого инвестора в инфраструктурные и экономические проекты в Центральной Азии.

В сентябре 2013 г. китайским руководством была озвучена новая программа радикальной активизации всей внешнеэкономической деятельности КНР в Евразии под названием Экономический пояс Шелкового пути. В китайской экспертной трактовке этот проект является попыткой соединить Центральную, Восточную, Южную и Западную Азию различными способами экономического сотрудничества¹¹. При этом в соответствии с проектом Китай предполагает вести свою экономическую экспансию в регионе по следующим направлениям:

- продвижение региональной экономической интеграции;
- ускорение строительства единой транспортной сети, которая включала бы в себя сквозную транспортную магистраль от Тихого океана до Балтийского моря и трасс, соединяющих восточную, западную и южную Азию;
- увеличение объемов торгового и инвестиционного сотрудничества;
- снижение и ликвидация торговых барьеров, сокращение издержек, упрощение бюрократических процедур;
- увеличение доли расчетов в национальных валютах;
- расширение «народных связей» с целью «подкрепить региональное сотрудничество прочной социальной и общественной базой»¹².

Решение закреплять свое присутствие в Центрально-Азиатском регионе — это не тактическое маневрирование Пекина. Оно однозначно носит долгосрочный самодовлеющий характер. Многочисленные факты показывают, что Китай умело пользуется тем, что центрально-азиатские страны все больше стремятся разнообразить географию сотрудничества. Причем они сами нередко инициируют конкурентные ситуации в целях извлечения всевозможных выгод. Китай не преминул грамотно и расчетливо воспользоваться этим.

При этом нельзя игнорировать два момента в отношениях Китая и центрально-азиатских государств. Во-первых, деятельность Китая в целом способствует социально-экономическому развитию центрально-азиатских стран, повышению занятости населения и его образовательного уровня, исподволь содействует «стягиванию» региона, все еще разьедаемого центробежными тенденциями. С другой стороны, Китай при всем его благорасположении — отнюдь не альтруист, хотя и прибегает к адресной безвозмездной помощи. Крупные инвестиционные и кредитные средства, как правило, имеют условием приобретение китайского оборудования и техники, то есть работают на поддержание сравнительно высоких темпов роста китайской экономики.

При этом, с одной стороны, Китай провозглашает уважение суверенитета и территориальной целостности государств, недопущение гегемонизма, признание разнообразия мира, но с другой стороны — решительно и жестко отстаивает свои национальные интересы, создает прецеденты спорных территорий с соседними странами и добивается их урегулирования в свою пользу, активно проводит экономическую и миграционную экспансию в разных частях мира.

Тем не менее, позитивная направленность китайской политики партнерства нашла благоприятный отклик в политических элитах центрально-азиатских государств. Основные элементы китайской модели развития сделали для них притягательными и до некоторой степени стали определенными ориентирами. К ним следует отнести:

Во-первых, выборочное и дозируемое использование рыночных рычагов в экономической сфере, широкое включение страны в мировое разделение труда и осмотнительное заимствование иностранного опыта, формирование привлекательных условий для перевода на себя потоков зарубежных инвестиций.

Во-вторых, сохранение командных высот в руках государства, в том числе преимущество механизма долгосрочного планирования.

В-третьих, определяемая двумя вышеназванными моментами и обслуживающая их внешнеполитическая парадигма. Ее исходным

пунктом служит идеология практицизма и рациональности, которая включает в себя:

- невмешательство во внутренние дела;
- уважение выбора народом социального строя и методов развития;
- равенство и взаимная выгода;
- решение проблемных ситуаций политическими средствами;
- поощрение добрососедства¹³.

Современные реалии говорят о том, что Китай строит свою политику в регионе, исходя из холодного экономического расчета: принцип «мягкой силы» является его важнейшим дипломатическим принципом. С Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном Китай проявляет заинтересованность, в основном, в нефтегазовой сфере, а с Киргизией и Таджикистаном — водно-энергетической и транспортно-коммуникационной. При этом экономическая мощь КНР и людские ресурсы могут сыграть определяющую роль в ее доминировании в Центральной Азии в будущем. Китай уже превратился в главного инвестора в регионе: за 2001—2011 гг. объем китайских инвестиций увеличился более чем в 20 раз, составив более 20 млрд долл. За 20 лет товарооборот между Китаем и государствами региона вырос практически в 100 раз¹⁴.

Таким образом, в основе китайской внешней политики в любом регионе мира, включая ЦАР, лежит задача обеспечения благоприятных внешних условий для дальнейшего развития Китая и его превращения в мощную мировую державу. При этом следует отметить, что политика Пекина в Центральной Азии стала более активной и наступательной. В какой-то степени это связано и с процессом обновления правящей элиты Китая, приходом к власти политиков более амбициозных, прагматичных и жестких в отстаивании национальных интересов своей страны. Китай стал действовать на центрально-азиатском направлении весьма активно, инициативно и наступательно, грамотно используя при этом весь набор экономических, политических, военных и других инструментов как в рамках ШОС, так и в двусторонних форматах.

Ранее Пекин был склонен рассматривать регион как сырьевой придаток китайской экономики. Однако с началом реализации проекта Экономический пояс Шелкового пути экономическое присутствие КНР в ЦАР, скорее всего, будет идти за счет наращивания проектно-инвестиционной активности, в первую очередь в сырьевых секторах, развитии транспортных и трубопроводных проектов, увеличении поставок готовой продукции, а также соответствующего финансового сопровождения этих усилий. По мнению некоторых российских экспертов, китайский проект возрождения Великого шелкового пути представляет собой попытку усилить торговлю, а за ней — продвижение китайского влияния в регионе по всем другим направлениям. Не случайно все китайские инвестиции в Центральной Азии, в отличие от российских вложений, реализуются китайскими фирмами и с использованием китайской рабочей силы. Тем самым увеличивается количество китайцев в Центральной Азии, что с неизменностью ведет к усилению его влияния в регионе¹⁵.

Присутствие и влияние Китая в странах Центральной Азии — Казахстане, Кыргызстане, Туркменистане и Узбекистане — стремительно растет. Западная стратегия в плане формирования Нового экономического пояса Шелкового Пути, подчеркивает важность Центральной Азии для развития экономики Китая. Китай инвестирует миллиарды долларов в энергетический сектор этих стран, в том числе по контрактам с Казахстаном — 30 млрд; в рамках 31 договора с Узбекистаном — 15 млрд, инвестиции по соглашению о транспортировке природного газа с Туркменистаном достигли 16 млрд долл. Кроме того, Китай предоставил кредиты и помощь на сумму 8 млрд долл. Туркменистану и намерен выделить не менее 1 млрд Таджикистану¹⁶.

В 2014 г. в отдельных областях отношений между Китаем и странами Центральной Азии был совершен новый прорыв и наметились новые примечательные моменты в политической, экономической, культурной областях, а также в сфере безопасности. Это обусловлено следующим.

Во-первых, новое руководство Китая установило благоприятные «дружеские отношения личного характера» с лидерами стран Центрально-Азиатского региона. В течение года китайские государст-

венные лидеры провели несколько встреч с лидерами практически всех стран Центральной Азии.

Во-вторых, продолжает укрепляться фундамент «отношений стратегического партнерства», установленный в сотрудничестве КНР со всеми странами Центральной Азии. Поддерживается высокая степень координации и сотрудничества по основным региональным и международным вопросам, предоставляется взаимная мощная поддержка.

В-третьих, Китай и страны Центральной Азии уверенно движутся в направлении развития совместного партнерства, чтобы методами взаимовыгодного сотрудничества преодолеть многочисленные осложнения международного финансового кризиса и достигнуть положительных результатов. Так, например, в 2014 г. общий объем торговли между Китаем и странами Центральной Азии превысил 40 млрд долл.¹⁷

Обобщая изложенное выше, можно выделить ряд основных направлений современной политики Китая в Центральной Азии:

- поддержание стабильности в регионе, содействие его экономическому развитию;
- обеспечение дружеских двусторонних и многосторонних связей государств и безопасности в приграничных районах;
- недопущение монопольного доминирования в регионе какой-либо страны, особенно недружественной КНР;
- обеспечение практической реализации проекта Экономический пояс Шелкового пути;
- обеспечение открытости энергетических и других ресурсов ЦАР для экономики Китая;
- создание предпосылок для возможного усиления китайского влияния в регионе.

Следует подчеркнуть также некоторые немаловажные аспекты новой политики КНР в Центральной Азии, которые в обозримом будущем могут существенно сказаться на ее положении в ЦАР. В настоящее время в международных делах Пекин придерживается принципа «не становиться головой», то есть не принимать на себя бремя лидерства. Кроме того, Китай предпочитает участвовать не в

альянсах и военных блоках, а строить двусторонние отношения по принципу стратегического партнерства (Россия, ЕС, АСЕАН и т. д.). Это дает ему право не брать на себя жестких обязательств. Однако нет сомнений в том, что по мере возрастания экономической и военной мощи КНР этот принцип вне всяких сомнений будет пересмотрен.

Важно учитывать и тот факт, что в настоящее время политика, проводимая Китаем в ЦАР, существенно содействует изменениям в структуре системы международных отношений, усиливая ее полицентричный характер. В то же время эта же система под воздействием дальнейшего усиления КНР может повернуть международные отношения к «новой биполярности», а в долгосрочной перспективе прийти и к глобальному доминированию Китая. Все будет зависеть от способности Пекина справляться с внутренними и внешними угрозами и вызовами, проецировать свое влияние на глобальные и региональные процессы.

1.2.3. Политика России

В начале XXI в. внешняя политика России претерпела значительные изменения по сравнению с тем, как она строилась последние десятилетия прошлого века. Во-первых, руководство страны отказалось от неэффективной и затратной политики в отношении бывших союзных республик, когда вложенные средства не приносили никаких дивидендов, кроме словесных заверений. Во-вторых, внешняя политика страны приобрела ярко выраженную прагматичную окраску, характеризующуюся ее основным положением: Россия готова работать только там, где гарантируются ее национальные интересы. В-третьих, Россия четко дала понять Западу, что роль второсортной державы и сырьевого придатка Западу ее не устраивает, и что она способна и будет проводить свою, независимую и наступательную внешнюю политику, как и положено великой державе, пусть в настоящее время и немного ослабленной. Следует признать, что в настоящее время на мировой арене возникла новая реальность:

российская внешняя политика стала по-настоящему активной и по-настоящему стратегической.

С этой точки зрения Центральная Азия занимает одно из важнейших мест во внешней политике России, определяющих ее как глобальную державу. Такое положение обусловлено для России следующими факторами:

- после утраты своих позиций в государствах Восточной Европы, в Грузии, Азербайджане и в Украине Центральная Азия вместе с Белоруссией являются последними буферными зонами по всему периметру российских границ;
- обеспечение доминирующего влияния России в ЦАР необходимо для восстановления ее стратегического влияния в мире, безусловного признания за ней статуса великой державы всеми государствами планеты;
- Центральная Азия является одним из ключевых звеньев в области борьбы с международным терроризмом в непосредственной близости от российских границ, которые, в дополнение ко всему, обладают достаточной степенью прозрачности на данном направлении;
- присутствие в центрально-азиатских государствах значительной русскоязычной диаспоры (в основном — русских) обязывает российские власти не только оказывать соотечественникам необходимую гуманитарную и материальную помощь, но и отстаивать в случае необходимости их интересы перед властями этих государств;
- наличие в Центральной Азии залежей нефти и газа, а также других полезных ископаемых, имеющих стратегическое значение, например, запасы урана, редкоземельных элементов и т. п. дают дополнительные возможности для маневра в выполнении контрактных обязательств российскими компаниями по поставкам энергоресурсов в Европу.
- данный регион является одним из крупнейших рынков сбыта российских товаров, что имеет большое значение для развития международных торгово-экономических отношений.

Таким образом, Центрально-Азиатский регион является важной базой возрождения могущества России, ее стратегического влияния в мире. Основа российских интересов в Центральной Азии — стрем-

ление к сохранению особых отношений между Россией и центральноазиатскими государствами в политической, экономической, оборонной, культурной и даже языковой сферах. В общем виде национальные интересы России в этом регионе можно сформулировать в следующем виде.

Первое. Обеспечение стабильности политической обстановки в регионе, основанной на тесном партнерстве с входящими в него государствами. Причем главное место в текущих интересах России занимают вопросы безопасности. Основными проблемами в этой сфере являются: угроза России со стороны международного терроризма и религиозного экстремизма, а также контрабанда наркотиков из Центральной Азии, которая представляет постоянно возрастающую угрозу ее безопасности, так как этот регион примыкает к Афганистану, одному из самых продуктивных в мире источников наркотиков.

Второе. Создание общего экономического пространства для России и центрально-азиатских государств, которое в будущем смогло бы более эффективно содействовать экономической модернизации России. При этом экономические интересы России в Центральной Азии имеют не только практический, но и стратегический характер. Главный из них — не простое наращивание объемов товарооборота, а удержание экономики стран региона в русле российской экономической системы, достижение их интеграции с Россией.

Третье. Обеспечение права беспрепятственного транзита для России через Центральную Азию товаров и сырья в целях поддержания партнерских отношений с Китаем, Индией и Ираном. Следует отметить, что значительная область экономических интересов России в Центральной Азии связана с энергией. Регион богат нефтью и природным газом, и пути их транспортировки раньше полностью контролировались Россией. Центральная Азия заинтересована в диверсификации транспортировки своих энергоносителей. С появлением альтернативной сети транспортных трубопроводов без участия России, с одной стороны, она понесет экономический ущерб, а с другой — потеряет часть влияния в регионе.

Четвертое. Создание возможностей использования геостратегического потенциала региона для практических военных нужд, а

также для того, чтобы сохранить статус России как мировой и региональной державы.

Пятое. Создание предпосылок для международного признания ведущей роли России в регионе. Образно выражаясь, можно сказать, что целью России в этом плане является поддержание Центральной Азии в качестве своего надежного тыла, что подразумевает недопущение контроля региона другой великой державой и дестабилизации политической ситуации в регионе.

Шестое. После распада СССР в бывших советских центрально-азиатских республиках осталось примерно 10 млн русских. Обеспечение прав и равного положения русских в этих странах делается все более важной составляющей государственной политики России, становясь отдельным направлением защиты ее интересов.

Следует отметить, что на современную геополитическую ситуацию в регионе оказывает существенное влияние характер взаимоотношений в треугольнике Россия—Китай—США. Это связано с тем, что Россия и Китай входят в Шанхайскую организацию сотрудничества, а США, мягко говоря, «не приветствуют» ее существование. Очевиден тот факт, что установления «теплых и дружественных российско-американских отношений» не произошло и вряд ли произойдет в обозримой перспективе. Как уже сказано выше, США не приветствуют значимую роль России на международной арене и постараются сделать все, чтобы этого не допустить.

Кроме того, с учетом геополитических амбиций Китая, его колоссального демографического и экономического потенциала для России в стратегической перспективе положительным сценарием развития событий в Центральной Азии является тот, при котором китайское присутствие в регионе носило бы ограниченный характер.

Учитывая приведенные выше геополитические факторы, можно сказать, что у Китая и России есть потенциальные предпосылки для конкуренции. ШОС в этом случае может послужить структурой, совмещающей и балансирующей интересы обоих государств. Причем ни одной из стран нельзя сдавать свои позиции в этой организации, так как вторая сторона неизбежно окажется единоличным лидером,

что в конечном итоге приведет к развалу организации, чего добиваются Соединенные Штаты.

Если говорить о направлениях практической политики России в ЦАР, то они могут выглядеть следующим образом:

- продвижение идеи Евразийского экономического союза для реализации российских внешнеэкономических интересов на пространстве Центральной Азии;
- обеспечение экспансии российских компаний (Газпром, РАО ЕЭС и др.) в регионе;
- использование в своих интересах существующих транзитных преимуществ и возможных перспектив развития транспортных артерий в Европу;
- проявление толерантности в отношении идеологии и внутреннего устройства центрально-азиатских государств;
- сохранение ориентации военных ведомств государств ЦАР на российское оружие в интересах сохранения главенствующего положения в системе региональной безопасности;
- использование проводимых совместных мероприятий по противодействию терроризму, сепаратизму и экстремизму в рамках ШОС для создания предпосылок в случае необходимости быстрого формирования и развертывания военной организации участников ШОС в виде сил быстрого реагирования или военного союза.

1.2.4. Политика Индии

Важное стратегическое положение Центрально-Азиатского региона, наличие в нем энергоресурсов обуславливает стратегическую значимость данного региона для Индии, особенно после того, как началась процедура ее вступления в состав государств-участников Шанхайской организации сотрудничества. Причины такого положения лежат в политической и экономической плоскостях.

К политическим причинам следует отнести тот факт, что Индия, с ее численностью населения, успешно развивающейся экономикой и статусом ядерной державы стремится использовать все возможно-

сти для увеличения своего политического веса в мировом сообществе и усиления влияния на политическую ситуацию в мире.

В эпоху блокового противостояния XX в. Индия была одним из инициаторов создания «третьей мировой силы» — Движения неприсоединения и играла в нем весьма значимую роль, что вполне удовлетворяло политические амбиции индийских руководителей. В настоящее время, когда в мире практически не существует оппонента блоку НАТО, значительно снизилась роль ООН и Движения неприсоединения в системе международных отношений, предпринимаются попытки создания в XXI в. однополярного мира, старые принципы индийской политики уже перестали полностью удовлетворять местную элиту. Поэтому одним из способов повышения значения Индии в мировом сообществе является ее участие в стратегическом союзе или блоке, где Индия могла занять достойное для себя место и оказывать существенное влияние на принимаемые союзом решения, а сам союз — мог оказывать влияние на всю обстановку в мире.

Кроме того, в государственных интересах Индии в отношении Центральной Азии существенное место занимает тот факт, что центрально-азиатские страны могут сыграть важную роль в обуздании экстремистов в районе Кашмира. Это также имеет значение для стабилизации границ и общества Индии. При этом следует учитывать, что Индия — второе после Индонезии крупнейшее государство мира по численности мусульманского населения, равного 150 млн человек, и поэтому поддерживать хорошие отношения с соседними мусульманскими государствами — для нее жизненно необходимо. Очевидно, что исходя из таких посылок, министр иностранных дел Индии в свое время сделал концептуальное заявление о том, что «Центральная Азия — наши соседи, соприкасающиеся с нашей страной и имеющие стратегическое значение»¹⁸.

Индия в целом разделяет подходы центрально-азиатских государств к таким проблемам, как обеспечение безопасности и стабильности в регионе, сдерживание терроризма и экстремизма, необходимость сохранения территориальной целостности и противодействие попыткам сепаратизма. Также, как и эти государства, она выступает против концепции «однополярного мира». Однако у Индии имеют-

ся существенные различия по сравнению с позицией государств ЦАР в подходах к определению понятий терроризма, экстремизма и сепаратизма, а также в отношении к территориальной целостности оценки тех или иных общественных движений. Эти различия связаны с проблемой Тибета, поддержкой движения тамиллов и некоторых других.

К экономическим причинам интереса Индии к Центральной Азии в первую очередь следует отнести газовые и нефтяные ресурсы данного региона, которые имеют огромную притягательную силу для Индии, бедной энергоносителями и электроэнергией. Индия, как и Китай, стремится сделать Центральную Азию потенциальным источником своей энергетики. По оценкам некоторых экспертов, к 2020 г., чтобы обеспечить устойчивый уровень экономического роста, Китай должен увеличить уровень потребления энергии примерно в 1,5 раза, а Индия — в 2 раза¹⁹. Поэтому второй из главных причин стремления Индии к сотрудничеству с центрально-азиатскими государствами являются, помимо интересов в сфере безопасности, ее интересы в энергетической сфере.

Сегодня Индия является одной из наиболее быстроразвивающихся стран мира. По темпам экономического роста Индия в последние годы начала догонять Китай. Согласно государственным прогнозам, в 2015 финансовом году экономика страны может вырасти на 7,4 %²⁰. Столь ускоренный рост толкает Нью-Дели на расширение собственной зоны влияния. Одним из наиболее приоритетных регионов для укрепления индийских позиций является Центральная Азия.

Сегодня Индия смотрит на Центральную Азию не просто как на часть постсоветского пространства, а как на отдельный важный регион, где Китай и Россия взаимодействуют, лоббируя общие цели, и одновременно конкурируют, что определяет геополитическую важность этого пространства. Индия желает играть достойную роль в этом процессе, исходя из ее исторических и культурных связей с Центральной Азией, тесных политических и стратегических связей с Афганистаном, особых исторически сложившихся разносторонних отношений с Россией и быстро развивающихся отношений с Китаем.

Поэтому в 2012 г. индийской стороной в Бишкеке на первой встрече диалога между Индией и странами Центральной Азии была озвучена новая стратегическая политика Нью-Дели в центрально-азиатском регионе под названием «Central Asia Connect Policy» (САСР)²¹.

В рамках данного курса, Индия намерена:

- развивать политические отношения с центрально-азиатскими государствами;
- укреплять с ними стратегическое и военно-политическое взаимодействие;
- проводить консультации и активно участвовать в принятии решений по афганской проблематике;
- всесторонне развивать многостороннее экономическое сотрудничество.

Однако на пути продвижения индийской стратегии в Центральной Азии возникают значительные препятствия:

- затрудненный доступ к сырьевым ресурсам и рынкам центрально-азиатских государств;
- действия Пакистана, направленные на блокирование наземного транспортного сообщения между Индией и Афганистаном;
- действия Китая, направленные на ограничение возможности налаживания торговых отношений между Индией и государствами ЦАР через Синьцзян²².

Кроме того, реализуя свою стратегию, Индия неизбежно столкнется с пересечением своих интересов в Центральной Азии с интересами глобальных мировых держав, а именно США, России и Китая, и предсказать, чем закончится такое пересечение, сегодня довольно сложно.

Поэтому можно сказать, что на данном этапе развития международных отношений в Центральной Азии, а также учитывая последние геополитические тенденции, наиболее вероятным и быстрым методом для усиления влияния Индии в ЦАР является ее вступление в Шанхайскую организацию сотрудничества, успешная реализация которого началось в 2015 г.

Глава 2

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ ИРАНА И ТУРЦИИ НА РАЗВИТИЕ СИТУАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

2.1. Политика Ирана

Современная политика Ирана в Центральной Азии базируется на идее культурной общности региона, пропаганде необходимости культурного возрождения, на котором должна базироваться истинная независимость государства. Иран пытается использовать идеи общей культуры для укрепления своего влияния в центрально-азиатских государствах. По мнению Тегерана, этому способствуют общее культурно-историческое прошлое, общие границы, экономические основы и торговые связи. Иран готов предоставить государствам Центрально-Азиатского региона (далее — ЦАР) выход к Персидскому заливу для транспортировки энергоресурсов. Причем вопрос трубопроводов из Центральной Азии имеет для Ирана стратегическое и экономическое значение, так как страна, через территорию которой они будут проходить, станет значимой региональной силой.

В 2013 г. правительство Ирана во главе с президентом Х. Рухани сформулировало новую региональную концепцию, в рамках которой Иран пытается увеличить свое влияние в соседних регионах, таких как Кавказ и Центральная Азия. Новая региональная политика направлена на то, чтобы преодолеть имеющиеся препятствия с

целью расширения потенциала обеих сторон, в области торговли, инвестиций и взаимного влияния. Целью этой политики, имеющей для Тегерана принципиальное значение, является решение важнейших задач: освоение местных рынков и развитие двусторонних торгово-экономических отношений с государствами Центральной Азии и создание в сотрудничестве с руководством центрально-азиатских государств надежного заслона терроризму, религиозному экстремизму и деятельности трансграничных преступных группировок, в первую очередь связанных с наркоторговлей.

В Центральной Азии Иран, как правило, действовал взвешенно и политически безупречно. Это позволило ему развивать отношения (хотя и в разной степени) со всеми центрально-азиатскими государствами. Иранский курс в Центральной Азии всегда был рационалистичным и сдержанным. Он не изобиловал резкими поворотами и не был конфронтационным. Даже в ходе гражданской войны в Таджикистане Иран, симпатизировавший исламской оппозиции, сделал выбор в пользу политического урегулирования.

Сотрудничество с Ираном дает дополнительные возможности государствам Центральной Азии диверсифицировать свои внешние связи. Это сотрудничество органично вписывается в проводимую этими государствами политику многовекторности и балансирования между различными центрами силы.

Кроме того, Иран имеет обширные связи и влияние в Афганистане. Так или иначе, жизненно важные интересы Ирана связаны с будущим этой страны. Политика Ирана в Афганистане, давно вышедшая за рамки поддержки исключительно этнически близких групп (таджиков и хазарейцев), играет позитивную роль для стран Центральной Азии. Другими словами, Иран способен осуществлять сдерживающее влияние на афганские события, что вполне устраивает центрально-азиатские государства.

Более того, действующие в Центральной Азии исламские экстремисты представляют общую угрозу как для ЦАР, так и для Ирана. Их активизация напрямую связана с действиями «Исламского государства» в Ираке и Сирии, а также с возможным (а по некоторым данным — уже реальным) их проникновением в Афганистан. При

этом в условиях дестабилизации соседних стран Иран сам может быть поставлен в ситуацию, когда руководителям страны приходится думать о безопасности одновременно на национальном, региональном и глобальном уровнях. Поэтому центрально-азиатский фактор в обеспечении безопасности Ирана хотя и не является доминантным, все же относится к числу наиболее приоритетных.

Немаловажная задача для Ирана и центрально-азиатских государств — это совместная борьба с наркотрафиком. В последние годы как в Иране, так и в государствах Центральной Азии, несмотря на жесткие меры, резко возросло число наркозависимых граждан. Общая граница с Афганистаном, которую практически невозможно перекрыть полностью, увеличение объема производства наркотиков в этой стране и их контрабанда наносят серьезный удар по безопасности центрально-азиатских государств и Ирана, а также требуют активизации совместных действий в борьбе с этим злом.

Однако при выстраивании новых отношений Ирана с государствами Центральной Азии необходимо учитывать тот факт, что последние не заинтересованы в «ядерном» Иране, а также то, что вопрос возможной поддержки Ираном шиитских террористических организаций еще не снят с повестки дня.

Вторая задача политики Ирана в Центральной Азии — обеспечить экономические дивиденды и получить реальные выгоды от торгово-экономического сотрудничества. В этой сфере отношения Ирана с конкретными государствами ЦАР весьма диверсифицированы. Кроме того, в этих отношениях наблюдается достаточное количество узких мест.

Так, «многовекторность», ставшая стержнем внешней политики *Казахстана*, длительное время являлась причиной того, что в своих отношениях с Тегераном Астана руководствовалась не столько возможными выгодами от развития двустороннего сотрудничества, сколько тем, как это может отразиться на ее диалоге с США, Евросоюзом или же Турцией.

Именно поэтому Астана была инициатором идеи об изменении регламента вступления в ШОС, результатом чего стал пункт о невозможности вступления в нее государства, находящегося под междуна-

родными санкциями. Ни у кого не возникало сомнений, что это предложение было тем слагбаумом, который закрыл Тегерану дорогу к полноценному членству в ШОС. Тем самым Казахстан продемонстрировал, что разделяет западную политику «сдерживания Ирана» в регионе и осторожно, но настойчиво выступает в этом вопросе проводником интересов США и ЕС. И дело здесь не только в политике. В 2014 г. товарооборот Казахстана с Ираном составил около миллиарда долларов, в то время как с Евросоюзом — 53,3 млрд долл., что многое объясняет²³.

Однако в последнее время ситуация в двусторонних отношениях этих стран получила положительный вектор развития. Важным шагом на этом пути стал состоявшийся 11—12 апреля 2016 г. официальный визит в Исламскую Республику казахстанской делегации во главе с президентом Н. Назарбаевым. Его результатом может стать превращение Казахстана в ведущего партнера Ирана в регионе.

Положительные сдвиги во многом обусловлены тем, что Казахстан является страной, непосредственно участвующей в реализации совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе, принятого летом 2015 г. в Женеве. Согласно договоренностям, большая часть урана, от которого должен избавиться Тегеран, будет храниться именно в Казахстане — в так называемом банке ядерного топлива. Что же касается сырья для разрешенных ядерных разработок, то его Иран также теперь закупает у Астаны под контролем МАГАТЭ.

Что касается экономического сотрудничества в других сферах, то следует отметить, что до конца 2017 г. Иран построит в Казахстане три электростанции и завод по производству кальцинированной соды. Также иранские компании займутся геологоразведочными работами в республике. В свою очередь Казахстан собирается поставлять в Иран сталь, трансформаторы, системы технологического и коммерческого учета углеводородов. Вдобавок стороны договорились об экспорте продукции казахстанского аграрного сектора. Тегеран будет закупать у Астаны зерно, мясо и мясопродукты²⁴.

Двусторонние отношения *Ирана с Узбекистаном* в экономике в последние годы также приобрели отрицательную динамику. Товаро-

оборот между странами с 2008 г. не превышает 200—300 млн долл., хотя, по оценкам специалистов, он мог бы быть больше в 5 раз²⁵.

Необходимо также отметить, что с момента обретения независимости Ташкент всегда достаточно настороженно относился к расширению иранского присутствия в регионе. Главной причиной подозрительности было то, что это присутствие станет толчком к возрождению в стране таджикского национализма, чреватого увеличением сепаратистских настроений в Бухаре и Самарканде. Кроме того, правящие узбекские политические элиты подозревали Тегеран в намерениях усилить в стране позиции исламских общин, находящихся в оппозиции к светским властям. В немалой степени именно поэтому, когда в 1995 г. американский конгресс ввел против Ирана экономические санкции, Узбекистан был единственным из постсоветских государств, кто открыто поддержал эту меру.

Серьезным препятствием в развитии отношений между Узбекистаном и Ираном является также поддержка и финансирование последним строительства соседним с ними Таджикистаном гидроэлектростанций. Так, в сентябре 2014 г. президенты Ирана и Таджикистана осуществили запуск Сангтудинской ГЭС-2 на реке Вахш. Инвестиции Тегерана в этот совместный проект превысили 180 млн долл. Среди других совместных проектов двух стран — строительство Айнинской ГЭС на реке Зарафшан²⁶.

Этническая близость *Ирана с Таджикистаном* (обе нации персидского происхождения) является основой особых отношений этих двух стран. Иран пытается объединить ираноязычные государства региона Афганистан, Иран и Таджикистан в единое экономическое и культурное пространство. С этой целью в июле 2006 г. было принято решение о создании трехсторонней комиссии по сотрудничеству с центром в Кабуле. При этом было подчеркнуто, что «безопасность Афганистана и Таджикистана зависит от Ирана, а безопасность Ирана — от безопасности в этих странах»²⁷. Однако пока эта комиссия остается только декларацией.

Тегеран приложил немало усилий для нормализации и стабилизации ситуации в Таджикистане, сыграв одну из ключевых ролей при решении межтаджикского конфликта в 1997 г.

Основными статьями экспорта Таджикистана в Иран являются хлопок и алюминий. В импорте из Ирана преобладают машинное и техническое оборудование, товары из черного металла и пластмассы, цемент, бытовая химия, продовольственные товары. По словам президента Таджикистана Э. Рахмона, за последние 10 лет товарооборот между двумя странами вырос в 5 раз.

В сентябре 2014 г. гидростроители Ирана построили и сдали в эксплуатацию в Таджикистане ГЭС «Сангтуда-2» мощностью 220 мегаватт. Иранские компании продолжают работы на ряде гидротехнических объектов Таджикистана²⁸. В настоящее время в Таджикистане работает около 180 иранских предприятий, в том числе в сельском хозяйстве и энергетике²⁹.

Отношения *Ирана с Туркменистаном* в немалой степени определяет тот факт, что две страны объединяют общие границы, многовековая историческая, конфессиональная и цивилизационная близость. Прочным фундаментом добрососедства является и наличие на севере Ирана значительного массива туркменского населения.

Естественно, что эти отношения построены и на взаимной выгоде. За последние годы товарооборот между двумя странами вырос с 52 тыс. долл. в 1992 г. до 3,7 млрд в 2014 г. С помощью Ирана в Туркменистане реализовано или находится на стадии реализации около сотни промышленных объектов, имеющих приоритетное значение для национальной экономики.

Благодаря партнерству с Тегераном Туркменистан обзавелся самыми современными технологиями, в частности, в сфере волоконно-оптических линий коммуникаций, стройматериалов, медицинских препаратов, комплексов химической водоочистки и ряде других. Для газовой отрасли Туркменистана принципиально важной стала помощь Ирана в строительстве газопровода Корпедже—Курдкуй длиной 200 км, введенного в эксплуатацию в 1998 г. Иран на 80 % обеспечил финансирование строительства газопровода и обязался покупать транспортируемый газ в течение 25 лет³⁰.

Кроме двусторонних отношений Иран взаимодействует со странами региона и в многостороннем формате. Так, Тегеран стремится наращивать взаимодействие в рамках Шанхайской организации со-

трудничества, в которой Иран имеет статус наблюдателя и через которую получает возможность взаимодействовать с многосторонними объединениями СНГ (ОДКБ, ЕАЭС). Претендуя на роль одного из лидеров в регионе, Иран также стал рассматривать возможность участия в ШОС не только для усиления своего влияния в Центральной Азии, но и для расширения сотрудничества с Китаем.

Более того, как уже говорилось выше, Иран озабочен дестабилизацией ситуации в регионе, присутствием американских войск в соседних странах, особенно в Ираке и Афганистане. Он опасается, что ему не на кого будет рассчитывать в критической ситуации, так как он находится в окружении проамерикански настроенных стран либо государств, на территории которых расположены американские войска или базы. Сегодня военной мощи Ирана явно недостаточно, чтобы эффективно противостоять потенциальным противникам в лице Израиля и США.

Сами же государства-члены ШОС также заинтересованы в наиболее тесном сотрудничестве с Ираном, так как это дает возможность влиять на происходящие в нем политические процессы, поддерживая наиболее предсказуемые политические силы. Кроме того, страны-участницы ШОС, безусловно, заинтересованы и в том, чтобы не допустить военного вмешательства в Иран при любом развитии обстановки.

2.2. Политика Турции

После распада СССР, пожалуй, впервые после существования Османской империи турки получили возможность распространить свое влияние за пределы собственного государства, повысить свою значимость на международной арене. Свою экспансию в Центральной Азии Турция начала сразу по трем направлениям: политическом, идеологическом и экономическом. Были использованы возможности дипломатии, турецкого бизнеса, различных общественных, религиозных и политических структур. С Соединенными Штатами была достигнута договоренность о том, что западная фи-

нансовая помощь центрально-азиатским государствам пойдет через турецкие финансовые структуры. У западного сообщества была надежда на то, что проникновение турецкого капитала в Центральную Азию, открытие на ее территории турецких школ и лицеев, светский характер государственности Турции сделают ее основным посредником между Центральной Азией и Европой.

Основным предложением Турции для центрально-азиатских государств в этот период стала концепция создания наднационального тюркского экономического пространства, которое включало бы создание тюркского общего рынка; единой энергосистемы и системы транспортировки энергоресурсов; регионального банка развития; установление безвизового движения граждан и даже единого общего языка для тюркских народов. Как выразился бывший в то время президентом Турции Т. Озала: «создание тюркоязычной империи от Адриатического моря до Великой китайской стены».

Основными направлениями, по которым велась данная деятельность, были следующие:

- пропаганда турецкой экономической и политической модели развития;
- противостояние деятельности в ЦАР иранским шиитам и арабским вакхаббитам;
- подготовка кадров различного профиля для молодых центрально-азиатских государств.

Такая политика проводилась не только официальными органами Турции, но и через различные общественные и религиозные организации. Пожалуй, такая экспансия стала самой большой политической ошибкой Турции в Центральной Азии. Правящая элита центрально-азиатских государств не захотела менять русского «старшего брата» на турецкого. Кроме того, сравнительная экономическая слабость Турции по сравнению с основными мировыми акторами, действующими на территории ЦАР, ее зависимость от Запада, а также рост национального самосознания в центрально-азиатских государствах, не позволили Анкаре занять в регионе то место, на которое она претендовала. Начиная с 2010 г. общий объем турецкой торговли со странами Центральной Азии составляет примерно 6,5 млрд долл.,

а объем турецких инвестиций — 4,7 млрд долл., что несопоставимо с экономическим влиянием более мощных игроков — Китая, США, ЕС, России, других стран, имеющих свои интересы в регионе.

Однако турецкое руководство и в настоящее время не оставляет идей пантюркизма. Так, в 2009 г. в Стамбуле был создан «Совет сотрудничества тюркоязычных государств», в состав которого входят Азербайджан, Турция, Казахстан, Туркменистан и Кыргызстан. В начале июня 2014 г. на IV саммите Совета в турецком Бодруме обсуждалась, в частности, возможность транспортировки каспийских углеводородов в Европу. По результатам саммита была подписана декларация «Тюркский совет — современный Шелковый путь». Это один из этапов реализации запущенного в 2008 г. Министерством промышленности и торговли Турции проекта «Шелковой путь», в котором наряду с другими странами участвуют Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан. Цель проекта — связать европейские и азиатские рынки, фокусируя внимание на проблемах в сферах транспорта, безопасности, логистики, пограничных таможенных процедур³¹.

Степень политического и экономического влияния Турции в разных странах Центральной Азии традиционно была неодинаковой. Наиболее сильным является влияние Анкары в Туркменистане, который не только первым по образцу Турции перешел на латинский алфавит, но и установил с ней интенсивные гуманитарные и экономические связи. Отношения же Турции с крупнейшей по населению страной региона — Узбекистаном испортились еще в начале 1990-х годов, после того как она предоставила убежище беглому узбекскому политику М. Солиху. С тех пор Узбекистан вышел из всех пантюркистских организаций и участия в их деятельности больше не принимает. Тесные деловые связи сложились у Турции с Казахстаном и Кыргызстаном, где турецкий бизнес появился почти сразу после распада СССР.

Нередко инициативы по усилению связей с Турцией исходят от самих тюркских стран СНГ. Так, Кыргызстан с конца прошлого года заметно активизировал свои контакты с Анкарой. С конца ноября 2015 г. по начало февраля 2016 г. кыргызские дипломаты, поли-

тики и общественные деятели в общей сложности провели с представителями Турции около полутора десятков различных переговоров и совместных мероприятий. За это время в Анкаре состоялись два совместных бизнес-форума, в ходе которых Кыргызстан позиционировал себя в качестве страны, бизнес в которой дает доступ к внутренним рынкам Евразийского экономического союза с населением 170 млн человек.

В начале февраля 2016 г. турецкий премьер-министр посетил Казахстан. Интерес Анкары в ходе этого визита заключался в том, чтобы снизить энергетическую зависимость от России, получив доступ к нефтегазовым ресурсам Казахстана. Турция, в частности, заинтересована в получении казахстанской нефти после начала ее добычи на Кашагане. Важным моментом для Турции является и выстраивание новых транспортно-логистических маршрутов в обход России. Анкара активно участвует в проработке маршрута доставки грузов из Китая через Центральную Азию и Каспийское море в Европу, южная ветка которого должна пройти по ее территории³².

Следует также подчеркнуть, что начиная с 2007 г., Турция под руководством Р. Эрдогана начала реализовывать новую концепцию своего развития — «неоосманизм». При этом Анкара стала проводить активную внешнюю политику, позиционируя себя как геополитическая сила, претендующая на доминирование на Ближнем и Среднем Востоке. Пантюркизм как идеология, который использовался ранее, был дополнен положениями этой новой идеологии, подразумевающей контроль или опеку над бывшими территориями Османской империи, включая Центральную Азию. Основоположник данной концепции, бывший премьер-министр Турции А. Давутоглу обосновал эти два приоритетных вектора внешней политики государства географическим положением, историей и ролью ислама в современном мире.

При этом концепция внешней политики Турции стала рассматривать республику как силу мирового масштаба, основываясь на том, что ее геополитические амбиции подтверждались бурным ростом экономики и сильной современной армией. Внешнеполитическая доктрина, изложенная в стратегии национальной безопасно-

сти, декларирует, что Турция является самодостаточным, сильным и ответственным государством, которое не нуждается в экономической или политической опеке со стороны союзников.

Основной упор во внешней политике Турции был сделан на отношениях с исламскими государствами, и в первую очередь на автократии Персидского залива, которые поддержали Турцию денежными вливаниями. Особо примечательно то обстоятельство, что до начала «арабской весны» Б. Асад и Р. Эрдоган были самыми близкими союзниками, и обе страны получали колоссальные выгоды от сотрудничества, но в ходе «арабской весны» в угоду саудитам Р. Эрдоган предал своего союзника и перешел в лагерь его непримиримых врагов.

Аналогичным способом Р. Эрдоган поступил и в Ливии, которая до начала «арабской весны» являлась одним из важнейших торговых партнеров Турции. Поддержав свержение М. Каддафи и последующий приход к власти в Ливии «Братьев-мусульман», Р. Эрдоган показал всему миру радикальную исламскую направленность проводимой им внешней политики. Кроме того, специалисты спецслужб некоторых государств отмечают попытки Р. Эрдогана продвигать свою концепцию «неоосманизма» даже в отношениях с Китаем. Так, турецкие спецслужбы в рамках данной стратегии неоднократно контактировали с тремя террористическими организациями Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, что вызвало острую реакцию Пекина.

По оценкам некоторых политологов, в международных отношениях в последнее время стала все более проявляться борьба двух региональных концептов — новой «Османской империи» и новой «Персидской империи», что существенно осложняет отношения Турции с Ираном, хотя персидский рынок для турецких предпринимателей является одним из наиболее привлекательных. С интервалами в 2—3 месяца проходят «таможенные войны» между Анкарой и Тегераном, в ходе которых движение через пограничные КПП блокируются одной из сторон. Сирийский конфликт лишь усугубляет складывающееся положение.

Таким образом, новая политика Турции, базирующаяся на неоосманизме, с ярко выраженной исламской формой управления госу-

дарством, и стремлением Турции стать лидером государств Ближнего и Среднего Востока (включая Центральную Азию) создает новый комплекс угроз безопасности для Центрально-Азиатского региона. Более того, неприятие политики Р. Эрдогана половиной населения страны, снижение темпов экономического роста, скопление свыше двух миллионов сирийских беженцев на территории Турции, нарастающая угроза со стороны ИГИЛ, а также проблемы курдского населения могут привести к возникновению нового очага напряженности в Центральной Азии, аналогичного украинскому. Ситуация усугубляется беспринципностью нынешнего турецкого руководства, его готовностью ради сиюминутной выгоды вступать в сотрудничество с любыми странами и организациями, которые не приемлет мировое сообщество.

Глава 3

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ ОБСТАНОВКИ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

3.1. Особенности международного терроризма в современных условиях

Современный терроризм представляет собой многоплановую политическую субстанцию и является, к сожалению, одним из эффективных способов реализации политических целей. В настоящее время этот способ получил достаточно широкое распространение и представляет серьезную опасность для всего мирового сообщества. Поэтому особенности современного терроризма, причины его возникновения, используемые методы и способы проведения террористических акций, а также современные тенденции их развития представляют значительный интерес как для специалистов и специальных структур, занимающихся борьбой с терроризмом, так и для органов государственной власти в целом.

Чтобы объективно оценивать происходящие в мире процессы, связанные с проявлениями международного терроризма, необходимо учитывать следующее.

Первое. Терроризм — это способ достижения различных политических целей в мирных условиях с использованием методов вооруженной борьбы, в основном, диверсионной деятельности, которая обычно широко используется современными регулярными армиями

противоборствующих сторон в период военных конфликтов. Терроризм по определению не может являться идеологией ни партии, ни общественной организации, ни, тем более, нации такими как, например, сепаратизм, социализм, либерализм, мировые религии и т. п. Известный политолог Збигнев Бжезинский неоднократно подчеркивал, что терроризм — это тактика, а не идеология, а объявлять войну тактике — бессмысленно. Однако терроризм может быть использован и уже активно используется некоторыми личностями, организациями и даже государствами, о чем будет сказано ниже, для достижения целей, поставленных в рамках выше названных идеологий. Причем использование ими методов терроризма, как правило, не зависит от самой идеологии, а обусловлено сложившимися политическими обстоятельствами, наличием возможностей их применения и людей, способных их осуществить.

Второе. Использование понятия *терроризм* как идеологии, которой, как уже сказано выше, он не может быть по определению — сам по себе он является средством достижения конкретных политических целей. Как известно, террористические организации в современном их представлении существовали в различных странах, начиная еще с XIX в., однако только после 11 сентября 2001 г. терроризм в Соединенных Штатах стал трактоваться как идеологическое понятие. Это позволило, во-первых, объединить материальные ресурсы различных государств для обеспечения решения конкретной политической задачи США; во-вторых, объявить неугодные США государства террористическими с применением к ним методов международной изоляции; в-третьих, объявить, хотя и косвенно, целую мировую религию (ислам) — пособником международного терроризма.

Более того, следует отметить, что манипулирование трактовками и понятиями на тему: «что такое терроризм?» сразу стало широко использоваться современными политологами и государственными деятелями других стран для достижения вполне конкретных политических целей в различных регионах мира, далеко не всегда даже связанных с терроризмом. Это объясняется следующим:

1. Появлением возможности нарушения принятых мировым сообществом международных норм и правил цивилизованных от-

ношений между государствами, что позволило использовать под флагом борьбы с международным терроризмом нелегитимные методы ведения борьбы. Так, прямая военная агрессия стала называться — контртеррористической операцией; уничтожение мирного населения — «зачисткой» местности от террористов; создание концентрационных лагерей и использование пыток при допросах пленных — необходимыми методами борьбы с террористами и т. п.

2. Подмена понятий позволила объявлять любое государство, конкретные оппозиционные и религиозные организации, противников режима в любой стране террористическими и фактически ставить их вне закона.

3. «Повышение статуса терроризма» и возведение его в ранг международного зла дало возможность сосредоточить огромные финансовые средства в руках соответствующих структур, что в период окончания «холодной войны» и снижения военных расходов имело существенное значение с точки зрения финансирования деятельности силовых структур в различных государствах.

4. Борьба с международным терроризмом существенно повысила значение и права спецслужб в обществе, значительно расширила права самого государства в отношении прав самих граждан, позволила, при определенных обстоятельствах, существенно их ограничивать, что может быть использовано и часто используется правящими элитами в своих интересах.

5. Введение понятия терроризм как идеологии содействовало введению в обиход таких надуманных понятий, как, например, экологический терроризм, демографический терроризм, культурологический терроризм и т. п., что в свою очередь обеспечивает получение и освоение достаточно больших финансовых средств на противодействие несуществующим угрозам.

6. Смена понятий выгодна и самим террористам, т. к. государства направляют средства не на борьбу с причинами и источниками возникновения терроризма (бедность, безработица, социальная незащищенность и т. п.), а на развитие силовых ведомств и государственных структур, занимающихся борьбой с терроризмом, что

сохраняет социальную базу терроризма и обеспечивает его живучесть.

Третье. Особенность и привлекательность терроризма состоит в том, что его можно использовать для достижения любых целей: политических, социальных, экономических, религиозных и т. п. При этом для организации террористической деятельности необходимо присутствие трех основных факторов: наличие властных устремлений у отдельных личностей, групп единомышленников или организаций; присутствие у них экстремистских настроений и нигилистического отношения к легитимным методам борьбы и, как следствие, выбор террористических методов достижения своих целей. Другими словами, терроризм — это инструмент, который может использовать ту или иную идеологию.

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что терроризм — это форма насильственной политической борьбы, которая нарушает основные принципы и нормы международного права и морали. Причем не всякое насилие — это терроризм, но всякий терроризм — это насилие. Кроме того, это насилие, носящее системный, наступательный и массовый характер, использующее тактику непредсказуемых атак с целью нагнетания страха.

Другими словами, можно обобщенно сказать, что:

Терроризм — это любое действие или угроза действием, связанные с причинением смерти или серьезного вреда гражданскому населению, полицейским или военным органам в мирное время, а также нанесением кому-либо или чему-либо значительного материального ущерба, когда цели такого акта по его характеру или содержанию направлены на то, чтобы запугать население, заставить правительство или международную организацию выполнять или воздержаться от выполнения каких-либо действий.

В целом террористическая деятельность в современных условиях включает в себя:

- организацию, планирование, подготовку и совершение террористических акций;
- подстрекательство к проведению террористических акций, призывы к насилию при достижении политических целей;

- организацию незаконных военизированных формирований или преступных организаций с целью совершения террористических акций, а равно участие в них;
- вербовку, вооружение или использование террористов в террористических акциях, а также обучение их террористическим навыкам;
- финансирование террористической организации или террористов.

Современный терроризм как социально-политическая и правовая категории обладает особыми признаками и характерными чертами, которые существенно отличают его от терроризма более ранних веков.

Он представляет собой гораздо более высокую общественную опасность, возникающую при совершении масштабных террористических актов, либо вследствие угрозы осуществления таковых. При этом целью террористов является не уничтожение конкретных лиц, как это было ранее, а убийство или захват в заложники большого количества невинных людей, которые случайно оказываются на месте взрыва или захвата.

Его отличает публичный характер исполнения терактов. Если ранее преступления такого рода обычно совершались тайно и лишь иногда сопровождалось информированием только тех лиц, в действиях которых были заинтересованы преступники, то ныне террористы без широкой огласки, без открытого предъявления требований властям с использованием средств массовой информации свои задачи не решают.

Основной целью и отличительной особенностью современного терроризма является преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряженности в обществе и государстве. Причем такая обстановка создается не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном. Поэтому она представляет собой объективный социально-психологический фактор, призванный воздействовать на все общество и вынудить его к действиям в интересах террористов и принятию их условий.

Отличительной чертой современного терроризма является то, что насилие применяется в отношении одних лиц или неких матери-

альных ценностей, а психологическое воздействие оказывается на других лиц. Причем воздействие на лиц, от которых террористы намерены получить ожидаемый результат, может быть как прямым, так и косвенным.

В современных условиях существует достаточно большое количество форм террористической деятельности. К основным из них можно отнести следующие:

- использование взрывных устройств;
- индивидуальный террор и политические убийства;
- захват и угон морского или воздушного судна;
- захват заложников;
- использование хакерской деятельности в интересах террористов;
- организация техногенных аварий и катастроф;
- использование или угроза использования различных компонентов оружия массового уничтожения.

Кроме того, не исключено, что в ближайшее время появятся новые более изощренные формы терроризма, связанные в первую очередь с развитием научно-технического прогресса.

По составу участников террористической деятельности терроризм можно разделить на индивидуальный и организованный. В первом случае террористический акт совершают один-два человека, за которыми не стоит какая-либо организация, а во втором — террористическая деятельность планируется и осуществляется террористической организацией.

По своим целям международный терроризм делится на:

1. Националистический — преследует сепаратистские или национально-освободительные цели.

2. Религиозный — связан либо с борьбой приверженцев одной религии с приверженцами другой, либо преследует цель подорвать светскую власть и утвердить власть религиозную.

3. Социальный (идеологический) — преследует цель коренного или частичного изменения экономической или политической системы страны. Примерами идеологического терроризма служат — анархистский, эсеровский, фашистский, европейский «левый» терроризм и др.³³

3.2. Государственный терроризм — самая опасная разновидность международного терроризма

Понятие «государственный терроризм» возникло сразу после событий 11 сентября 2001 г. Причем возникло оно не на пустом месте, и его возникновение было обусловлено реализацией четко продуманной политики США в складывающихся после окончания «холодной войны» мировых политических реалиях. Еще в сентябре 2000 г., за год до указанных событий, в докладе «Восстановление обороны США», разработанном в рамках проекта «Новый американский век» было заявлено: «Процесс трансформации (оборонной мощи США. — *Ред.*) может затянуться, если не произойдет катастрофическое или катализирующее событие, подобное Пирл-Харбору». Поэтому неудивительно, что сразу же после событий 11 сентября информационно-идеологическая машина Соединенных Штатов заработала в заданном заранее направлении. Основная цель, как это определено в указанном выше докладе, обеспечить мировое господство США в XXI в.: «американское лидерство одинаково хорошо как для Америки, так и для всего мира».

Для реализации выработанной политики были приняты следующие меры.

Первое. Терроризм вопреки своей сути был объявлен идеологией, что позволило Соединенным Штатам объявлять целые государства, религии и нации террористическими и на этой почве сплотить значительное количество стран мирового сообщества в борьбе против таких государств-изгоев. После этого сразу же была объявлена так называемая «ось зла», в которую вошли государства, с которыми у США «не сложились» отношения: Ирак, Иран, Афганистан и т. д., что, конечно же, не является случайным.

Второе. В международную политическую практику американскими политологами был введен термин «государственный терроризм», а вышеназванные государства были объявлены террористическими, что позволяло отказаться в отношениях с этими странами

от норм международного права со всеми вытекающими отсюда последствиями. На практике это стало оправданием прямой военной агрессии США против Афганистана и Ирака.

Третье. Объявление терроризма идеологией позволило США создать коалицию государств, в определенной мере даже привлечь к ней своих противников для практической реализации планов так называемой контртеррористической операции, сначала в Афганистане, Ираке, а затем и в Сирии. При этом Джордж Буш-младший еще в 2001 г. четко расставил акценты: «Сейчас все страны во всех регионах должны решить для себя: либо вы с нами, либо с террористами». Таким образом, государства не только признавали лидерство США и становились послушными исполнителями любых их начинаний, но и фактически обеспечивали США своими финансовыми и военными ресурсами для реализации американских целей в различных регионах мира, маскируемых под борьбу с терроризмом.

Четвертое. Под эгидой борьбы с «Аль-Каидой» и движением «Талибан», а также поиском «многого» ядерного оружия в Ираке была осуществлена вооруженная агрессия против этих государств, завершившаяся установлением в них проамериканских правительств и передачей контроля над их энергетическими ресурсами американским и связанным с ними компаниям.

Однако, как показала практика, проведение длительных масштабных военных операций, причем в нескольких странах одновременно, уже не под силу даже такой стране, как США. Поэтому в Соединенных Штатах был разработан более дешевый способ удаления от власти неугодных Вашингтону правительств — так называемые «цветные революции». Цель этих революций аналогична целям, реализуемым США при проведении борьбы с международным терроризмом: установление в различных государствах правительств, лояльных Соединенным Штатам. Причем, следует заметить, что такая власть устанавливается, как правило, нелегитимными способами с нарушением законов конкретной страны и одновременной пропагандой своих действий, как действий по «защите демократии».

Необходимыми условиями для возникновения таких революций являются:

- не пользующаяся поддержкой местного населения коррумпированная государственная власть;
- слабые силовые структуры и отсутствие эффективной системы управления ими;
- социальная напряженность в обществе, недовольство политикой, проводимой властями;
- высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи;
- наличие на территории государства большого количества зарубежных неправительственных организаций, проводящих политику, часто отличающуюся от официальной политики властей, и тесная связь с ними лидеров оппозиции;
- оказание финансовой, организационной и иной помощи оппозиции со стороны заинтересованных в смене власти государств.

Методы противодействия властям в ходе таких революций для достижения поставленных перед ними целей были разработаны американским политологом Дж. Шарпом.

При этом следует отметить характерную деталь этих методов: Шарп декларирует, что «цветные революции» являются ненасильственными и демократическими. Однако проводятся они, как правило, нелегитимными способами с целью склонить местное население к повсеместной поддержке «революционеров» и заставить действующее правительство выполнить те или иные устраивающие их условия. Кроме того, как показала практика, во многих странах (например, Югославия, Грузия, Кыргызстан, Украина и др.) проведение таких революций нередко сопровождается открытым террором против представителей властных структур и противников революции. Все это вполне подходит под определение террористической деятельности и может быть квалифицировано как гражданский терроризм. Другими словами, гражданский терроризм — это борьба с легитимными правительствами террористическими способами, которые включают в себя полную палитру средств, начиная с создания хаоса в обществе до морального террора власти и физического устраниения представителей власти и даже членов их семей.

Как показал анализ практики проведения «цветных революций» последнего времени, их реализация в принципе невозможна без помощи извне. При этом государства, оказывающие помощь таким «революционерам», согласно американской же терминологии, вполне могут быть объявлены террористическими, а их действия — государственным терроризмом. Поэтому сами Соединенные Штаты, организовавшие «арабскую весну», «цветные революции» в Грузии, Кыргызстане, Украине по выработанной ими же терминологии можно смело отнести к странам, широко использующим в своей политике государственный терроризм.

Однако «цветные революции», как показала практика, далеко не всегда эффективны. Известны случаи, когда в некоторых исламских государствах они не принесли ожидаемого результата, даже при создании всех необходимых условий для их победы. Классический, с этой точки зрения, пример — Кыргызстан 2005 г. Казалось бы, для победы есть все: слабая коррумпированная власть; слабые силовые структуры; большой процент населения недовольного властями; наличие большого числа действующих зарубежных неправительственных организаций, неподконтрольных власти и т. д. и т. п. Но результат оказался совсем не таким, каким его ожидали организаторы «цветной революции»: просто один клан сменил у власти другой, что не принесло никаких преференций Западу.

Поэтому для повышения эффективности «революций» в исламском мире западными стратегами, стал использоваться «старый» испытанный способ, который еще в 80-х годах прошлого столетия активно и успешно применялся против советского контингента в Афганистане. Суть его состоит в создании террористических (диверсионных) вооруженных организаций (групп), вокруг которых объединяется оппозиция и которые при поддержке Запада консолидируют борьбу против существующей власти. Так в свое время в Афганистане для противодействия советским войскам и правительственным силам «Северного альянса» были созданы и поддержаны сначала движение моджахедов, а затем Движение «Талибан», к которым присоединилась «Аль-Каида». В настоящее время активно используются их усовершенствованные клоны: «Братья мусульмане» в Египте,

ИГИЛ в Сирии, «Ливийская исламская боевая группа» в Ливии и много других.

Последовательность действий сценариев смены власти состоит в следующем:

- страна, заинтересованная в смене власти в конкретном государстве, начинает активно использовать политические, экономические, финансовые, юридические и другие рычаги для дестабилизации социально-политической обстановки в нем;

- создается или используется уже готовая, хорошо в течение длительного времени подготовленная в военном отношении организация, которая выступает против существующей власти по принципиальным вопросам с единственной целью: отправить легитимную власть в отставку;

- конкретному оппозиционному движению либо организации выделяются значительные финансовые средства для объединения всех или большинства оппозиционных сил с целью свержения действующего правительства любыми средствами;

- в подконтрольных СМИ начинается широкая кампания пропаганды суждения о том, что якобы международное сообщество полностью поддерживает оппозицию, а существующая власть является изгоем мирового сообщества, причем те, кто эту власть поддерживает — будут жестоко наказаны;

- оппозицией используется или создается повод для организации открытых выступлений против власти, носящий сначала гражданско-агрессивный характер, а затем — вооруженное выступление против властных структур;

- одновременно в международных СМИ ведется активная кампания «о зверствах» власти по отношению к мирному населению, желающему улучшить свою жизнь;

- от оппозиции следует обращение к Западу, результатом которого становится его вооруженное вмешательство во внутренние дела конкретной страны, которое в конечном итоге приводит к смене власти и установлению прозападного режима в этом государстве.

Одновременно с вышеперечисленными акциями активно используются экономические и политические меры воздействия на

власть со стороны третьих стран, заинтересованных в смене власти в данном государстве. Такие меры, как правило, включают:

- «накачку» экономики данного государства кредитами с целью установления его экономической зависимости от стран кредиторов;
- скрытое поощрение и стимулирование коррупции в высших эшелонах власти конкретного государства;
- создание условий для развала силовых структур и внедрение в сознание населения их отрицательного образа.

Как показал анализ хода исторических событий, в последнее время западными государствами во главе с США широко используется и, что не вызывает сомнений, будет использоваться в дальнейшем в различных регионах мира силовая внешняя политика. Целями такой политики, судя по масштабам ее географической и политической конфигурации, скорее всего, являются:

1. Захват и обеспечение «жесткого» контроля над энергоресурсами Ближнего и Среднего Востока, а также Африки с передачей его в руки транснациональных корпораций. Такое решение позволит США и их союзникам в случае необходимости вмешиваться во внутренние дела государств под предлогом защиты своих граждан и компаний.

2. Установление проамериканских режимов в государствах, окружающих Россию и Китай, для обеспечения, при необходимости, их изоляции. Этой же цели служат и развертывание новых элементов ПРО (не только в Европе, но и в Азии) и попытки создания «исламского халифата» с прозападной ориентацией.

3. Проведение политики «управляемой нестабильности» в странах, обладающих энергоресурсами, с целью получения возможности управления мировыми ценами на энергоресурсы и, как следствие, укрепление доллара в качестве международной валюты.

4. Налаживание отношений с суннитской частью исламского мира (примерно 85 % мусульман) при жестком подавлении другой — шиитской, которая чаще всего выступает против экспансии США.

Вышеперечисленные технологии были успешно апробированы американцами в ходе так называемой «Арабской весны» 2011—2012 гг. Как очень точно выразился один из аналитиков: «Арабская

весна — это сплошной тотальный террор». Ставка американских стратегов была сделана на создание и искусственное поддержание перманентной нестабильности на Большом Ближнем Востоке, о котором уже говорилось выше. В случае успеха этого проекта США получают возможность в дальнейшем поставить под свой единоличный контроль огромные энергетические ресурсы и маршруты их транспортировки, а также другие природные ресурсы, препятствуя появлению на пространстве от Марокко на западе до Индонезии на юго-востоке новых центров силы³⁴.

Важно также отметить и еще один момент. Глобализация террористических проявлений стала одной из важнейших характеристик современного терроризма. С утверждением мировым сообществом принципа запрещения агрессивной войны как способа решения политических проблем политики, проповедующие насилие в международных делах, вынуждены искать другие методы и средства реализации своих целей. Одним из таких активно используемых некоторыми государствами (не только западными) методов стал международный терроризм, возведенный в ранг государственной политики. Еще в 80-е годы XX в. появилась тенденция подразумевать под терроризмом особый метод ведения тайных военных действий, так называемую «суррогатную войну».

К наиболее характерным методам такой войны можно отнести:

- наличие «государств-спонсоров», которые действуют, как правило, тайно и отрицают свою ответственность за акты терроризма или открыто объявляют себя поборниками борьбы с терроризмом в случаях, когда война ведется под прикрытием «антитеррористической операции»;
- вовлечение специалистов разведки, спецслужб, вербующих и финансирующих банды наемников для проведения террористических операций;
- попытки обеспечения доступа террористов к новейшему современному оружию высокой точности с большей убойной силой и прицельной дальностью;
- предоставление убежища и защиты террористам, после выполнения поставленных перед ними задач;

- предоставление информационных ресурсов в мировых СМИ с целью оправдания действий террористов;
- оказание психологического воздействия на общественное мнение в других странах.

Методы, которыми пользуются западные государства при проведении так называемых «антитеррористических операций», с их двойными стандартами, делением террористов на «хороших» и «плохих», обеспечение финансами и поставками оружия «хорошим» террористам и т. п. с достаточной уверенностью можно назвать методами «суррогатной войны», т. е. войны террористической. Кроме того, следует учитывать, что в международном праве обращение государств в той или иной форме к вышеназванным или подобным им мерам принято квалифицировать как «государственный терроризм». При этом государственный терроризм — как и агрессия — это результат преступной государственной политики конкретного государства.

Обобщая вышеизложенное, следует подчеркнуть следующее.

Первое. Как уже сказано выше, целью стратегии США в XXI в. будет достижение и сохранение мирового господства. Для ее осуществления будут использоваться любые методы при игнорировании сложившихся норм международного права в случаях, если эти нормы препятствуют реализации поставленных целей. При этом действия США и их безнаказанность за нарушения Устава ООН способствуют росту числа очагов напряженности, увеличению числа вооруженных конфликтов, усилению террора и интернационализации террористических организаций в различных регионах мира. Как заявил министр обороны России С. Шойгу, «В настоящее время во всех горячих точках планеты присутствуют американцы»³⁵.

Второе. Главное отличие терроризма от других методов борьбы за власть заключается в намеренном игнорировании норм права и морали. Как показала практика, в настоящее время США практически полностью игнорируют эти нормы, что подтверждается их действиями в Югославии, Ираке и Сирии, активным участием в событиях «арабской весны». В свое время государственный секретарь США М. Олбрайт заявила: «Если нам приходится применять силу, то только потому, что мы американцы, мы избранная нация».

Ей вторит президент Б. Обама, который, выступая перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте, заявил: «Я верю в исключительность Америки всеми фибрами души. США должны играть ведущую роль в мире и вооруженные силы всегда будут основой этого лидерства. Вопрос не в том, будем ли мы возглавлять мировое сообщество, а в том, как мы будем это делать»³⁶. Те методы и способы, которые Соединенные Штаты широко используют в своей политической практике в этих регионах, уверенно можно отнести к такому понятию, как «государственный терроризм».

Третье. К основным признакам государственного терроризма американские политологи и аналитики относят финансовую, военную и информационную поддержку террористических организаций, которую, по их мнению, осуществляют государства-изгои. Однако исторический опыт показывает, что сами американцы не только поддерживают деятельность нужных им международных террористических организаций, но и принимают активное участие в образовании и становлении таких организаций, что наглядно демонстрирует история создания «Аль-Каиды», ИГИЛа, «Ливийской исламской боевой группы» и многих других. Правда, иногда эти организации затем выходят из-под контроля США, но это уже не так важно для американских стратегов: во-первых, потому что они уже выполнили поставленную перед ними задачу, а во-вторых, дальнейшая их деятельность эффективно используется западными СМИ для нагнетания истерии в мировом общественном мнении по поводу борьбы с терроризмом, что также способствует реализации американских интересов.

Четвертое. При помощи проведения «цветных революций» в различных государствах мира Соединенные Штаты практически организуют государственные перевороты, совершаемые террористическими методами. В любой стране мира, в том числе и в самих США такая деятельность характеризуется как экстремистская и террористическая. Поэтому финансируя и поддерживая такие «революции», Вашингтон осуществляет террористическую деятельность по отношению к легитимно избранным органам местной власти, что является одной из ими же декларированных характеристик государственного терроризма.

Пятое. Соединенные Штаты активно используют такой характерный прием террористов всех мастей, как шантаж. Чаще всего это экономический или финансовый шантаж неугодных США государств, причем такие методы используются все чаще, а их география расширяется.

Экономический шантаж применяется не только к противникам США, но и к их союзникам в случаях их непослушания. Использование таких способов достижения своих целей еще раз доказывает, что сами Соединенные Штаты являются страной государственного терроризма.

Анализируя изложенные выше факты, можно достаточно уверенно сказать, что главным государством на планете, возведшим государственный терроризм в ранг приоритетов своей внешней политики, являются Соединенные Штаты Америки. Исповедуя свою исключительность в мировом сообществе; поставив во главу угла своей внешней политики достижение мирового господства; выказывая полное пренебрежение к нормам международного права и морали; реализуя свои интересы, в основном, через применение насилия; создавая, поддерживая и финансируя террористические организации любой направленности, включая фашистские. Обладая самым большим военным потенциалом в мире, США по существу стали самой серьезной угрозой безопасности и стабильности в мире. Так, обвинив некоторые государства в государственном терроризме, Соединенные Штаты, как оказалось, сами являются крупнейшим в мире государством-террористом.

Таким образом, терроризм, как и его антипод — антитерроризм, как его понимают в Вашингтоне, стоят на службе у политических и финансовых организаций, а также транснациональных корпораций США и их союзников. Лозунг «борьбы с терроризмом на глобальном уровне» и сопровождающие его американские антитеррористические операции используются как эффективные способы захвата и контроля территорий суверенных государств. Они применяются там, где нужно существенно повлиять на проводимую государственную политику, общественное мнение, финансовые и экономические процессы в конкретной стране.

Правило «золотого миллиарда» гласит, что ресурсов на всех не хватит. Это значит, что развитым индустриальным державам надо ограничивать развитие и контролировать потребление других стран во избежание появления серьезных конкурентов. Ограничение и контроль осуществляются невоенными и «военными» способами. Невоенные способы это: крупные кредиты, поощрение коррупции в высших эшелонах власти, экономические санкции. К «военным» способам можно отнести — дестабилизацию ситуации в стране путем оккупации, государственного переворота или активной поддержки терроризма и массовых беспорядков. При этом страна, лежащая в руинах из-за применения этих акций, граждане которой убивают друг друга по религиозным или политическим мотивам, будет потреблять мало ресурсов в силу бедности, но тем не менее сможет в больших количествах поставлять дешевую рабочую силу на мировые рынки труда.

Можно предположить, что политика государственного терроризма будет широко использоваться Вашингтоном, как в ближайшей, так и в среднесрочной перспективе. Это вызвано следующими причинами:

- отстраняя от власти негодные правительства суверенных государств, США практически во всех случаях приводят к власти в этих государствах зависимые от них правительства, которые беспрекословно выполняют волю своего сюзерена;
- как правило, в государствах, которые подверглись такому воздействию Соединенных Штатов, в обществе происходит раскол (религиозный, этнический, социальный и т. п.), который искусственно привносится в общество посредством деятельности различных экстремистских организаций. Эти организации создаются под патронажем американцев и их союзников. Их основной целью является создание и поддержание достаточной степени напряженности в гражданском обществе, чтобы длительное время государство представляло тлеющий очаг напряженности и легко управлялось из-за рубежа. Довольно часто этот очаг разгорается до гражданской войны и распада государства. Такое дробление государств (например, Югославии, Ливии, Ирака, Украины и других) выгодно США, так как

новые государственные образования значительный период времени вынуждены тратить на становление своей государственности, а значит, почти наверняка все это время будут зависеть от США;

- распад крупных государств на более мелкие, позволяет Соединенным Штатам в случае необходимости использовать свою военную силу более «эффективно» за счет использования более совершенного оружия, не задействуя большие контингенты войск, что значительно уменьшает людские потери;

- такая политика США направлена в первую очередь на государства, обладающие серьезными сырьевыми ресурсами или выгодным с военной точки зрения географическим положением. Овладевая ими, Соединенные Штаты практически ведут захватническую войну по переделу мира в своих интересах, и поскольку эта война приносит им неплохие дивиденды, прекращение ее в ближайшем будущем маловероятно.

Если исходить из логики современной внешней политики США, характеризуемой нами как политика государственного терроризма, и ее географической направленности, то с достаточной степенью вероятности можно заявить, что после нанесения удара на так называемом «Большом Ближнем Востоке», следующий удар будет нанесен в «Большой Центральной Азии». Это объясняется близостью к границам основных противников — России (с южного направления) и Китая (с северо-западного направления); наличием в регионе подконтрольных Вашингтону союзников — Афганистана и Пакистана; присутствием серьезных террористических и экстремистских организаций в регионе, а также слабостью государственной власти в центрально-азиатских государствах.

3.3. Причины возникновения терроризма в Центральной Азии

Известно, что Центральная Азия с точки зрения безопасности не самый благополучный регион. Гражданская война в Таджикистане (1990-е гг.), «цветные» революции (в 2005 и 2010 гг.) в Кыргызстане,

борьба с боевиками Исламского движения Узбекистана в Кыргызстане и Узбекистане в 1999—2000 г.г., а также андижанские события (2005 г.) в Узбекистане — все это свидетельствует, что существуют серьезные вызовы региональной безопасности в лице исламских экстремистов и этно-национальных сепаратистов, которые активно используют терроризм для достижения своих целей.

Особенно опасна возможность перерастания террористического насилия во внутренние вооруженные конфликты и гражданские войны в регионе, которые всегда сопровождаются массовой гибелью мирного населения, распадом общественных связей, разрушением государственной инфраструктуры. Кроме того, происходит дестабилизация обстановки в соседних государствах, сталкивающихся, как минимум, с массовой миграцией и нарушением межгосударственных связей. Поэтому терроризм продолжает оставаться для стран Центральной Азии серьезным дестабилизирующим фактором, провоцирующим социально-политическую напряженность и представляющим реальную угрозу их безопасности.

Если говорить о наиболее общих причинах разрастания терроризма в современных условиях, то в Центральной Азии их порождает ряд факторов внутреннего и внешнего свойства. К внутренним факторам следует отнести:

- заметное снижение жизненного уровня населения в ряде центрально-азиатских стран, усугубляющееся беспрецедентным ростом социальной дифференциации;
- кризисное положение большинства социальных и профессиональных групп, вызванное высоким уровнем безработицы, что обуславливает миграцию населения, а также психологическую деградацию и дезориентацию личности;
- репрессии по отношению к оппозиционным движениям и инакомыслию со стороны правящей элиты;
- ошибки в национальной политике, допускаемые правительствами государств, что порождает среди некоторых групп населения, прежде всего этнических и религиозных меньшинств рост сепаратистских настроений и идей национального самоутверждения;

- расширение доступа к информации, содержащей идеи и взгляды, пропагандирующие культ насилия и нетерпимости, а также героизирующие террористов;
- сравнительная доступность для населения оружия, включающая относительную простоту его приобретения или кустарного производства.

К главным из внешних факторов распространения терроризма в Центральной Азии можно отнести:

- несправедливость распределения доходов при современном международном разделении труда, обеспечивающая максимальную и все увеличивающуюся прибыль развитых государств и консервирующая прозябание развивающихся;
- эгоизм ведущих мировых корпораций при эксплуатации ресурсов стран третьего мира;
- политический, экономический и даже военный нажим на отдельные страны с целью продвижения собственных национальных интересов на их территории;
- осуществление скрытой поддержки и поощрения терроризма на уровне государственной политики некоторых стран, направленные на достижение конкретных внешнеполитических целей.

В Центрально-Азиатском регионе экстремистские и сепаратистские движения все чаще используют террор в качестве одного из основных способов ведения политической борьбы. Этому способствует целый ряд причин в центрально-азиатских государствах, которые сами создают в обществе социальную среду, осуществляющую постоянную подпитку деятельности террористических организаций. Эти причины можно разделить на две группы.

К *социально-экономическим* причинам можно отнести:

- экономический и социальный кризис, безработицу и обнищание значительной части населения в отдельных регионах;
- обостренное чувство социальной неустроенности и незащищенности у значительной части населения, особенно у молодежи;
- падение авторитета власти вследствие неэффективности проводимых экономических реформ, коррупции и клановости;
- существенный рост социального расслоения общества;

- деиндустриализация экономики и связанная с ней маргинализация значительной части населения, которая в условиях высокой рождаемости в исламских регионах ударила прежде всего по молодежи;

- стремление некоторых исламских государств (Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта и т. д.), с молчаливого одобрения США и их союзников, использовать свои финансовые возможности для завоевания лидирующих позиций в исламском мире и, как следствие, финансовая и идеологическая (образовательные программы для исламской молодежи) помощь группировкам радикального ислама в центрально-азиатских государствах.

К *социально-политическим* причинам можно отнести следующие:

- отчуждение людей от государства и общества, устранение людей от участия в управлении собственной жизнью;

- утрата широкими слоями населения идеологических и духовных жизненных ориентиров, разрушение моральных ценностей, искажение положений традиционного ислама и, как следствие, рост значимости его радикальных ветвей;

- рост национального самосознания и осознание своей исторической значимости этносами Центральной Азии;

- этнические и религиозные конфликты, резкое изменение мировоззрения, вызванные социальными потрясениями;

- противоречия между секуляризмом светских режимов центрально-азиатских государств и политическим исламом;

- связь местных террористических организаций с крупными международными организациями, такими как «Аль-Каида», «Братья мусульмане», «Хамас», которые осуществляют финансовую подпитку и подготовку кадров для террористических организаций в Центральной Азии;

- нестабильность в Афганистане и Пакистане, где продолжают существовать основные опорные базы и лагеря подготовки международных террористов;

- широкое распространение наркобизнеса и других видов трансграничной преступности, которые становятся основным источником финансирования террористов.

В современных условиях террористические организации быстро приспосабливаются к новым решениям, меняют тактику и методы своей деятельности, умело используют экономические и социальные проблемы, религиозный фанатизм и сепаратистские настроения. При этом в последние годы они переключают внимание с прежних «труднодоступных» целей, таких как военные объекты, дипломатические и международные учреждения на более уязвимые объекты гражданского назначения, места массового скопления мирных граждан. В результате террористические акты становятся все более изощренными, масштабными и антигуманными.

В последнее время практически во всех странах Центральной Азии наблюдались новые тенденции в проявлениях терроризма, характеризующиеся следующими основными факторами.

Во-первых, заметно возрос уровень криминализации процессов политической борьбы в странах региона. Это выражается в активном участии криминальных структур в борьбе за захват и осуществление государственной власти, как, например, это происходило в Кыргызстане.

Во-вторых, следует отметить, что количество традиционных проявлений терроризма в форме совершения терактов и вооруженных нападений на государственные объекты со стороны представителей террористических организаций и группировок существенно сократилось. Вместе с тем, судя по информации спецслужб центрально-азиатских государств, эти организации готовы использовать любую, даже незначительную дестабилизацию обстановки в конкретном государстве в своих интересах.

В-третьих, центрально-азиатские правительства довольно часто неадекватны в принятии мер антиэкстремистского характера. Это вызывает недовольство населения и увеличение количества различных массовых акций протеста, некоторые из них выливаются в открытое противостояние граждан против представителей власти. Такие выступления активно используются экстремистскими и террористическими организациями.

Глава 4

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ КАК УГРОЗА РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

4.1. Вызовы субрегиональному сотрудничеству в экономической сфере

В период глобализации региональная интеграция в любом регионе мира приобретает все более важное значение, с точки зрения его дальнейшего развития и эффективного включения в глобальную систему международного разделения труда. Центральная Азия здесь не исключение. Более того, предпосылок для масштабной интеграции центрально-азиатских государств, включая исторические, экономические, этнические, религиозные, более чем достаточно. К ним можно отнести следующие.

Во-первых, есть историческая общность различных народов, проживающих здесь в течение многих веков: их культура, язык, религия, традиции, менталитет имеют схожий характер.

Во-вторых, четко просматривается необходимость интеграции в плане обоюдного обеспечения государств региона ресурсами. Так, Южный Казахстан, Узбекистан и Туркменистан нуждаются в водно-энергетических ресурсах Кыргызстана и Таджикистана, а те в свою очередь — в газе и нефтепродуктах, производимых в Узбекистане, Туркменистане и Казахстане.

В-третьих, в регионе есть еще общность задач государственного развития. Все центрально-азиатские государства стремятся создать конкурентоспособную экономику, сформировать развитый научно-технический потенциал и на этой основе достичь социального благополучия.

В-четвертых, вследствие близости географического положения наблюдается большая коммуникационная взаимозависимость стран для обеспечения их выхода как на международные рынки, так и на внутренние рынки стран ЦАР.

В-пятых, не менее важным является вопрос сохранения политической стабильности в регионе. Все страны Центральной Азии заинтересованы в сохранении внутренней стабильности как у себя, так и у своих соседей. Тем более, что в силу относительной незащищенности внутренних границ между этими государствами, существует возможность переноса негативных процессов и тенденций из одной страны в другую.

В-шестых, существует и общность трансграничных угроз: международного терроризма, религиозного экстремизма, наркотрафика, нелегального оборота оружия, международной преступности.

При этом необходимо отметить, что в регионе прослеживается связь между интеграцией и ее влиянием на безопасность всего региона и каждой страны в отдельности. Например, формирование региональной модели экономического развития и разработка экономической концепции региона может обеспечить экономическую безопасность.

При этом создание единой энергетической системы позволит обеспечить энергетическую независимость региона и тем самым укрепит его безопасность, а совместный контроль над водными ресурсами позволит укрепить водную, а также внутреннюю безопасность региона, так как многие потенциальные конфликты зреют из-за недостатка водных ресурсов.

Однако, как известно, любой интеграционный процесс может натолкнуться на известную дилемму, возникающую между экономикой и геополитикой. Если первая стремится к интеграции национальных экономических стратегий, то вторая начинает деформи-

ровать интеграционные процессы, основываясь на сложившихся исторических, этнонациональных, территориальных и других межгосударственных притязаниях, которые выражаются в национальных интересах каждой конкретной страны, и их реализация довольно часто существенно замедляет процессы региональной интеграции. Как правило, результатом подобного столкновения неизменно становится возникновение ряда конфликтных зон и барьеров, связанных со сложными процессами культурно-цивилизационного самоопределения государств региона.

Несмотря на вышеперечисленные предпосылки создания эффективной системы региональной интеграции центрально-азиатские государства так и не сумели в достаточной мере их использовать. В настоящее время усилия государств региона направлены в основном на самообеспечение и уход от зависимости в экономическом секторе от государств-соседей, т. е. по существу на уничтожение единой экономической базы для развития региональной интеграции.

Сближению и укреплению добрососедских отношений мешает ряд факторов, которые сегодня доминируют в политическом мышлении лидеров и элит стран ЦАР. Это и отсутствие равноправия в отношениях между странами; стремление отдельных стран к доминированию в регионе; геополитические амбиции лидеров центрально-азиатских государств; и, самое главное, отсутствие доверия между ними и как результат — отсутствие эффективных и развитых двусторонних, а тем более многосторонних отношений между странами Центральной Азии. В регионе не образовалось самостоятельной силы, реально заинтересованной в снижении действий межгосударственных барьеров, в продвижении процессов углубления производственной специализации и региональной промышленной интеграции.

Внутри региона остаются нерешенные вопросы общего характера и множество неурегулированных отраслевых проблем. По многим товарным позициям производители центрально-азиатских государств конкурируют друг с другом. Остается актуальной тема совместной координации финансовых, инвестиционных, торгово-экономических отношений и миграционных потоков, а также общего ис-

пользования хозяйственных комплексов в энергетической, водной и транспортно-коммуникационной отраслях.

При этом не вызывает сомнения, что по одиночке каждая страна ЦАР интересна для любого из мировых акторов, действующих в регионе, только в качестве сырьевого придатка. То есть, говоря «экономическим языком», торговля с такой страной, как правило, осуществляется на основе принципа абсолютного преимущества. Правда некоторые центрально-азиатские государства пытаются ценой огромнейших затрат реализовать экспортно-ориентированную политику. Однако для того, чтобы эта политика дала реальную отдачу нужны не только низкие производственные затраты, но и низкие транспортные расходы для выхода на «большой международный рынок». Таких возможностей у большинства государств ЦАР практически нет.

Кроме того, неудачи региональной интеграции в Центральной Азии привели к дроблению некогда единого экономического пространства и, как следствие, к межгосударственным и межэтническим противоречиям, росту напряженности между центрально-азиатскими государствами, что существенно влияет на реализацию национальных интересов и обеспечение национальной безопасности каждого из них.

В экономической сфере основными причинами межгосударственных противоречий в Центральной Азии являются:

- различный уровень их экономического развития;
- расположение сырьевых ресурсов в странах региона;
- проблемы использования водных ресурсов региона;
- нерешенность транспортных проблем региона;
- бедность и социальная незащищенность значительных слоев населения практически во всех центрально-азиатских государствах.

Наиболее значимыми для регионального сотрудничества в экономической сфере являются отношения между *Казахстаном и Узбекистаном*. Договор о вечной дружбе между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан был подписан 30 октября 1998 г. Согласно этому договору в современных условиях довольно успешно развивается экономическое сотрудничество между этими государствами.

Казахстан поставляет в Узбекистан нефть и нефтепродукты, продукцию металлургии и сельского хозяйства. Экспорт Узбекистана в Казахстан составляют в основном газ, минеральные удобрения, продукция легкой промышленности и сельхозоборудование.

В июне 2013 г. в Ташкенте был подписан Договор о стратегическом партнерстве между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан. Подписание этого документа может иметь важное значение в плане стабильности и процветания всей Центральной Азии, что было отмечено в выступлениях президентов двух стран. В Договоре закрепляются основные принципы и приоритетные направления двустороннего сотрудничества в политической, торгово-экономической, транспортно-коммуникационной, водно-энергетической, экологической, культурно-гуманитарной, военно-технической и других областях. Также подтверждается единая согласованная позиция двух государств в отношении развития справедливой системы водопользования в ЦАР.

Однако экономическое сотрудничество Казахстана и Узбекистана до последнего времени находилось на достаточно низком уровне (2—3 млрд долл., что явно не соответствует потенциалу двух стран)³⁷. Экономическое сотрудничество двух государств имеет ряд проблем, которые отрицательно влияют на их отношения. Эти проблемы связаны в основном с развитием и взаимодействием газового и транспортного комплексов обоих государств. Так, Казахстан имеет реальную зависимость от поставок узбекского газа в свои южные области, которая иногда используется узбекской стороной для лоббирования своих интересов. И хотя в последние годы Казахстан стремится снизить эту зависимость посредством разработки газового месторождения Амангельды, полностью устранить данный рычаг влияния со стороны Узбекистана на Казахстан пока еще не удалось.

В транспортной сфере наоборот: Казахстан активно использует свое выгодное географическое положение для оказания давления на Узбекистан. Так же, как и Узбекистан в газовой сфере, он произвольно повышает цены за транзит грузов по своей территории, что заставляет узбекские транспортные компании искать альтернативные пути их доставки.

Имеет смысл также упомянуть о нередких инцидентах на казахстанско-узбекской границе. Как правило, они не связаны с политическими противоречиями и зачастую имеют экономическую подоплеку. Так, достаточно проблемной является ситуация с контрабандой, причем с обеих сторон. Если из Казахстана зачастую нелегально везут продукты питания, то из Узбекистана идут овощи и фрукты, товары народного потребления. Причем решать данную проблему следует очень осторожно: ведь многие люди, проживающие в приграничных районах Казахстана и Узбекистана, просто не имеют другого источника дохода. Это связано с тем, что приграничные районы слабо развиты в экономическом плане и зачастую контрабанда — один из немногих способов выживания населения³⁸.

Кроме того, ухудшение в настоящее время социально-экономического положения значительной части населения Узбекистана имеет ряд негативных последствий для Казахстана, которые связаны в первую очередь с увеличением потоков нелегальных трудовых мигрантов, создающих напряжение на казахстанском рынке труда. Число выезжающих за пределы республики граждан Узбекистана в поисках работы увеличивается с каждым годом. По данным узбекских государственных органов, в настоящее время в трудовой миграции находятся около 700 тыс. человек. По неофициальным данным — до 3 млн человек, с учетом сезонных рабочих.

Особую актуальность проблеме нелегальной узбекской миграции придает то, что она направлена в первую очередь в южные области Казахстана. Причем приток мигрантов в эти области повышает интенсивность нагрузки для них в социально-экономической сфере. Казахское население южных областей, являясь этническим и властным большинством, превращается в «экономическое меньшинство», что уже само по себе является противоречием. Кроме того, противоречия между казахами и узбеками могут возникнуть из-за конкуренции за рабочие места, претензий относительно уровня оплаты труда, увеличения себестоимости сельхозпродукции и т. п., что также создает условия для возникновения конфликта.

В межгосударственных отношениях между *Казахстаном* и *Кыргызстаном* существует значительно меньше трений, чем в его отно-

шениях с соседним Узбекистаном. Следует учитывать, что в исторически-культурном отношении казахи и кыргызы наиболее близкие этносы Центральной Азии. Отношения между Казахстаном и Кыргызстаном строятся как на макро-, так и на микроуровне. Так, казахский банковский капитал активно присутствует в Кыргызстане. По состоянию на 2014 г. суммарный объем казахстанских инвестиций в экономику Кыргызстана превышал 1,5 млрд долл.³⁹ Отмечается значительное присутствие казахстанских предпринимателей в горнорудной отрасли соседа. Из Казахстана на рынок Кыргызстана поступают газ, уголь и продукты питания (пшеница, мука и мучные изделия, рис, подсолнечное масло, кондитерские изделия), электровозы, технические средства и оборудование, строительные материалы, фармацевтическая продукция.

Однако в отношениях между странами достаточно и нерешенных проблем. Это и проблема кыргызских трудовых мигрантов, и проблема реэкспорта китайских товаров в Казахстан из Кыргызстана, проблема транзита грузов и некоторые другие моменты.

Так, условия предоставления тарифов льготного транзита и таможенных пошлин казахстанской стороной напрямую увязывались с решением вопросов по созданию совместного предприятия по рациональному использованию водно-энергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ. Кроме того, президент Н. Назарбаев строго обусловил возможность направления казахских инвестиций в экономику Кыргызстана, в том числе и участие Казахстана в сооружении автомобильного сообщения Алма-Ата — Чолпон-Ата, исключительно решением вопроса передачи четырех кыргызских пансионатов на озере Иссык-Куль, а также ратификацией соглашения об урегулированной и уточненной в 2002 г. линии государственной границы⁴⁰.

В октябре 2012 г. Казахстан вводил ограничения на ввоз из Кыргызстана молочной продукции из-за отсутствия в этой стране закона об идентификации скота. Ответной реакцией со стороны правительства Кыргызской Республики стало заявление Министерства экономики относительно возможного встречного запрета на импорт казахстанских товаров. Причем не только животноводческой, но и алко-

гольной и табачной продукции, кондитерских изделий. К счастью, до масштабной «торговой войны» между двумя странами тогда дело не дошло.

Следует также отметить и такой аспект двусторонних взаимоотношений, как отношение элит. Не секрет, что некоторые представители политической элиты Казахстана активно высказывают идеи создания совместно с Кыргызстаном союзного государства. Другими словами, практически выступают за его поглощение экономически более развитым Казахстаном. Такие заявления нервируют политическую элиту соседней страны, особенно в условиях ее внутренней политической нестабильности.

Заметный импульс развитию *казахско-таджикских* отношений дал визит в 2006 г. президента Таджикистана Э. Рахмона в Казахстан. По итогам визита был подписан пакет важных документов, направленных на развитие двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Президент Казахстана Н. Назарбаев во время визита заявил, что «Казахстан готов участвовать в инвестировании мер по регулированию использования водных ресурсов Таджикистана, практической реализации крупных гидроэнергетических проектов, создания горнометаллургических предприятий, строительства нового алюминиевого завода в Республике Таджикистан»⁴¹.

Однако итогом реализации этих планов сотрудничества стало только незначительное присутствие казахских инвесторов в Таджикистане, и то в сфере спекулятивного капитала. Кроме того, казахскими банкирами предпринимались попытки экспансии в Таджикистане, в частности, путем скупки таджикских банков и предоставления кредитов предприятиям и гражданам Таджикистана под залог ликвидной собственности: квартир, прибыльных экспортных предприятий и земель. Однако успеха эти действия не имели.

Таким образом, можно уверенно сказать, что состояние экономического сотрудничества между Казахстаном и Таджикистаном в современных условиях находится на достаточно низком уровне.

Решающим в отношениях *Кыргызстана и Узбекистана* является то, что первый не только экономически слабее, но и тот факт, что в силу различных объективных обстоятельств существенно зависит от

своего партнера. Так, Узбекистан является одним из основных поставщиков в Кыргызстан такого важнейшего для него энергетического ресурса, как природный газ. Более того, он является ключевым направлением, по которому Кыргызстан мог бы получать туркменский газ, а также иранский бензин. Через Узбекистан лежат важнейшие транспортные коммуникации, связывающие Кыргызстан с другими странами.

Еще в советские времена были организованы территориально-хозяйственные комплексы, поэтому примыкающие к границам узбекские регионы связаны тесными деловыми связями с югом Кыргызстана. Известно, что районы Узбекистана, а не Бишкек являются основными рынками сбыта многих видов продукции, производимой на кыргызском юге, а узбекскими удобрениями пользуется весь Кыргызстан. Эти прочные хозяйственные связи не могут быть разорваны никакими административными мерами, никакими ограничениями с обеих сторон, так как они обеспечивают существование миллионов людей как в Кыргызстане, так и в Узбекистане.

Однако необходимо заметить, что в отношениях с Узбекистаном политический вектор для Кыргызстана превалирует над экономическим вектором и, очевидно, в ближайшем будущем этот тренд сохранится. При этом товарооборот в 260 млн долл. при общем товарообороте Кыргызстана в 7,2 млрд долл. (за 2012 г.) не соответствует потенциалу экономик двух стран⁴². Между двумя соседними государствами в постсоветский период накопился слишком большой груз проблем объективного и субъективного характера. Их разрешение потребует достаточно много времени и наличия доброй воли руководства этих двух стран.

К числу основных экономических спорных вопросов Кыргызстана с Узбекистаном можно отнести следующие.

1. Передача Узбекистану Орто-Токойского (Касансайского) водохранилища с комплексом гидротехнических сооружений, находящегося под юрисдикцией Кыргызстана. Водоохранилище, строительство которого началось в 1941 г., расположено на территории Ала-Букинского района Джалал-Абадской области Кыргызстана.

Узбекская сторона придерживается позиции о юридической несостоятельности требований кыргызской стороны по передаче водохранилища Кыргызстану. Водохранилище находится в 25 км от линии государственной границы. Возле нее имеется узбекский населенный пункт с инфраструктурой, где в настоящее время проживают около 250 узбекских граждан, обслуживающих гидросооружения водохранилища.

2. Передача узбекской стороне чаш Кемпирабадского и Керкидонского водохранилищ путем изменения существующей линии границы. В настоящее время водохранилища считаются оспариваемыми, т. к. не решены вопросы по компенсации земель со стороны Узбекистана⁴³.

3. Передача узбекской стороной месторождений углеводородного сырья и газотехнических объектов, расположенных на территории Кыргызстана, но эксплуатируемых хозяйствующими субъектами Узбекистана. При этом хозяйствующие субъекты газовой отрасли Республики Узбекистан не подписывают акта приема-передачи по пяти газотехническим объектам, находящимся на территории Кыргызстана.

Данные объекты находятся на территории, где обе стороны признают существующие границы. Однако хозяйственные субъекты Узбекистана пытаются увязать прием-передачу данных объектов с оплатой их стоимости без какого-либо юридического, финансового и технического обоснования. При этом они не желают признавать полученные и получаемые доходы за время их использования.

4. Выполнение сторонами Соглашения между Правительствами Кыргызстана и Узбекистана о международном автомобильном сообщении от 1996 г. В первую очередь, это касается необходимости уменьшения или отмены сбора с кыргызских автоперевозчиков, пересекающих территорию Узбекистана.

5. Проблемы, связанные с функционированием экологически вредного узбекского завода по производству карбида на границе с Кадамджайским районом Кыргызстана, который был запущен в марте 1994 г. без согласования с кыргызской стороной, а также с использованием сырья, находящегося в Кадамджайском районе⁴⁴.

6. Экономические репрессии местных органов власти Узбекистана в отношении своих граждан, которые в качестве сезонных рабочих работают у кыргызских фермеров.

Основные экономические проблемы в двусторонних отношениях *Узбекистана и Таджикистана* связаны с водой. Именно Таджикистан реализует проект строительства Рогунской гидроэлектростанции, высота плотины которой свыше 300 м. Такая плотина практически полностью перекрывает реки и делает Узбекистан зависимым от Таджикистана в потреблении воды. В сентябре 2009 г. Узбекистан полностью прекратил подачу газа в Таджикистан, мотивируя свой поступок долгами Таджикистана по плате за газ. Однако можно с большой долей уверенности сказать, что Узбекистан показывает Таджикистану, что если последний будет использовать воду как способ давления, то Узбекистан будет в этих целях использовать газ⁴⁵.

Кроме того, ограничительные меры Узбекистан вводит и по отношению к транзиту таджикского экспорта-импорта в виде всякого рода нетарифных барьеров, которые наносят Таджикистану огромный материальный ущерб. По расчетам, выполненным таджикскими экономистами, если бы не существовали проблемы транзита товаров через узбекскую границу, среднегодовые темпы экономического роста в Таджикистане на несколько пунктов оказались бы выше⁴⁶.

Рассматривая *кыргызско-таджикские* взаимоотношения, необходимо отметить, что двустороннее сотрудничество между странами характеризуется неплохой динамикой и устойчивостью. Торгово-экономические отношения между двумя странами в последние годы держались на одном и том же уровне и товарооборот примерно в пределах 20 млн долл. США. Однако, начиная с 2010 г., он имел тенденцию к увеличению, вырос за последние два года более чем в три раза и продолжает устойчиво увеличиваться⁴⁷.

В настоящее время кыргызско-таджикское сотрудничество вступает в новую фазу, отличительной чертой которой являются прагматизм и конструктивизм. Главная же характеристика этих отношений — их предсказуемость и стабильность. Приоритет-

ными направлениями являются экономическое сотрудничество в водно-энергетической и транспортно-коммуникационной областях. Кыргызстан и Таджикистан являются государствами верхнего течения трансграничных рек, и это объективно делает их партнерами.

Необходимо отметить, что в торгово-экономической сфере имеется значительный невостребованный потенциал, который следует всемерно использовать, в частности, в таких секторах экономики, как горнорудная и электротехническая промышленность, сельское хозяйство, развитие производственной кооперации, создание совместных предприятий и расширение товарной номенклатуры взаимной торговли.

4.2. Проблемы водопользования в Центральной Азии и их влияние на двустороннее сотрудничество центрально-азиатских государств

Наиболее серьезной проблемой, оказывающей отрицательное влияние на развитие двусторонних отношений в Центральной Азии, является проблема использования водных ресурсов, которые являются важным фактором устойчивого развития центрально-азиатских государств. Следует учитывать, что нарастающее несовпадение интересов ключевых поставщиков воды и ее основных потребителей на фоне повышения объемов водопотребления, вызванного ростом населения региона и увеличением масштабов хозяйственной деятельности, формирует конфликтный потенциал, усиливающийся исторически накопленными межнациональными и территориальными противоречиями, которые, по оценкам ряда экспертов, способны вылиться в «водные» войны.

По разным оценкам, ежегодный объем речных водных ресурсов в регионе составляет порядка 120 км³, что обеспечивается двумя крупнейшими реками региона — Амударьей и Сырдарьей, формирующимися из ледников и снега в горах Кыргызстана и Таджикиста-

на. Сырдарья течет из Кыргызстана через Таджикистан в Узбекистан (в том числе через густонаселенную Ферганскую долину) и Казахстан, Амударья — из Таджикистана в Узбекистан и Туркменистан. Богатые нефтью, газом и другим сырьем нижние страны — Туркменистан, Узбекистан, Казахстан — находятся в водной зависимости от бедных верхних стран: доля Таджикистана и Кыргызстана в формировании стока поверхностных вод в регионе составляет порядка 85 %. Следует заметить, что сток Амударья зарегулирован на 96 %, а Сырдарья — более чем на 85 %⁴⁸.

Обострение водной проблемы в Центральной Азии связано в первую очередь с тем, что, с одной стороны, речные системы объединяют регион, с другой стороны, дефицит воды и стремление каждого из государств использовать их с максимальной интенсивностью все больше обостряют обстановку в регионе, вплоть до межгосударственных конфликтов.

Суть причин водного кризиса сводится к следующему:

- страны — основные поставщики воды (Кыргызстан и Таджикистан) намерены использовать воду для производства электроэнергии и при этом сливать воду из своих водохранилищ зимой;
- страны-потребители воды, главным образом для ирригационных целей (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан) нуждаются в стоках летом. При этом они отказываются платить за воду, но готовы в той или иной мере компенсировать потери стран-поставщиков в производстве электроэнергии зимой поставками энергоносителей и электроэнергии. Дискуссии по поводу компенсаций все более обостряются из-за неустойчивости их объемов и цен.

Кроме того, Кыргызстан и Таджикистан прежде всего заинтересованы в использовании энергетического потенциала горных рек Вахша и Нурека, являющихся истоками Амударья и Сырдарья. При этом ирригация для этих государств имеет подчиненное значение, поэтому вегетационный период (весна — лето) они используют для накопления водных ресурсов в водохранилищах (Нурекское и Куйбышевское в Таджикистане, Токтогульское в Кыргызстане). В осенне-зимнее время они активно вырабатывают электроэнергию и, соответственно, выпускают большие объемы воды. Напротив, для Ка-

захстана, Узбекистана и Туркменистана приоритетным является вегетационный период, и водные ресурсы направляются на ирригационные цели.

Такое несоответствие приводит к тому, что в зимние периоды происходит затопление части территорий Казахстана и Узбекистана из-за выпуска воды из водохранилищ Кыргызстана и Таджикистана. В результате — серьезные экологические последствия и потери воды. Кроме того, без согласования с соседями и проведения экологических экспертиз разрабатываются новые масштабные проекты строительства гидроэнергетических объектов в верховьях Амударьи, Сырдарьи и Заравшана, такие как Камбаратинские ГЭС в Кыргызстане, Рогунская и Яванская ГЭС в Таджикистане.

Наиболее остро межгосударственные противоречия проявляются в отношении режимов водопользования в бассейне реки Сырдарья, в водохранилищах Нарын-Сырдарьинского каскада, прежде всего Токтогульском. Водные ресурсы Сырдарьи распределяются следующим образом: 74 % приходятся на Кыргызстан, 14 % — на Узбекистан, 9 % — на Казахстан и 3 % — на Таджикистан⁴⁹. Имея столь мощный рычаг влияния, Кыргызстан и Таджикистан получают возможность влиять на сопредельные страны — Казахстан, Узбекистан и Туркменистан.

Попытка создания регулирующих механизмов водопользования была предпринята в Рамочном соглашении между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна реки Сырдарьи, подписанном еще в 1998 г. В нем оговорены принципы взаимных компенсаций в условиях работы гидротехнических сооружений в ирригационно-энергетическом режиме. Согласно этим принципам, электроэнергия, выработанная сверх нужд Кыргызстана каскадом Нарын-Сырдарьинских ГЭС в вегетационный период, передается поровну Казахстану и Узбекистану. Компенсация осуществляется путем поставок в Кыргызстан в эквивалентном объеме энергоресурсов (уголь, газ, топливный мазут, электроэнергия), другой продукции (работ, услуг) или в денежном выражении. Однако в реализации данного соглашения происходят периодические срывы⁵⁰.

По оценкам международных организаций и экспертов, основными проблемами между государствами Центральной Азии в сфере регулирования водных и энергетических отношений и основой противоречий являются:

- рекомендательный характер принимаемых решений на уровне созданных региональных структур управления и отсутствие ответственности за их исполнение;
- разобщенность действий на региональном и национальных уровнях между структурами управления водного хозяйства и энергетики;
- противоречия между интересами государств, расположенных в верхнем и нижнем течениях рек;
- отсутствие межгосударственных структур, наделенных соответствующими полномочиями в сфере совместного управления водно-энергетическими ресурсами региона;
- отсутствие какой-либо незаинтересованной стороны в качестве арбитра между конфликтующими сторонами с возможностями реального воздействия на решения спорных сторон.

Рассматривая влияние решения проблем водопользования на двусторонние отношения центрально-азиатских государств, можно отметить, например, что узбекские аналитики и экономисты обвиняют Кыргызстан в том, что он в своей экономической деятельности не учитывает водные интересы своих соседей. Министр иностранных дел Узбекистана, выступая на заседании СМВД ОБСЕ 5 декабря 2008 г., отметил, что согласно основополагающим требованиям конвенций ООН, все решения по использованию водотока трансграничных рек, в том числе при строительстве гидроэнергетических сооружений, ни в коей мере не должны наносить ущерба экологии и ущемлять интересы населения стран на сопредельных территориях. Кроме того, должны быть гарантированы два очень важных условия: первое — не должно быть допущено снижение уровня водотока для стран, расположенных ниже по стоку, и второе — не должна нарушаться экологическая безопасность региона, которая и без того является очень зыбкой. Более того, он подчеркнул, что в случае нанесения ущерба должны приниматься все меры

по ликвидации или уменьшению такого ущерба, а при необходимости ставится вопрос о компенсации⁵¹.

В свою очередь кыргызские аналитики заявляют, что Кыргызстан все эти годы за счет собственных средств содержит такие межгосударственные ирригационные сооружения, как Токтогульское, Кировское, Орто-Токойское, Папанское водохранилища, Большой Чуйский канал, Чумышская плотина и ежегодно тратит на их содержание и эксплуатацию из республиканского бюджета 25 млн долл.

Основным камнем преткновения при решении водных проблем Таджикистана и Узбекистана является строительство Рогунской ГЭС. Как считают узбеки, ввод ее в строй может серьезно усугубить современное положение, и без того достаточно напряженное, в обеспечении процессов орошения земель в Узбекистане. Кроме того, у Таджикистана может появиться дополнительный рычаг для давления на Узбекистан в ответ на периодические запреты на товарный транзит через территорию Узбекистана и попытки энергетического шантажа в газовой сфере. Более того, в строительстве ГЭС заинтересована и российская сторона, что тем более не нравится Узбекистану, стремящемуся к региональному лидерству. Так, на встрече президентов Узбекистана и Туркменистана в марте 2009 г. И. Каримов четко заявил, что ни Россия, ни какая-либо другая страна не должны вмешиваться в водно-энергетические проблемы Центральной Азии и что Узбекистан будет всеми силами блокировать строительство новых ГЭС в Кыргызстане и Таджикистане.

Более того, пытаясь воспрепятствовать строительству, Ташкент потребовал провести независимую международную экспертизу безопасности проекта. Такая экспертиза была проведена при поддержке Всемирного банка и в сентябре 2013 г. были опубликованы ее результаты, которыми эффективность и безопасность будущей электростанции была подтверждена.

Однако, скорее всего, в ближайшей перспективе Узбекистан и далее не будет ослаблять давление в вопросе поставок своего газа в Таджикистан. Кроме того, он не собирается упрощать визовый режим для граждан Таджикистана, а также открывать свои рынки для таджикстанских предпринимателей и всячески блокировать дос-

тавку таджикских грузов через свою территорию. В свою очередь Таджикистан, скорее всего, будет и дальше упорно продвигать проект строительства Рогунской ГЭС на реке Вахш, который в случае реализации позволит Душанбе регулировать сток воды в сторону Узбекистана, что даст давно желаемый рычаг давления на официальный Ташкент.

Сложность решения водных проблем в отношениях Узбекистана и Таджикистана определяется не только строительством Рогунской РЭС, но рядом других спорных вопросов. Один из них связан с водохранилищем Фархад на Сырдарье. По ее плотине проходит таджикско-узбекская граница: резервуар находится на таджикской стороне, в то время как прилегающая ГЭС — на узбекской территории. По обе стороны границы в основном проживают этнические узбеки. Вырабатываемая электроэнергия используется исключительно Узбекистаном. Ташкент утверждает, что в 1944 г. две республики подписали соглашение, согласно которому Таджикская ССР передала территорию Узбекской ССР. Однако это соглашение нигде невозможно найти⁵².

Следует также учитывать, что даже в межгосударственных отношениях Казахстана и Узбекистана имеется ряд проблем и в вопросах взаимодействия водно-энергетических комплексов двух стран. Так, в водной сфере сохраняются противоречия, связанные с превышением оговоренных лимитов забора воды из реки Сырдарья в вегетационный период и проблемой ее загрязнения. При этом необходимо отметить, что при любом сценарии развития экономической ситуации в Узбекистане наиболее ощутимым для Казахстана может оказаться вопрос обеспечения водными ресурсами. Недостаток воды в южных регионах будет оставаться актуальной проблемой еще долгое время с регулярным сезонным обострением.

Таким образом, обобщая вызовы межгосударственным отношениям центрально-азиатских государств в сфере водопользования, специалисты и аналитики отмечают, что эти вызовы в основном состоят:

- в имеющих место фактах передачи в прямой или скрытой форме одной из сторон третьей стороне право на воду другой стороны без согласования с последней;

- в самовольных односторонних захватах водных объектов или объемов воды и бесконтрольное использование воды потребителями;
- в скрытом отборе объемов воды или несвоевременном ее пропуске или поставке;
- в загрязнении воды в пределах выше допустимых норм, установленных в соглашениях;
- в строительстве и вводе в эксплуатацию сооружений и предприятий, которые могут нанести ущерб какой-либо из сторон с точки зрения объемов, своевременности или качества воды;
- в нарушении или несоблюдении правил безопасности в эксплуатации сооружений и устройств, потребляющих воду⁵³.

4.3. Вызовы субрегиональному сотрудничеству в политической сфере

Как уже сказано выше, геополитическую ситуацию в ЦАР на современном этапе определяют следующие факторы:

- сохраняющийся конфликтный потенциал в Афганистане и неопределенность развития обстановки в этой стране;
- определенная напряженность в таджикско-узбекских и кыргызско-узбекских отношениях;
- латентный конфликтный потенциал Ферганской долины;
- высокие риски и вызовы, вызванные снижением социально-экономического развития государств региона в условиях мирового кризиса;
- столкновение интересов ведущих государств мира (в первую очередь России, США и Китая);
- периодическое обострение застарелых проблем: водных, этно-территориальных, пограничных, межэтнических;
- нерегулируемость миграции, трансграничной торговли, транзита и т. п.

Основные политические реалии в регионе таковы: направления внешней политики каждого из центрально-азиатских государств, их

экономическая дифференциация, разные подходы к решению проблем региональной безопасности, а также наличие военных баз иностранных государств и общих границ с крупными мировыми державами — все это и многое другое существенно влияет на процессы политического взаимодействия в Центральной Азии. При этом следует подчеркнуть, что наиболее важными с точки зрения обеспечения стабильности в регионе являются отношения между *Казахстаном и Узбекистаном*. Казахстан и Узбекистан — это две ключевые страны Центральной Азии, позиции которых во многом определяют характер современных отношений в регионе.

Межгосударственные противоречия между Казахстаном и Узбекистаном обусловлены целым рядом факторов различного свойства. К ним можно отнести следующие:

- большая протяженность общей границы, что предопределяет неизбежность взаимного влияния;
- высокий потенциал обеих республик (расположение в регионе, численность населения, сырьевые ресурсы, масштаб территории и т. д.), который создает основу для претензий на лидерство в регионе;
- конкуренция международных центров силы, которая ретранслируется на отношения между Казахстаном и Узбекистаном, вызывает их соперничество и создает определенные препятствия двустороннему сотрудничеству;
- специфика текущего внутривнутриполитического развития Республики Узбекистан, которая постепенно превращает ее в зону все более увеличивающегося напряжения и нестабильности.

Своими корнями соперничество между Казахстаном и Узбекистаном уходит еще во времена СССР. Считалось, что по своему производственному потенциалу, территории, населению эти две советские республики доминируют в азиатской части Советского Союза, и отношения между ними являются важнейшим элементом политики в среднеазиатском регионе. Президенты двух государств Н. Назарбаев и И. Каримов вполне органично продолжили традицию такого соперничества: оба начинали свою карьеру как первые секретари компартий своих республик, а после того, как они стали главами

независимых государств, их борьба за региональное лидерство только усилилась.

Сложности во взаимоотношениях обоих государств начали проявляться с конца 1990-х — начала 2000-х годов. Если в начале 90-х годов Узбекистан во многом опережал Казахстан в экономическом развитии и выступал с идеей «Туркестан — наш общий дом», то с конца 90-х годов прошлого века Казахстан вышел вперед и очень сильно оторвался в экономическом развитии как от Узбекистана, так и от других центрально-азиатских государств.

При этом следует учитывать, что Узбекистан обладает большой территорией, имеет хорошую обеспеченность полезными ископаемыми и в отличие от Казахстана обладает большими людскими ресурсами. Кроме того, Узбекистан — единственная страна в регионе, которая имеет границы со всеми государствами Центральной Азии, то есть Узбекистан объективно более близок всем странам региона или, другими словами, исторически «приговорен» к региональной интеграции.

Хотя у Казахстана также большая территория, богатая полезными ископаемыми, его основными преимуществами перед Узбекистаном являются устойчивые темпы экономического роста и выгодное географическое положение. В докризисный период Казахстан демонстрировал наличие неких имперских устремлений в регионе посредством активного продвижения услуг собственного финансового сектора, а также попыткой инвестирования в отдельные страны и отрасли. На данный момент эти устремления резко сократились. Во-первых, это связано со снижением уровня возможностей Казахстана в связи с мировым кризисом. Во-вторых, в связи с противодействием внешних сил, стремящихся не допустить лидирования какого-либо из центрально-азиатских государств в Центрально-Азиатском регионе.

На сегодняшний день Казахстан является безусловным экономическим лидером в регионе. Практически все интеграционные идеи внутри ЦАР предлагаются Казахстаном. Однако их реализация в итоге упирается в позицию Узбекистана. Кроме того, Казахстан и Узбекистан, достаточно четко говоря о региональном лидерстве, од-

новременно не желают обращать внимание на другие страны Центральной Азии. Такое положение не позволяет другим государствам ЦАР видеть любую из этих двух стран в качестве регионального арбитра при решении внутренних проблем региона, не говоря уже об организации системы помощи стран региона друг другу. Более того, обостренное стремление Казахстана и Узбекистана занять главенствующее положение среди центрально-азиатских государств препятствует развитию конструктивного диалога и интеграционных процессов в масштабе всей Центральной Азии, а в будущем может стать серьезной угрозой стабильности в регионе.

Двухсторонние отношения *Казахстана и Кыргызстана*, как уже упоминалось, являются приоритетными для обоих государств. Их близость в историко-культурном отношении подкреплена и экономическими отношениями, а также солидной договорно-правовой базой двустороннего сотрудничества.

Но все это не означает, что отношения между этими двумя странами всегда развиваются ровно и гладко. Достаточно вспомнить инцидент в июле 2013 г., когда жители приграничного села Кайнар (Кыргызстан) потребовали пересмотреть кыргызско-казахстанскую границу и вернуть своей стране переданные в свое время Казахстану некоторые территории, а также перекрыли подачу воды по трансграничному каналу «Быстроток» в Жамбылскую область Республики Казахстан. И это далеко не единственные «нештатные ситуации» в отношениях двух республик⁵⁴.

Одним из основных узлов противоречий в отношениях между *Узбекистаном и Кыргызстаном* является проблема демаркации границ. В решении этого вопроса стороны за 7 последних лет не продвинулись ни на шаг⁵⁵. В частности, по всему периметру узбекско-кыргызской границы, протяженность которой составляет около 1300 км, существует, по разным данным, от 70 до 140 спорных участков общей протяженностью более 300 км. Двусторонняя межправительственная комиссия по делам границы не собиралась в течение пяти лет⁵⁶. Сегодня делимитированы только те участки, где граница проходит по горным хребтам и по тем долинным участкам, где не было особых разногласий. Особые споры вызывают те участки гра-

ниц, которые проходят по водным артериям, таким как каналы и реки, что затрагивает уже не только приграничные взаимоотношения, но и решение водных проблем. Наиболее жесткие споры ведутся на некоторых участках Ферганской долины. На сегодня, по некоторым данным, на юге Кыргызстана имеется 75 спорных участков, которые постепенно попадают под влияние Узбекистана⁵⁷.

Неурегулированность приграничных вопросов может стать детонатором реального военного противостояния. При этом надо учитывать, что Узбекистан имеет самую мощную из всех центрально-азиатских государств армию, а Кыргызстан входит в военную организацию ОДКБ. Независимые наблюдатели постоянно отмечают, что ситуация на границе Узбекистана и Кыргызстана остается напряженной, стычки в анклавах возникают регулярно, покровительство пограничников обоих государств контрабанде и перевозке наркотиков через границу лишают их доверия населения, и люди начинают решать приграничные вопросы так, как им кажется верным⁵⁸.

Второй наиболее значимый узел межгосударственных противоречий Узбекистана и Кыргызстана связан с различными взглядами на причины возникновения, а также способы и методы борьбы с терроризмом в регионе. Вторжение боевиков Исламского движения Узбекистана на юг Кыргызстана в 1999 г. сильно осложнило отношения между Ташкентом и Бишкеком. Во время баткенских событий президент Узбекистана И. Каримов обвинил Бишкек в том, что «бандиты не в августе перешли границу Кыргызстана, а уже два года спокойно курсируют из Таджикистана через Кыргызстан в Узбекистан. Отсюда все эти бандитские вылазки у нас, тонны взрывчатки, которые мы находили в Коканде, Андижане и Намангане. Все это перевозилось через территорию Кыргызстана»⁵⁹.

Власти Кыргызстана со своей стороны заявили, что репрессивные действия официального Ташкента против религиозных деятелей и исламских организаций в начале и середине 90-х годов вызвали сильную радикальную реакцию и образовали вооруженную оппозицию, с которой теперь активно борются. Причем следует учитывать, что в своей антитеррористической борьбе руководство Узбекистана часто прибегает к силовым методам, игнорируя мнения соседей. Так,

в августе 1999 г. узбекские летчики подвергли ракетно-бомбовым ударам село Кара-Тейит в Чон-Алайском районе Ошской области. В результате погибли 7 человек, 13 получили ранения различной степени тяжести. Тогда же узбекская сторона заминировала некоторые территории Кыргызстана и ущелья вокруг анклавов Сох и Шахимардан, что привело к человеческим потерям среди местных жителей, а также нанесло существенный ущерб животноводству.

В межгосударственных отношениях *Узбекистана с Таджикистаном* также имеются существенные проблемы. К наиболее сложным и затяжным из них можно отнести узбекско-таджикские территориальные противоречия. Расселение этнических групп таджиков и узбеков практически на 50 % не соответствует границам и географическому положению национальных государств — Республики Узбекистан и Республики Таджикистан. Например, в таджикской Согдийской области есть несколько узбекских анклавов (в частности, село Равот в Канибадамском районе), которые являются источником конфликтных ситуаций между жителями таджикских приграничных сел, имеющих земельные участки на спорной территории, и узбекскими пограничниками. Наиболее сложным в этом отношении оказалось положение Ленинадской области в Северном Таджикистане, которая, являясь частью Ферганской долины, отрезана от остальной территории страны двумя горными хребтами. Следует учитывать также тот факт, что узбекские города Бухару и Самарканд таджики считают очагами своей культуры. Все это создает почву для многочисленных противоречий, как межэтнических, так и межгосударственных.

Второй наиболее значимой проблемой в межгосударственных отношениях Узбекистана и Таджикистана является проблема борьбы с терроризмом в регионе. После событий 1999 г. руководство Республики Узбекистан обвинило официальный Душанбе в том, что на территории Таджикистана расположены базы боевиков Исламского движения Узбекистана, а также в том, что руководство Таджикистана не предпринимает действий по их ликвидации. Кроме того, летом 2000 г. Узбекистан в одностороннем порядке заминировал свою часть границы с Таджикистаном, которая составляет 960 км.

Причем минирование проведено в условиях, когда не была проведена демаркация государственных границ двух государств, что, естественно, не могло не привести к человеческим жертвам. В результате, несмотря на то, что Узбекистан и Таджикистан являются членами ШОС, с 2000 г. между ними действует жесткий визовый режим, затруднено транспортное сообщение, и часть границы заминирована.

В январе 2013 г. Узбекистан окончательно прекратил поставлять природный газ в Таджикистан. Ввиду того, что на узбекский газ приходилось 95 % газа, потребляемого в Таджикистане, экономике последнего был нанесен серьезный урон. Многие предприятия, включая такие гиганты как ТАЛКО и «Таджикский цементный завод», были вынуждены перейти с газа на уголь. В результате такой экономической блокады Таджикистана товарооборот между двумя странами упал более чем в 100 раз (с 300 млн долл. в 2007 г. до 2,1 млн долл. в 2014 г.)⁶⁰.

Следует отметить, что антиузбекские настроения постепенно возобладали и в Таджикистане, где узбекское влияние со времен гражданской войны было достаточно сильным, что устраивало далеко не всех. Свою роль сыграли и раздражение все теми же пограничными инцидентами на таджикско-узбекской границе, а также солидарность с соплеменниками из многочисленной таджикской диаспоры в Узбекистане, которые, как считают многие в Таджикистане, подвергаются дискриминации.

Таким образом, узбекско-таджикские отношения сегодня являются самыми напряженными в Центральной Азии. Если визовый режим уже не выглядит чем-то уникальным, то транспортная блокада и регулярные пограничные инциденты, сопровождающиеся перестрелками и гибелью людей, характеризуют этот конфликт как один из самых острых в регионе.

Одной из основных проблем в отношениях Таджикистана и Кыргызстана является проблема границ. В 2015 г. стороны в очередной раз так и не смогли приступить к делимитации и демаркации общей границы, о чем было заявлено в октябре 2015 г. Причем стороны якобы уже согласовали обмен участками площадью порядка 12 га, однако до практического решения проблемы дело не дошло.

Сами жители приграничных районов по вполне понятным причинам не всегда могут поделить пастбища, поливную воду, дороги между двумя этносами. Между ними периодически вспыхивают конфликты, в которые порой вовлекаются и пограничники. Так, с 2012 г. по состоянию на декабрь 2015 г. на границе двух государств произошло 78 столкновений и конфликтов. Они сопровождались перекрытием автодорог, поджогами домов и массовыми драками жителей сел. В январе 2014 г. попробовали выяснить отношения и пограничники. Тогда в результате перестрелки тяжелые ранения в общей сложности получили восемь военнослужащих двух стран⁶¹.

При этом следует учитывать, что с течением времени существующая пограничная ситуация может ухудшиться: население обеих республик быстро растет (по состоянию на 2015 г., население Кыргызстана достигло почти 6 млн человек, а Таджикистана — примерно 8 млн 350 тыс. человек), а количество плодородных земель и источников воды остается прежним. Однако в силу ряда причин политические элиты обеих стран не хотят идти на взаимные уступки ради решения пограничных споров. Кроме того, как утверждают независимые эксперты, в приграничных регионах есть внутренние силы, заинтересованные в продолжении напряженности.

Особое место в Центральной Азии, где все ее проблемы представлены в концентрированном виде и сплетены в сложный клубок межгосударственных противоречий, занимает *Ферганская долина*. Это межгорная впадина в предгорьях Тянь-Шаня протяженностью до 300 км с запада на восток и до 170 км с севера на юг является одним из главных сельскохозяйственных районов Центральной Азии. Центральную часть занимают плотно населенные области Узбекистана (Ферганская, Наманганская и Андижанская), периферийные части — Джалал-Абадская, Ошская и Баткенская области Кыргызстана и Согдийская область Таджикистана.

В советское время в Центральной Азии, в том числе в Ферганской долине было проведено национально-государственное размежевание на основе довольно произвольного представления об этнических границах. Ферганская долина, которая исторически всегда представляла собой единый регион, была рассечена административ-

ными границами Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана. После образования в конце XX в. новых центрально-азиатских государств такое произвольное разделение стало причиной многочисленных проблем. Границы суверенных государств разделили регион, прервав исторически сложившиеся экономические, культурные и политические связи. В настоящее время равнинная часть долины входит в Узбекистан, восточная часть равнины, а также окружающие долину с севера, востока и юга горы и предгорья принадлежат Кыргызстану, а западная часть долины является территорией Таджикистана. Причем с 12 млн жителей Ферганская долина является наиболее плотно населенным регионом в мире. Так, если по Центральной Азии на 1 км² в целом по региону приходится 14 человек, то плотность населения в этой долине составляет от 300 до 500 человек на 1 км².

Все области, входящие в Ферганскую долину, имеют большое значение для каждого из центрально-азиатских государств, так как играют важную роль в их социально-экономической жизни. В Андижанской, Наманганской и Ферганской областях (4,3 % территории) проживает 27,2 % всего населения Узбекистана. В Баткенской, Джелал-Абадской и Ошской областях (40,4 % территории) проживает 51,9 % населения Кыргызстана, а в Согдийской области (17,6 % территории) — 29,9 % населения Таджикистана.

При этом Узбекистан контролирует равнину и большую часть населения, Кыргызстан — нагорье и основные источники водных ресурсов, а Таджикистан — единственную железнодорожную ветку, связывающую Ферганскую долину с внешним миром (Фергана — Худжанд). Кроме того, при анализе этнической ситуации в долине необходимо учитывать существование в ней этнических анклавов — узбекских (Сох и Шахимардан) на территории Кыргызстана и таджикских на территории Узбекистана (Сарвак) и Кыргызстана (Ворух).

В совокупности экономическая, политическая и социальная ситуация в Ферганской долине является классическим примером социальной напряженности в условиях перенаселенности, земельного и водного голода, а также переизбытка трудовых ресурсов и бедно-

сти. Эти проблемы усугубляются сложной этнической ситуацией в регионе.

К основным причинам социальной напряженности в Ферганской долине можно отнести:

- различия в подходах руководства центрально-азиатских государств к реформированию экономики, а также степени интеграции в Центральной Азии;
- низкую эффективность проводимых экономических реформ;
- острый недостаток природных ресурсов для ведения сельского хозяйства, в основном плодородных земель и воды;
- перенаселенность долины и этническое многообразие населения;
- бедность населения и высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи;
- недоверие руководителей государств друг к другу и стремление обособить свои национальные интересы при решении общерегиональных проблем;
- клановость правящих элит в центрально-азиатских государствах и личные амбиции некоторых руководителей;
- плохой инвестиционный климат, развал регионального рынка из-за изоляционистских мер правительств и ужесточение пограничных режимов.
- слабое развитие малого и среднего предпринимательства при высоком удельном весе теневой экономики с широким распространением коррупции.

Подводя итоги, можно достаточно уверенно сказать, что на данном этапе ни одно государство ЦАР по своему геополитическому потенциалу не смогло стать центром силы и не может в полной мере повлиять на геополитические процессы в регионе. Политические элиты центрально-азиатских государств не способны в ближайшем будущем и даже в среднесрочной перспективе на выработку реальных мер по созданию внутрирегиональной интеграции.

Как считают многие эксперты в Центральной Азии, по сути, отношения между любыми странами в этом регионе во многом зависят от отношений между главами этих государств. До тех пор, пока от-

ношения между президентами и правительствами соседних стран не улучшатся, говорить о развитии дружественных отношений не приходится. Гражданские общества республик пока не имеют той силы, которая была бы в состоянии изменить ситуацию.

В политической трансформации государств Центральной Азии и формировании их систем безопасности, помимо факторов внутреннего порядка, в значительной степени задействованы внешние акторы. Стратегические цели в регионе ведущих государств мира и механизмы их реализации существенно влияют на региональную геополитическую ситуацию. К геополитическим центрам влияния в Центральной Евразии можно отнести Россию, США, Китай, Индию, Иран, Турцию, Пакистан, а также развитие обстановки в Афганистане.

Глава 5

СЕПАРАТИЗМ И ЭКСТРЕМИЗМ — ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

5.1. Сепаратизм как угроза стабильности в регионе

Современный сепаратизм как политическое течение основывается на ложно трактуемом принципе самоопределения: каждая этническая общность должна иметь собственную государственно оформленную территорию. Его основа — компактное проживание определенной этнической группы на территории другой национальности. При этом игнорируется тот факт, что мировое сообщество в принятых после Второй мировой войны международно-правовых документах признало незыблемой существующую систему государств и определило права территориальных сообществ, а не этнических групп. Принцип самоопределения некоренных народов чаще всего трактуется международным правом как обеспечение права их активного участия в общественно-политических процессах в рамках устоявшихся территориальных сообществ.

Несомненно, что принцип нерушимости существующих границ стал важнейшим инструментом нормализации межгосударственных отношений в послевоенном мире. Но в то же время его абсолютизация, отказ меньшинствам в праве на самоопределение вели к тому,

что внутри существующих границ государств накапливались и нарастали межэтнические противоречия, все больше обострялись отношения между меньшинствами и центральными властями. События, произошедшие в конце XX — начале XXI вв. (объединение Германии, распад Советского Союза и Югославии, получение независимости Косово и Восточным Тимором и т. п.) поставили под сомнение нерушимость послевоенных договоренностей.

При этом необходимо различать стремление этноса или нации к обретению самостоятельной государственности легитимным, конституционным путем (через плебисцит, принятие решений парламентом государства и т. п., как, например, это проводилось в Испании, Шотландии, Восточном Тиморе, Крыму) и достижение этих же целей через вооруженное противостояние с властями и террористическую деятельность сепаратистских организаций.

Территориальные конфликты и, в частности, конфликты, связанные с сепаратистскими движениями, во многом определяют современный общепланетарный политический климат. Сегодня мы имеем все основания включить сепаратизм в число глобальных проблем человечества. Так, 53 основных очага сепаратизма в мире суммарно занимают территорию 12,7 млн км² (8,5 % площади суши) и концентрируют около 4 % населения планеты (приблизительно 220 млн человек)⁶². В эти конфликты зачастую вовлечены не только различные общественно-политические силы внутри самого государства, стоящего перед непосредственной угрозой потери своей территориальной целостности, но и его соседи, а нередко и отдаленные центры силы, претендующие на роль региональных и мировых лидеров. В результате эскалации подобных конфликтов создается угроза для безопасности всего мира.

Таким образом, современный сепаратизм можно определить как политическое движение, возникающее в территориально неоднородных (этнически, конфессионально, культурно, экономически и т. п.) государствах, направленное на выход части территории из состава единого государства с целью создания нового независимого государства или вхождения в состав другого государства. При этом, на наш взгляд, одно из лучших определений сепаратизма дано в «Конвенции

ШОС о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» Шанхайской организации сотрудничества. *Сепаратизм* — это какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению и подстрекательство к нему⁶³.

К условиям, которые могут способствовать возникновению сепаратистских настроений, можно отнести:

- этнорелигиозное многообразие государства;
- неравномерное экономическое развитие отдельных регионов государства;
- желание и возможность исправить «старые» несправедливости;
- облегчение последующего объединения с другим государством или вхождения в международные организации;
- сохранение культурной и национальной самобытности.

К основным факторам возникновения и развития сепаратизма следует отнести:

- наличие в многонациональном государстве этнических анклавов компактного проживания конкретных этносов или конфессий;
- существование экономических и социальных диспропорций между этносами на территории единого государства.
- географическая оторванность некоторых территорий государства от метрополии (горные хребты, морские пространства, крупные реки, труднопроходимые местности и др.), которые существенно затрудняют их связи с ядром страны;
- заинтересованность внешних сил во вмешательстве в сепаратистский конфликт;
- общественно-политическая активность населения, проявляющаяся в разнообразных аспектах политической деятельности: различных политических акциях, демонстрациях, пикетах, забастовках, террористических актах и др.;
- присутствие у правящей элиты этноса сепаратистских настроений;

- наличие политической организации и популярного лидера движения сепаратистов;
- идеологическое обоснование легитимности притязаний сепаратистов фактами существования прежних государственных или самоуправляющихся образований.

Обобщая вышесказанное, можно сказать, что сепаратизм является следствием чрезмерно централизованного характера управления в государстве, неспособности или нежелания центральной власти решать местные проблемы, а также в ряде случаев социально-экономического кризиса общества.

В мировом сообществе наблюдаются в основном два вида сепаратизма: региональный и этнический. Главной задачей регионального сепаратизма является создание более приемлемого политико-территориального устройства государства. Для этносепаратизма такая задача состоит в создании собственной национальной государственности.

В Центральной Азии основные проявления сепаратизма носят этнический характер. При этом идеологическую основу этносепаратизма составляет национализм, поэтому этнический сепаратизм был и остается крайне радикальным, эгоцентрическим способом разрешения проблем, которые так или иначе возникают в многонациональных обществах, во взаимоотношениях этнического меньшинства с этническим большинством, отдельных территорий с центральной властью. Более того, современный этнический сепаратизм сотнями зримых и незримых нитей связан с терроризмом. У них одна «питательная» основа — нестабильность, конфликты, непримиримое разделение мира на «мы» и «они». Сепаратистские проявления почти всегда сопровождаются усилением террористической активности наиболее агрессивных сторонников этнонезависимости.

Последствиями сепаратистской деятельности могут стать:

- дестабилизация ситуации в стране;
- выход отдельных территорий из-под контроля федеральных властей;
- появление организаций, выступающих под лозунгами сепаратизма и использующих методы террора;

- подрыв авторитета федеральной власти среди населения страны;
- возникновение проблемы беженцев, которая может иметь серьезные политические и социально-экономические последствия;
- нарушение военной инфраструктуры страны;
- превращение отдельных районов страны в очаги военного противостояния федеральным силам.

Сепаратистские движения в современном мире имеют свою региональную специфику, которая в свою очередь сказывается на особенностях использования экстремистских методов борьбы, включая террористические. В географически близких регионах эта специфика имеет общие черты, что объясняется общностью цивилизационного фундамента, сходством исторического развития, схожими факторами развития сепаратизма, уровнем политической стабильности и т. д.

5.2. Проявления сепаратизма в межгосударственных отношениях центрально-азиатских государств

Дезинтеграция бывших республик Советского Союза вызвала усиление национализма и межэтнических трений в новых суверенных государствах Центральной Азии, несущих угрозу их дальнейшего дробления. Эту опасность усилила слабость государственной власти. Так, российские ученые подсчитали, что в период распада СССР на его территории существовало 180 районов, где наблюдалась повышенная межэтническая напряженность, причем в среднеазиатских республиках она тогда была весьма высокой⁶⁴. Это объяснялось, в частности, тем, что в этих государствах существует большое число сложно перемешанных этнических анклавов. К примеру, в Ферганской долине они представляют практически все центрально-азиатские национальности. Положение усугублялось еще и тем, что административные границы этих республик в советское время многократно и произвольно передвигались, порождая ряд погранич-

ных проблем, которые окончательно не урегулированы до сих пор. Это также не способствует этническому добрососедству, вызывая желание воссоединиться с основной массой своих соплеменников.

Одной из причин сепаратизма в Центральной Азии является неравномерность социально-экономического развития различных центрально-азиатских государств. Так, например, уровень жизни в Казахстане и Узбекистане существенно выше аналогичных показателей в Кыргызстане и Таджикистане. Этим объясняется стремление национальных меньшинств, проживающих в приграничных районах менее развитых государств, к территориальному воссоединению со своим этносом, живущим соответственно в Казахстане и Узбекистане.

Сепаратизм в государствах Центральной Азии дополняется также борьбой за территориальную автономию внутри конкретной страны, когда одной ее части не нравятся засилие и диктат выходцев из другой ее части, что является следствием кланового подхода к формированию властных структур.

Все это, помноженное на непростые межгосударственные отношения в регионе, перенаселенность многих его районов, ограниченность водных ресурсов и другие проблемы препятствует укреплению стабильности в нем. К тому же, местные сепаратисты время от времени используют террористические методы борьбы, что в условиях сложной межэтнической обстановки может привести к тяжелым последствиям.

Одной из главных этно-демографических особенностей приграничных регионов *Казахстана и Узбекистана* является проживание значительного количества этнических узбеков на территории первого, и этнических казахов на территории второго.

Узбекская диаспора Казахстана проживает компактно и населяет в основном пограничные территории Республики Казахстан. Так, по официальным данным, из 550 тыс. человек всей узбекской общины Казахстана 450 тыс., или более 80 %, населяют Южно-Казахстанскую и примерно 27 тыс. — Жамбылскую область⁶⁵. Позицию узбекской диаспоры Казахстана, с точки зрения отношения к государству, власти и другим этносам, можно охарактеризовать как достаточно

лояльную и бесконфликтную, и нет никаких оснований предполагать, что в ближайшее время такое положение резко изменится.

Вместе с тем, казахское руководство беспокоит то, что этническим узбекам, проживающим на юге Казахстана, присуща сильная национальная и исламская идентичность, обуславливающая большую, по сравнению с казахами, как этническую, так и цивилизационную сплоченность. Эти обстоятельства вкупе со свойственной узбекам динамичностью, целеустремленностью, способностью к внутренней организации и мобилизации, могут быть эффективным инструментом проецирования интересов Узбекистана на соседнюю страну.

При этом в перспективе могут возникнуть определенные условия, способные изменить ситуацию на юге Казахстана в негативном направлении. Проблема заключается в том, что узбекская диаспора может стать пешкой в разыгрываемых определенными силами комбинациях. Опасность может исходить прежде всего со стороны так называемой антикаримовской оппозиции, особенно ее радикальной части. Для исламистов узбекское население юга Казахстана — прекрасный материал для формирования еще одного очага напряженности для Ташкента. Поэтому казахстанские регионы с узбекским населением представляют потенциальную «зону риска» для руководства Казахстана.

Казахская диаспора в Узбекистане является самой крупной по численности в СНГ и второй в мире после казахской диаспоры Китая. При этом ее численность сильно варьируется: примерно от 1 млн человек, по официальной статистике, до полутора миллионов, по данным казахстанских демографов и мнению представителей самой диаспоры⁶⁶. Казахская диаспора в Узбекистане, также как и узбекская диаспора в Казахстане, проживает сравнительно компактно. Наиболее высок удельный вес казахов в Каракалпакстане, Ташкентской, Навоийской и Джизакской областях. То есть почти 90 % узбекских казахов в основном сосредоточено в Ташкенте и вышеназванных областях.

В период становления государственной независимости Узбекистана казахская диаспора, как и другие национальные меньшинства

в этой стране, подверглась определенным гонениям, что выразилось в закрытии казахских школ и спецотделений в вузах, в прекращении трансляций теле- и радиопередач из Казахстана. Почти все представители казахской диаспоры, занимающие в Узбекистане руководящие посты, были вынуждены их освободить.

Такое положение привело к миграции казахов на свою историческую родину. По неофициальным данным число переехавших составило более 180 тыс. человек. На наш взгляд, в случае дальнейшего притеснения этнических казахов в Узбекистане, ситуация может вызвать самые серьезные негативные последствия не только в отношениях Казахстана и Узбекистана, но и во всем Центрально-Азиатском регионе.

Одной из основных причин возникновения этно-демографических противоречий в отношениях между *Узбекистаном и Кыргызстаном* является наличие на территории последнего двух узбекских анклавов — Сох и Шахимардан численностью, по разным данным, от 40 до 50 тыс. человек каждый⁶⁷. В свою очередь и в Узбекистане имеется кыргызский анклав — село Барак, относящееся к сельской управе Ак-Таш Кара-Суйского района Ошской области, с населением около 600 человек⁶⁸. Вышеперечисленные анклавы оторваны от основной территории своих государств, что создает значительные трудности для их населения в плане свободного и безопасного перемещения, а также перевозки грузов через данные территории. Стороны неоднократно пытались решить данную проблему, однако их подходы к решению этой проблемы существенно различаются.

Узбекским руководством предпринимались попытки заключить со своими кыргызскими коллегами соглашение об обмене территориями с тем, чтобы анклав Сох был присоединен широкой полосой земли к основной территории Узбекистана. В обмен Кыргызстану предлагалось передать южную часть Соха. Однако кыргызская сторона считает для себя невыгодным заключать подобное соглашение, т. к. в этом случае два района страны — Лейлекский и Баткенский — почти полностью будут отрезаны от остальной территории государства. Вопрос обостряется еще и тем, что в Сохе открыты нефтяные месторождения. В настоящее время наблюдается насильственный

захват некоторых месторождений как с той, так и с другой стороны. Причем Узбекистан, имея более мощные вооруженные силы, активно пользуется этим, используя свое преимущество как элемент силового давления на руководство Кыргызстана.

Следует отметить, что в последнее время в решение данной проблемы может вмешаться новый фактор, который проявился в ходе «цветных революций» в Кыргызстане 2005 и 2010 гг. Известно, что общая численность узбекского населения в Кыргызстане составляет более 800 тыс. человек⁶⁹, что составляет около 14 % всего населения страны. Узбекская диаспора, являющаяся второй по численности этнической группой в Кыргызстане, в основном, проживает в Ошской и Джалал-Абадской области на юге страны (примерно 90 % всей узбекской диаспоры). Известно, что основой событий весны 2005 г. стали серьезные проблемы в отношениях северных и южных областей Кыргызстана, а также тот факт, что так называемая «революция тюльпанов» зарождалась именно на юге страны. Таким образом, узбекская диаспора Кыргызстана оказалась в эпицентре этих событий, что не могло не сказаться на формировании ее позиции по отношению к происходящим событиям, а также на попытках использования сложившейся ситуации в своих интересах.

В последние годы наблюдался явный рост националистических настроений в узбекской диаспоре, проживающей на территории Кыргызстана. Ее представители, используя коррумпированность местных должностных лиц, стремятся занять ключевые посты в ряде отраслей экономики, торговли, сельхозпроизводства, в сфере обслуживания и особенно — в органах власти и управления. Появились организации, лидеры которых выдвигают требования об обязательной квоте для узбеков в парламенте и органах государственной власти, о необходимости законодательного закрепления поста губернатора Ошской области и мэра города Ош за лицами узбекской национальности.

Таким образом, в Оше в последние годы постепенно «скапливался горячий материал». После широкого участия населения южных районов республики в обеих кыргызских революциях 2005 и 2010 гг. активность различных политических группировок, как кыргызских,

так и узбекских, стала явно нарастать. Причем любой инцидент с участием представителей двух этносов (даже дорожно-транспортное происшествие) мгновенно собирает десятки кыргызов и узбеков, готовых ринуться в бой. Впоследствии эта демонстрируемая сторонами «боеготовность» приводилась каждой стороной в качестве доказательств — то «кыргызских планов» по уничтожению узбеков, то «узбекских планов» по отделению Оша⁷⁰.

Наиболее массовые конфликты между кыргызами и узбеками в Ошской и Джалал-Абадской областях Кыргызстана произошли в июне 2010 г. Тогда по официальной статистике погибли более 400 человек и около 2000 получили ранения, причем половина из них — огнестрельные⁷¹. К основным причинам этих конфликтов, согласно выводам Национальной комиссии, созданной в Кыргызстане для расследования событий 2010 г., следует отнести следующие:

- слабость местной исполнительной власти, порой при полной деморализации правоохранительных органов;
- попытки сторонников бывшего президента К. Бакиева установить полный контроль над южными районами республики;
- стремление узбекской диаспоры во главе с К. Батыровым поддержать властных представителей нового правительства республики и получение при этом политических дивидендов для диаспоры (повышение статуса узбекского языка и введение квот для узбеков во властных структурах);
- ответные меры кыргызского населения на действия К. Батырова (такие как тысячные митинги узбеков, создание штабов и специальных дружин для обеспечения безопасности кварталов, где проживают узбеки) и его призывы к узбекам активнее бороться за свои гражданские и политические права;
- деятельность исламских экстремистов из Движения «Талибан», Исламского движения Узбекистана, Объединенной таджикской оппозиции;
- предел собственности между криминальными структурами⁷².

Следует отметить, что руководство Узбекистана, с первых дней трагедии призывавшее не вмешиваться во внутренние дела Кыргызстана, проявило в оценке этих событий весьма взвешенную пози-

цию, попутно не забыв обвинить во всем некие «третьи силы». Так, президент Республики Узбекистан И. Каримов, выступая 21 сентября 2010 г. на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН, заявил: «У нас есть все основания заявить, что сами кыргызы и многочисленная узбекская диаспора, проживающая на юге республики, стали заложниками глубоко продуманной и хорошо организованной акции со стороны третьих сил». С этим утверждением согласны и другие руководители страны, которые также утверждают о причастности к этим событиям неких третьих сил в лице таджикских снайперов, американских и российских спецслужб. Однако в ходе расследования, проведенного Национальной комиссией, эти сведения документально не подтвердились⁷³.

В межгосударственных отношениях *Узбекистана с Таджикистаном* основной проблемой, вызывающей рост сепаратистских настроений в регионе, является затяжное решение узбекско-таджикских территориальных противоречий, о чем говорилось выше.

В *кыргызско-таджикских* отношениях проблема сепаратизма наиболее ярко проявляется при решении вопросов жизнедеятельности таджикских анклавов на территории Кыргызстана, которыми являются два села — Варух и Калача, население которых в общей сложности составляет примерно 60 тыс. человек. Несколько спорных земельных участков вокруг данного анклава и прилегающих к нему пограничных территорий издавна являются предметом жарких споров и рукопашных схваток киргизов и таджиков. Главная причина этого — борьба за ресурсы, орошаемые земли и поливную воду. При чем таджики считают, что эта часть Баткенской области издавна принадлежала им, а кыргызы утверждают обратное. Процессы, происходящие на этой территории, плохо отслеживаемы, что создает благоприятную почву для распространения радикальных настроений.

В 1989 г., еще при советской власти, на почве территориальных претензий здесь произошли кровавые столкновения, которые привели к человеческим жертвам. Тогда лишь прямым вмешательством Центра удалось погасить очаг межэтнической войны. Причем, если в советские и первые годы постсоветского периода киргизско-таджикская граница оставалась практически прозрачной и никем не охра-

нялась, то сегодня граница двух стран имеет около 70 спорных участков, которые усиленно охраняются этническими формированиями с обеих сторон. Ситуация демонстрирует наличие сразу нескольких проблем: водных и территориальных споров, вопросов незаконного использования пастбищ и массовой вырубке арчевых лесов. Стороны не раз пытались решить данную проблему путем обмена территориями, однако к положительному решению не пришли.

5.3. Уйгурский и тибетский сепаратизм

К проблемным районам Центральной Азии, где наиболее активно действуют сепаратисты, относится и *Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) Китая*. Конфликт здесь носит не только этнический, но религиозный характер, так как уйгуры являются тюркоязычными мусульманами. Они желают создать независимое государство Уйгурстан, или Восточный Туркестан.

Данное стремление имеет глубокие исторические корни. Уйгуры являются одним из древнейших народов, населяющих территорию нынешнего СУАР и проживающих крупными диаспорами в ряде стран Центральной Азии. Первое уйгурское государственное образование — Уйгурский каганат был основан в VIII в. и просуществовал около 100 лет. В более поздний период уйгуры еще несколько раз создавали свои государства, которые не отличались прочной государственностью и долголетием. В XVII в. уйгурами было основано очередное образование под названием Восточный Туркестан. Однако в 1760 г. под натиском маньчжурско-китайских войск уйгуры лишились своей независимости, а регион был окончательно включен в состав китайской империи и стал называться Синьцзяном, по-китайски — «новая граница».

С момента присоединения Синьцзяна к Китайской империи проживающие на данной территории коренные этносы, в первую очередь самый многочисленный — уйгурский, постоянно боролись за независимость, используя для этого как внутренние ресурсы, так и помощь извне. После образования КНР Пекин в 1955 г. предоста-

вил краю определенную автономию и преобразовал провинцию Синьцзян в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Но это не решило полностью национальный вопрос на северо-западе страны, где антикитайские настроения сохраняются и поныне.

В настоящее время, по официальной статистике КНР, численность населения СУАР превышает 21,8 млн человек, из них только 40 % составляют ханьцы, а остальные — в основном тюркоязычные народы мусульманского вероисповедания — уйгуры, казахи и др.⁷⁴ Активизацию сепаратистских настроений в СУАР вызвал распад СССР и пример обретения независимости и реальной собственной государственности целым рядом народов Центральной Азии. На этой волне лидеры движения заявили о намерении продолжать борьбу за отделение от Китая «в любом случае, и не считаясь с жертвами». Вооруженный путь борьбы за свою независимость был избран Всемирным уйгурским курултаем, который проходил в Стамбуле в конце 1996 г. На нем большинство участников высказались за «чеченский вариант» развития событий как наиболее действенный в решении уйгурской проблемы. Конечной целью такого варианта является создание государства Восточного Туркестана, которое предусматривает включение в состав этого государственного образования областей других государств региона, прежде всего тех, в которых есть значительная уйгурская диаспора (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан).

Наиболее масштабными выступлениями уйгуров стали события июля 2009 г. в городе Урумчи Синьцзян-Уйгурского автономного района, в ходе которых погибли 186, более 1000 были ранены, а 1400 участников беспорядков — арестованы⁷⁵. Следует отметить, что эти события стали крупнейшими массовыми беспорядками в Китае после событий на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г. Беспорядки были остановлены только после введения в город частей регулярной армии КНР.

Уйгурский сепаратизм — мина замедленного действия в среднеазиатском регионе, угрожающая не только Китаю, но и всему региону. Сепаратистское движение в Восточном Туркестане состоит из ряда мелких, маргинальных исламистских группировок, морально

поддерживаемых Турцией. Военная поддержка сепаратистам также оказывается исламистами с территории индийского Кашмира, занятой Пакистаном.

Сепаратистские настроения в СУАР — это проблема не одного лишь Китая. Перед властями независимых государств ЦАР весьма остро стоит проблема собственного исламизма и сепаратизма. Как уже было сказано выше, с ними вынуждены вести борьбу и в Таджикистане, и в Кыргызстане, и в Узбекистане. Беспокойство из-за соседства с нестабильным районом Китая испытывает и Казахстан. Проживающие в Синьцзяне носители радикальной исламской идеологии вполне могут перенести ее и на центрально-азиатскую почву, влившись в ряды вооруженной оппозиции, и тем активизировать ее деятельность. Многочисленная уйгурская диаспора проживает в граничащих с Синьцзяном Казахстане и Кыргызстане. По оценкам экспертов, численность уйгуров в этих государствах также быстро увеличивается.

Помимо этнических и религиозных причин сепаратистских настроений в СУАР другие причины сепаратизма в этом районе кроются в геостратегическом и геоэкономическом значении СУАР. Дело в том, что это большой торгово-коммуникационный узел, ключ к сухопутной части проекта «Экономический пояс шелкового пути». Через него проходит единая телекоммуникационная магистраль Шанхай — Франкфурт-на-Майне. На этой территории может быть замкнута сеть транспортировки газа и нефти из Каспия в Азиатско-Тихоокеанский регион. Через Синьцзян в Европу по построенной в 2012 г. железной дороге, объединяющей Казахстан, Россию, Белоруссию, Польшу и германский Дуйсбург, экспортируется продукция китайских предприятий. И, наконец, СУАР — это ворота в Пакистан, путь к Индийскому океану. Кроме того, в его недрах — 21 млрд т нефти, 10 трлн кубометров природного газа (четверть общекаитайских запасов), 40 % всего угля страны и залежи редкоземельных металлов⁷⁶.

Пекин в интересах развития этого района и поддержания стабильности обстановки в нем вкладывает большие средства. Так, только с 2010 г. по 2015 г., туда было вложено около 2 трлн юаней,

строятся шесть аэропортов, 8,4 тыс. км железных дорог и более 7 тыс. км автомагистралей. Однако действия руководства страны дают недостаточный эффект. Главная причина заключается в том, что за последние пять лет под влиянием «внешних игроков» уйгурский сепаратизм стремительно мутировал. Его идеи тесно сплелись с радикальным исламизмом, а активная информационная кампания извне обеспечивает постоянный приток в террористическое подполье уйгурской молодежи.

Основной сепаратистской организацией уйгуров является «*Исламская партия Туркестана*» (ранее известная как «Исламское движение Восточного Туркестана»), которая пользуется наибольшей поддержкой среди представителей этого этноса в регионе.

С момента ее создания в 2008 г. члены организации поклялись проводить джихад против «коммунистических китайских оккупантов» Синьцзяна. Организация, по некоторым данным, имеет до 600 боевиков, прошедших подготовку в лагерях исламистов в Афганистане, Таджикистане, Пакистане и Чечне.

Структура организации включает религиозно-политический центр, центр оперативного управления, мобильные бандформирования, подразделения разведки и контрразведки, а также органы, отвечающие за пропаганду и материально-техническое обеспечение. За пределами СУАР лидеры движения делают ставку, прежде всего, на многочисленные диаспоры уйгуров в перечисленных выше странах, а также проявляют внимание к другим государствам региона. В результате такой деятельности партии удалось не только добиться финансовой поддержки уйгурских диаспор в государствах Центральной Азии, но и создать в них собственные организации (например, «Уйгар озатшик ташлахты» в Казахстане), с которыми партия поддерживает тесные связи.

Основными целями организации являются:

- создание религиозного братства мусульман в так называемом Туркестане для того, чтобы вести «джихад ради Аллаха и распространять его слово»;
- широкое распространение идей ваххабизма и салафизма среди мусульман СУАР и центрально-азиатских государств;

- агитация за создание теократического исламского государства, живущего по законам шариата;
- организация взаимодействия с другими джихадистскими группами по всему миру;
- проникновение в государственные и силовые структуры государств, на территории которых ведется подрывная деятельность;
- организация и проведение террористических актов против противников ислама, государственных служащих и военных.

Следует также отметить следующее: в последнее время власти КНР фиксируют увеличение зарубежного финансирования проживающих в СУАР исламистов. Кроме того, в июле 2015 г. группировка ИГИЛ опубликовала видеоролик, обращенный к уйгурам. Террористы призвали «братьев» отправиться на «священную войну» в Сирию и Ирак. Участие сепаратистов в войне в Сирии и Ираке — способ получить боевой опыт, который пригодится для организации диверсий против граждан и силовиков КНР.

Крупнейшая правительственная газета Китая «Жэньминь жибао», ссылаясь на «источники в органах безопасности Сирии», в 2015 г. оценивала число уехавших на Ближний Восток уйгурских джихадистов в 300 человек. Первый секретарь ЦК Компартии Китая Цзэн Цуань считает, что уйгурское сообщество встало на путь радикализации исповедуемого им ислама. Виной тому являются радикальные идеи, проникающие в СУАР из Афганистана или Саудовской Аравии. По его словам, уйгурские боевики попадают на Ближний Восток через Афганистан и Пакистан, с которыми как раз граничит мятежный район⁷⁷.

Вторым районом Китая, где среди населения активно распространяются сепаратистские настроения, является *Тибет*. Проблема Тибета возникла задолго до начала новейшего периода истории. На протяжении длительного времени Тибет поддерживал вассальные отношения с маньчжурской династией Цинь, правившей Китаем с VII в. В феврале 1913 г. XIII Далай-лама провозгласил независимость Тибета. Однако в этом же году на международной конференции по статусу Тибета, проходившей в Индии, он не получил статуса суверенного государства из-за сопротивления Китая. В 1949 г. Китай

ввел в Тибет свои войска, а в 1951 г. между КНР и Тибетом было подписано «Соглашение о мероприятиях по мирному освобождению Тибета», в соответствии с которым Тибету предоставлялась региональная автономия в составе КНР. Такая политика Китая привела в 1959 г. к восстанию в Тибете, которое было подавлено китайскими войсками, а духовный руководитель восставших Далай-лама покинул родину и до настоящего времени проживает за границей.

При этом в 1959 г. Далай-лама открыто провозгласил Тибет независимым государством, «самым крупным в мире государством, подвергшимся оккупации». Было сформировано эмигрантское правительство, а также вооруженные формирования, готовые вести боевую и террористическую деятельность против центрального правительства.

В настоящее время Тибет является одним из очагов напряженности в Китае, а происходящие в нем события вызывают неоднозначную реакцию международной общественности. Особенно наглядно это проявилось в призывах лидеров некоторых государств бойкотировать проходившие в 2008 г. в Китае Олимпийские игры.

В Тибете и за рубежом и в настоящее время не прекращаются акции протеста тибетцев, организуемые *«Движением за свободный Тибет»* и поддерживаемые различными общественными организациями и общественными деятелями других стран. Кроме того, как отмечают некоторые аналитики, преследуя свои политические интересы такие государства, как США, Индия и Непал используют сложившуюся ситуацию в собственных целях, что может перевести протестные выступления из фазы демонстраций и пикетов в открытое восстание с участием этнических тибетцев, а также проживающих в Тибете мусульман-хуэй.

События в Косово и признание его независимости обострили проблему Тибета. Международное сообщество не пришло к единому мнению, потому что с одной стороны говорится о защите прав человека, с другой стороны, речь идет о целостности государства. Выход из данной ситуации возможен только на мирной основе. Поэтому переговорный процесс между двумя сторонами должен продолжаться при любых условиях.

В сложившейся ситуации позиция китайской стороны состоит в следующем: руководство КНР согласно на возобновление переговоров с Далай-ламой по статусу Тибета только после его отказа от сепаратистской деятельности и признания Тибета частью Китая, а правительства страны — единственной законной властью.

5.4. Экстремизм — основа терроризма в Центральной Азии

Толковый словарь Ожегова трактует понятие «экстремизм» как приверженность к крайним мерам и взглядам. С другой точки зрения, экстремизм можно охарактеризовать как идеологию, основанную на нетерпимости и исключительности. Экстремизм, проявляющийся в политической сфере общества, называется политическим экстремизмом, экстремизм же, проявляющийся в религиозной сфере, получил название религиозного экстремизма.

Экстремистским идеологиям свойственно стремление изменить или уничтожить прежнюю идентичность — личностную, общественную, государственную, религиозную и т. п., причем изменить радикально, так, чтобы его новая форма не воспринималась как продолжение старого. Они выступают как механизм этносоциальной и религиозной мобилизации, как принцип и инструмент политической жизни.

Важным свойством современного экстремизма, объясняющим его высокую политическую и социальную востребованность и способность проникать в массы и управлять массовым сознанием, заключается в том, что он оперирует простыми и доступными схемами для решения сложных проблем. Причем за этой внешней простотой скрывается стремление подменить существующие законы, мораль, систему отношений в обществе.

Следует учитывать также, что экстремистские движения действуют, как правило, нелегитимными методами — восстания, перевороты, терроризм, что значительно увеличивает их социальную опасность.

Также следует отметить, что экстремистские идеологии оказываются привлекательными для многих творческих, интеллектуальных и активных людей. Это объясняется тем, что соблазн создать новый мир взамен существующего ускоренным способом, решить за людей их проблемы и построить общество всеобщего благоденствия в короткие сроки часто становится трудно преодолимым для части общества. Более того, высокий интеллектуальный потенциал и политическая активность делают экстремистские движения и идеологии наиболее опасными для современного общества.

В целом современный экстремизм следует рассматривать в нескольких ипостасях.

Во-первых, как деятельность общественных, религиозных, либо иных организаций, средств массовой информации и физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению противоправных действий, направленных в первую очередь на: насильственное изменение основ конституционного строя; возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды и т. п.

Во-вторых, как пропаганда идей фашизма, призывы к осуществлению нацистской деятельности, публичное демонстрирование своей приверженности фашистским идеям и организациям, а также открытая пропаганда нацистской атрибутики и другой символики, сходной с ней.

В-третьих, как финансирование вышеуказанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению.

Согласно закону РФ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской деятельностью понимается широкий спектр противоправной деятельности: от информационных услуг до осуществления террористической деятельности, захвата или присвоения властных полномочий. В нашем понимании, экстремизм — это агрессивное поведение (настрой) личности, существенными внешними признаками которого служат нетерпимость к мне-

нию оппонента, ориентированного на общепризнанные нормы; склонность к крайним (силовым) вариантам решения проблемы; неприятие консенсуса как ценного, делового инструмента в повседневной практике и, наконец, неприятие прав личности и ее самоценности.

Американские эксперты и политические деятели связывают использование террористических методов борьбы исключительно с радикальной, фундаменталистской, воинствующей ветвью ислама, которая ставит своей целью свержение светских и умеренно исламских правительств в мусульманских странах, которые, по ее мнению, мешают воссоздать исламский халифат. Такая позиция позволяет США под предлогом борьбы с международным терроризмом успешно реализовывать свои геополитические интересы.

Концепция Шанхайской организации сотрудничества о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом определяет экстремизм следующим образом.

Экстремизм — это какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них⁷⁸.

В Центрально-Азиатском регионе основными проявлениями экстремизма являются действия организаций радикального ислама, таких как ИГИЛ, «Исламское движение Узбекистана», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Джунд аль-Халифат», «Исламский джихад» и других, о которых будет сказано ниже.

При этом, рассматривая радикальные течения в исламе, необходимо в первую очередь отмечать их экстремистский характер. Экстремизм по своей сути — это прежде всего деяния, направленные на насильственный захват или насильственное удержание власти, будь то религиозная община, общество или государство в целом. Не надо забывать и о том, что идейной основой религиозного экстремизма является признание своей религии (или своего направления в религии) ведущей и подавление других религиозных конфессий, а также

направлений в рамках одной религии через их принуждение к своей системе религиозной веры.

Повышение уровня религиозности населения Центрально-Азиатского региона в постсоветский период — объективная тенденция. При этом особо обращает на себя внимание увеличение количества последователей исламских радикальных организаций, которые ранее не были распространены в Центральной Азии. По мнению экспертов, политический ислам в регионе пока еще на стадии становления: он расширяет ресурсную базу, формулирует политические требования и готовит социальную почву, постепенно позиционируя себя в качестве альтернативы светскому государственному и общественному вектору развития.

Сформировавшись в качестве политической силы, исламисты будут стремиться к созданию нового государственного объединения на территории Центральной Азии. Пока такая перспектива всерьез не воспринимается, но, по мнению отдельных экспертов, это всего лишь вопрос времени. Наибольшую угрозу, по оценкам экспертов, исламизация представляет для Казахстана и Кыргызстана, где у населения низкий уровень религиозных знаний и отсутствует иммунитет к фанатизму⁷⁹.

Политические и религиозные требования исламских экстремистов в Центральной Азии в основном сводятся к следующему:

- возврат к базовым принципам и заповедям ислама, отрицание суфизма, в форме которого ислам распространен в Центральной Азии;
- очищение ислама от более поздних «ересей» и отступлений от канона;
- политизация ислама;
- свержение существующей конституционной системы и образование исламского халифата;
- создание политической системы, основанной на хакимийи (суверенитете, власти Аллаха) и халифате;
- введение юридической системы, основанной на шариате, и предоставление ей приоритета перед светскими ветвями власти: судебной и исполнительной⁸⁰.

Исламский экстремизм представляет собой сложное и многоаспектное явление, содержащие политический, экономический, социальный, криминальный и военный компоненты. Здесь оперируют международные организации или их подразделения, радикально настроенные исламские фундаменталисты, экстремистские группировки, стремящиеся занять главенствующее положение в мировом исламском сообществе. Исламский экстремизм, как и любой другой религиозный экстремизм, предполагает: отрицание и подавление всяческого проявления инакомыслия; жесткое утверждение своей системы политических и религиозных взглядов; культивирование слепого повиновения и исполнения приказов лидера. В организационном плане это означает подпольный характер жестко структурированной организации; проявление постоянной агрессивности действий организации вплоть до использования методов террора; стремление противопоставить себя действующему государству и строю, существующему в данном государстве.

Истоки исламского экстремизма связаны в первую очередь с резкой политизацией ислама в середине прошлого — начале текущего столетия. Наиболее мощное исламское экстремистское движение — ваххабизм, является основной религией самых богатых мусульманских государств: Саудовской Аравии, Эмиратов и Кувейта. Это учение ставит своей основной целью создание единого всемирного исламского государства (халифата), которое уничтожит существующие государственные границы между мусульманскими государствами. Во главе этого государства должны, естественно, встать вышеперечисленные страны. Таким образом, усиленное продвижение ваххабизма и схожего с ним салафизма в современном исламе является не чем иным, как борьбой за мировое лидерство в исламском мире.

Таким образом, исламский экстремизм — это уже не просто радикальное течение внутри религиозного общества, это политический экстремизм под флагом религии, цели которого лежат, прежде всего, в политической плоскости. Тенденция существенной политизации ислама за последние годы превратилась в серьезный фактор, влияющий на рост социально-политической напряженности, как в

отдельных регионах, так и в мировом сообществе в целом. На наш взгляд, это обусловлено следующими причинами:

- после крушения коммунистической идеологии образовался идеологический вакуум, который практически сразу стал заполняться идеологией ислама;

- произошел резкий рост национального самосознания у народов, обретших собственную государственность, с одновременной поддержкой властями процесса возрождения исламских традиций;

- трудности социально-экономического плана способствовали росту протестных движений, которые использовали те из лозунгов ислама, которые определяют его как общество социальной справедливости;

- разрушение правовых норм и социальных гарантий, существовавших в советский период, что способствовало установлению в массовом сознании мусульманского населения позитивной расположенности к исламу как альтернативному праву;

- низкий уровень религиозного просвещения населения, отсутствие квалифицированной теологической подготовки и образования у служителей официального ислама, неконтролируемое обучение студентов в сомнительных религиозных учебных заведениях за рубежом;

- многонациональная структура населения в некоторых исламских странах или в отдельных регионах на территории неисламского государства, в рамках которой ислам выступает объединительной и консолидирующей силой, а также инструментом регулирования отношений между этносами.

Основными идеями практически всех радикальных течений ислама в настоящее время являются: приведение к власти в мусульманских религиозных общинах своих ставленников и идея панисламизма. Причем в условиях современного возрастания взаимозависимости стран на планете, с одной стороны, и обострения отношений развитых государств, в основном христианских, с развивающимися государствами, к которым принадлежит большинство исламских государств, с другой, идеи панисламизма отвечают чаяниям значительных групп населения последних. В подобном развитии событий

им видится залог повышения возможности улучшения жизни, основанный на концентрации мощи в объединившихся государствах, которые в большей степени будут способны решать социально-экономические проблемы и, что особенно важно для них, более успешно противостоять внешнему диктату, основанному на нынешнем экономическом, политическом и военном доминировании развитых христианских стран Запада.

Рассматривая распространение идей панисламизма в исламском мире, следует учитывать существенные различия религиозных течений в мусульманстве и трактовке ими основополагающих догматов веры, что затрудняет и даже препятствует объединению их усилий на данном направлении. Так, в отличие от арабского мира, где исламский фундаментализм и вытекающий из него радикализм становятся доминантой поведения, для мусульман Центральной Азии такие проявления в большей степени привнесены извне.

В список экстремистских организаций региона, как уже сказано выше, входит не один десяток движений и групп, идеология деятельности которых и используемые методы примерно схожи и отличаются лишь активностью и масштабами. Исследуя особенности деятельности исламских экстремистских организаций в Центральной Азии, можно выделить следующее.

1. Эти организации многонациональны по составу, вне зависимости от того, на территории какого из государств они действуют. В их состав входят, помимо этносов Центральной Азии, представители славянских национальностей, народов Кавказа, боевики из Пакистана и Афганистана.

2. Деятельность данных организаций имеет международное финансирование. Так, ИДУ получает средства от «Аль-Каиды» и других экстремистских организаций Ближнего Востока, а «Хизб ут-Тахрир» имеет свои представительства в десятках стран мира.

3. Практически везде просматривается тесная связь этих организаций с организованной преступностью. Если раньше они лишь соприкасались, взаимовыгодно решая отдельные локальные вопросы, а затем расходились, то сегодня наблюдается растущий симбиоз этих двух опасных течений. При этом их совместная деятельность, мно-

гократно увеличивает возможности каждого из них, так как позволяет террористам маскировать свою деятельность под обычный криминал, а взаимные услуги повышают результативность действий тех и других. Поэтому все экстремистские организации Центральной Азии самостоятельно занимаются наркобизнесом, торговлей оружием, нелегальной миграцией и т. п. с целью получения финансовых средств на свою деятельность.

4. Усилившаяся терроризация экстремистских организаций. С сожалением можно констатировать, что большинство исламских экстремистских организаций давно перешли от распространения религиозных идей к террористическим способам ведения политической борьбы, которые, по мнению их руководителей, более эффективно, а главное, значительно быстрее приведут их к поставленной цели.

В том, что в настоящее время наблюдается более широкое использование экстремистскими организациями террористических способов ведения политической борьбы, сыграли роль следующие факторы:

- неудачи революционных движений и фронтов в совершении исламских революций в арабских странах;
- идеологические трудности, которые испытывает исламский мир под влиянием наступления западных ценностей;
- огромное военно-техническое превосходство армий западных государств над вооруженными силами исламских стран;
- религиозная неграмотность многих молодых мусульман, которая делает их жертвой исламистских сект, утверждающих, что лишь их трактовка Корана является истинно верной;
- развитие телекоммуникаций, способствующее усилению связей между различными частями мусульманского мира;
- трактовка западными СМИ большинства конфликтов, в которых участвуют представители ислама, как столкновение исламского и христианского миров;
- неспособность исламских националистических правительств быстро и эффективно решать проблемы общества и добиться победы над внешним врагом;

- слишком либеральное отношение европейских правительств к иммигрантам и беженцам из мусульманских стран, терпимое отношение к их религиозной и политической деятельности на территории своей европейской родины.

Кроме того, следует констатировать, что в настоящее время среди населения центрально-азиатского региона все большую привлекательность находит если не поддержка, то, по крайней мере, оправдание терроризма как метода борьбы за достойную жизнь. Это вызвано разочарованием в существующем положении отсутствием ощутимых перемен к лучшему, а также безуспешным поиском справедливости. Более того, терроризм не только в Центральной Азии, но и в других регионах — это во многом образ жизни немалого слоя населения, которому уже не важен конечный результат, так как за достижением ближайшей цели последуют новые.

Глава 6

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

6.1. Основные террористические организации Центральной Азии

К основным террористическим организациям, действующим в Центрально-Азиатском регионе можно отнести:

«Исламское движение Узбекистана» и его ответвление «Союз исламского джихада», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» («Партия исламского освобождения»), «Джунд аль-Халифат» («Солдаты халифата»), Исламский джихад (Джамаат моджахедов). Эти крупные террористические организации действуют практически на всем пространстве Центральной Азии.

Автономные ячейки международной террористической организации «Братья-мусульмане», такие как «Общество социальных реформ», «Комитет исламского призыва», «Даава Исламийя» и другие действуют в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане.

Террористические организации «Акромиды», «Адолат уюшма-си», «Ислом лашкарлари» («Воины ислама») — действуют в Узбекистане, организация «Товба» («Покаяние») — имеет сторонников и активистов в Кыргызстане и Узбекистане.

Кроме того, в Центрально-Азиатском регионе активно работают фонды и организации исламской направленности, такие как «Мутакалим», «Ихсан-Хария», «Аль Вакъ Аль Ислами», «Всемирная ас-

самблея исламской молодежи», «Международный гуманитарный призыв», «Комитет мусульман Азии», «Союз исламского джихада» и другие, некоторые из них проповедают направления радикального ислама, такие как сулафизм и ваххабизм.

В последнее время на территории ЦАР и прилегающих к нему территориях активно начали работать ячейки самой крупной международной террористической организации современности ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта»), в арабской транскрипции — ДАИШ. Это непризнанное квазигосударство было провозглашено в 2014 г. как всемирный халифат с шариатской формой правления и штаб-квартирой в сирийском городе Эр-Ракка. По своей сути — это международная исламистская суннитская террористическая организация, действующая преимущественно на территории Сирии и Ирака.

Помимо Сирии и Ирака, ИГИЛ и подконтрольные ему группировки участвуют в боевых действиях в Ливане, Афганистане, Алжире, Пакистане, Ливии, Египте, Йемене, Нигерии, а также ведут террористическую деятельность в некоторых других странах. Международные организации «Исламское государство Ирака и Леванта» и родственная ей организация «Джебхат ан-Нусра» признаны террористическими и запрещены во всех государствах ШОС.

Исследуя деятельность основных террористических организаций в Центральной Азии, можно выделить следующие особенности.

«Исламское движение Узбекистана». Крупнейшая из исламистских террористических организаций в Центральной Азии. Его деятельность запрещена в Узбекистане и других странах Центральной Азии.

Исламское движение Узбекистана (далее — ИДУ) было основано в 1996 г. как эмигрантская организация, в которую вошли члены запрещенных на родине партий и групп. Членами этой организации стали узбеки, таджики, уйгуры, казахи, татары, туркмены. По данным спецслужб, главной целью движения было провозглашено создание исламского государства на территории сначала Ферганской долины, а затем по всей Центральной Азии, включая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и ту часть территории Китая, где проживают уйгуры.

Начиная с середины 1990-х, боевики ИДУ смогли разместить свои базы в Таджикистане, воспользовавшись нестабильностью страны после гражданской войны 1992—1997 гг., и обеспечить свое присутствие в северных областях Афганистана, находящихся под контролем «Талибана».

В 1999 г. группа террористов ИДУ попыталась убить президента Узбекистана И. Каримова. В 1999—2000 гг. хорошо подготовленные группы боевиков ИДУ вторгались на территорию Кыргызстана и Узбекистана. В августе 1999 г. отряды ИДУ в количестве нескольких сотен человек вошли с севера Таджикистана в южные районы Кыргызстана. Летом 2000 г. отряды ИДУ вновь вторглись на юг Кыргызстана, а также в Сурхандарьинский район Узбекистана, вступив в затяжные бои с правительственными силами обеих стран. В результате боевых действий боевики были вытеснены с территорий этих государств.

В октябре 2001 г., после вторжения американцев в Афганистан ИДУ нашло прибежище в Пакистане. Сегодня ИДУ и пакистанская ветвь «Талибана» остаются в партнерских отношениях. При этом боевики движения совершают самые дерзкие нападения на пакистанские силы безопасности, такие как теракт в аэропорту Пешавара в декабре 2012 г. и организация побега из тюрьмы Банну в апреле 2012 г., в результате которого был освобожден А. Рашид, ожидавший смертной казни за подготовку убийства президента Пакистана П. Мушаррафа⁸¹.

В настоящее время ИДУ насчитывает несколько тысяч участников разных национальностей, поэтому является скорее небольшой армией, чем типичной террористической группировкой с широкими возможностями по совершению терактов и вооруженных вторжений в города и особенно в сельские районы, где оно может захватить территорию, как это было в случае с Раштской долиной в Таджикистане в конце 1990-х. Зона действия ИДУ — значительно больше, чем территории Пакистана, Афганистана и Узбекистана, и включает территории всех центрально-азиатских государств, а также северо-западные провинции Китая.

Множество фактов свидетельствует о том, что боевики ИДУ связаны с наркобизнесом. Эксперты по контролю за оборотом нарко-

тиков считают, что боевики ИДУ контролируют до 2/3 контрабанды опия, поступающего в Кыргызстан. Интерпол охарактеризовал движение как «гибридную организацию, в которой криминальные интересы часто берут верх над политическими задачами». Поэтому руководство ИДУ крайне заинтересовано в дестабилизации обстановки в регионе, чтобы обеспечить безопасность путей, используемых для контрабанды наркотических средств⁸².

Ответвление движения ИДУ — группировка «Союз исламского джихада» (далее — СИД) была основана в 2002 г. в Южном Вазиристане двумя этническими узбеками — бывшими боевиками ИДУ. В противоположность ИДУ СИД сформировался на афгано-пакистанской границе в среде многонационального джихада, объявленного американцам. В течение 2000-х годов эта организация приобрела популярность среди боевиков ИДУ, которые в конечном счете перестали считать высшим приоритетом освобождение Ферганской долины, и сегодня ставят перед собою более «интернациональные» задачи.

«Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (Партия исламского освобождения). Партия представляет собой международную, панисламистскую, суннитскую организацию. Партия создана в 1953 г. в Иерусалиме судьей шариатского апелляционного суда Такиудином аль-Набхани. По данным «The Heritage Foundation», «Хизб ут-Тахрир» действует в 40 странах мира, в каждой из которых имеет от 5 до 10 тыс. убежденных членов. Точное количество членов этой организации неизвестно, но предположительно оно насчитывает миллионы человек⁸³. Руководители партии, не признавая существующие современные государства, разбили весь мир на «вилаяты» (области, провинции). В каждом «вилаяте» отделения партии структурированы по принципу ячеек (отдельно мужских и женских) — небольших групп, нередко с жесткой партийной дисциплиной, занимающихся пропагандой идей партии.

«Хизб ут-Тахрир» провозглашает себя «политической партией, идеологией которой является ислам». Цель партии — содействовать возвращению мусульман к исламскому образу жизни на основе шариата и распространению исламской веры в мире. При этом декла-

рируется, что реализация этой цели возможна лишь путем воссоздания единого, объединяющего весь исламский мир, теократического государства — халифата.

В документах «Хизб ут-Тахрир» правительства современных мусульманских стран характеризуются как неисламские, а причиной всех сегодняшних проблем мусульманской уммы объявляется «отсутствие ислама в ее повседневной жизни», в том числе «отсутствие исламской системы правления». Главная цель организации — объединить исламские народы в едином исламском государстве, или халифате, которым руководит избранный халиф. Партия призывает к установлению халифата ненасильственным путем и возвращению стран, где мусульмане составляют большинство населения, к халифату, который представлял собой золотой век Ислама до того, как европейский империализм колонизировал Ближний Восток⁸⁴.

Конституция организации состоит из 187 статей об Исламском государстве, в ней детализируется все — от исламской экономики и системы образования до отношений между мужчинами и женщинами (женщинам позволяется иметь право собственности, голосовать и заниматься бизнесом).

Предполагается, что борьба за реализацию поставленных целей будет включать три стадии:

1. «Саховат» («пробуждение»), т. е. использование религии для вовлечения людей в партию.

2. «Объединение с народом», т. е. внедрение своих людей в органы государственной власти, распространение политических взглядов и литературы, создание обстановки конфронтации в государственных структурах и учреждениях.

3. Организация различных политических акций (митингов, демонстраций, шествий) с целью отставки правительства. В случае, если правительство добровольно не уйдет в отставку, организация готова вооруженным путем осуществить свержение власти.

Несмотря на то, что члены «Хизб ут-Тахрир» официально исповедуют ненасилие, значительное количество из них поддерживают радикальные направления ислама и имеют тесные связи с талибами Афганистана, а также с членами ИДУ. Причем, прежде чем перейти

к таким салафито-джихадистским группировкам боевиков, как ИДУ, многие исламисты сначала присоединяются к салафитским группировкам типа «Хизб ут-Тахрир». Так, во время этнических столкновений между кыргызами и узбеками в южном Кыргызстане в 2010 г., большинство членов «Хизб ут-Тахрир» в этом районе активно в них участвовало.

Следует отметить, что большинство жителей Центральной Азии не поддерживают «Хизб ут-Тахрир», однако значительная его часть относится с уважением к некоторым ее целям, таким как, например, противодействие внешней политике США и стремление к большему экономическому равенству.

В своей работе с населением экстремисты учитывают психологические особенности различных слоев населения в той или иной стране. Например, экстремистская литература в Кыргызстане распространяется на русском, кыргызском и узбекском языках. Книжки, брошюры, листовки написаны достаточно простым, но не примитивным языком. В них обильно цитируется Коран и Сунна. Содержание брошюр логически выстроено таким образом, чтобы указать причины бедственного положения людей и подсказать им выход из сложившейся ситуации путем присоединения к деятельности той или иной экстремистской партии или группы.

Руководство «Хизб ут-Тахрир» опирается, прежде всего, на три группы населения: это — социально незащищенные слои населения (безработные, пенсионеры, студенты, отцы и матери многодетных семейств); представители властных структур; а также работники правоохранительных органов и других силовых структур.

Следует отметить, что Партия исламского освобождения в последнее время довольно часто использует не только легитимные способы деятельности. В ее агитационных материалах содержатся призывы к изменению конституционного строя тех стран, где она ведет свою деятельность, что является прямым нарушением их законов. Можно отметить также и тот факт, что аресты членов организации в различных странах мира выявили многочисленные случаи хранения ими не только экстремистской литературы, но и оружия.

По данным спецслужб, в том числе и российских, эта партия поддерживает тесные связи с международными исламистскими организациями, которые мировым сообществом отнесены к террористическим. Более того, некоторые ее члены проходят подготовку в лагерях исламских боевиков. Следует подчеркнуть, что андижанские события 2005 г. в Узбекистане, по данным местных спецслужб, были организованы ИДУ и «Хизб ут-Тахрир».

«Джунд аль-Халифат» («Солдаты Халифата»). В настоящее время эта группировка базируется на племенных территориях Пакистана, но, по сообщениям, имеет свои ячейки на Северном Кавказе. «Джунд аль-Халифат» проявила себя как международная террористическая организация через несколько месяцев после того, как в апреле 2011 г. Н. Назарбаев выиграл президентские выборы в Казахстане. В 2011 г. организация осуществила, по меньшей мере, три нападения в Атырау, Таразе и Алматы.

Группировка, как и другие террористические организации, также имеет глобальные амбиции. Она, как и все центрально-азиатские джихадистские движения, выступает за создание исламского халифата в Центральной Азии и более великого исламского мира. Лидеры «Джунд аль-Халифат» заявляют, что система управления государством должна основываться на шариате, который должен преобладать в каждой мусульманской стране от востока до запада.

Организация *Исламский джихад* (Джамаат моджахедов) была создана в марте 2002 г. на территории Афганистана после раскола в Исламском движении Узбекистана. В эту организацию вошли наиболее радикальные боевики ИДУ, получившие активную поддержку функционеров такой известной международной террористической организации, как «Аль-Каида».

Целью организации является свержение существующих светских правительств в мусульманских странах и создание государств с шариатской формой правления, а также осуществление диверсий на военных объектах стран — участниц антитеррористической коалиции, действующей в Афганистане.

Большинство членов группировки прошли подготовку в лагерях различных международных террористических организаций, прини-

мали участие в боевых действиях на Северном Кавказе в составе незаконных вооруженных формирований. Организация взяла на себя ответственность, в частности, за взрывы в Ташкенте и Бухаре в марте 2004 г. В октябре 2005 г. ее руководство выразило намерение создать отдельную группу, в задачи которой входила бы организация терактов на территории всего бывшего СССР.

В мае 2009 г. боевики этой группы совершили нападение на блок-пост органов внутренних дел города Ханабад Андижанской области Узбекистана, а в самом Андижане, по данным неправительственных информационных агентств, было осуществлено не менее четырех подрывов террористов-смертников. Ответственность за эти события взяла на себя организация «Исламский джихад». В июне того же года боевики, участвовавшие в нападении на узбекский блок-пост, были обнаружены и уничтожены спецслужбами Кыргызстана. Установлено, что уничтоженные боевики проходили подготовку в одном из боевых лагерей на территории Пакистана.

Как уже сказано выше, на территории Центральной Азии и прилегающих к ней территорий (Афганистан, Пакистан и др.) начали свою деятельность ячейки крупнейшей международной террористической организации «*Исламское государство Ирака и Леванта*», или ИГИЛ. В ее создании принимала участие «Аль-Каида», которая посредством международного террориста Абу Мусаба аз-Заркави сначала организовала «Совещательное собрание моджахедов» (2006 г.), к которому затем присоединились группировки «Джайш ат-Таифа аль-Мансура» («Армия победоносной общины»), «Джайш Ахлу-с-Сунна ва-ль-Джамаа» («Армия приверженцев Сунны и общины»), «Джайш аль-Фатихин» («Армия завоевателей») и «Джунд ас-Сахаба» («Войско сподвижников»), после чего 15 октября 2006 г. было заявлено о создании ИГИЛ. Однако в начале февраля 2014 г. главное командование «Аль-Каиды» сообщило, что отказывает в поддержке «Исламскому государству Ирака и Леванта». «ИГИЛ не является отделением движения Аль-Каида. Мы не поддерживаем с ним никаких связей и не можем нести ответственность за ее действия», — говорилось в опубликованном заявлении⁸⁵.

Группировка обрела широкую известность летом 2014 г., когда боевики начали полномасштабное наступление на северные и западные районы Ирака, а также северной Сирии (Курдистан). Радикалам в течение месяца удалось взять под свой контроль несколько городов: в том числе Мосул (второй по величине город в Ираке), Тикрит и др. В конце июня террористы объявили о создании собственного квазигосударства («халифата»), простирающегося от города Алеппо на севере Сирии до провинции Дияла, что на востоке Ирака. Халифом был провозглашен шейх Абу Бакр аль-Багдади.

Организация вытеснила «Аль-Каиду» с позиции № 1 в своеобразном табеле о рангах международных террористических организаций. Это произошло вследствие того, что ИГИЛ учла «идеологические ошибки» «Аль-Каиды»: она не навязывает населению неизвестную ему религию салафитов и аравийские учения ваххабитов, а поддерживает традиционный суннитский ислам, что обеспечивает ей гораздо большую популярность среди мусульман всего мира, чем она была у «Аль-Каиды».

На стороне организации действуют добровольцы из 80 стран мира, в том числе Франции, США, Канады, Марокко, Германии, России и стран СНГ и многих других. По данным спецслужб, общее число иностранцев составляет не менее 16 тысяч. Кроме того, по данным людей, воевавших на стороне ИГИЛ и вернувшихся домой, в каждой стране, откуда родом боевики, созданы подпольные группы организации, целью которых является организация терактов с целью дестабилизации обстановки в этих странах, если последует приказ командования ИГИЛ.

Главной задачей организации является ликвидация границ, установленных в результате раздела Османского халифата, и создание ортодоксального суннитского исламского государства, как минимум на территории Ирака Сирии, Ливана, Израиля, Палестины, Иордании, Турции, Кипра, Египта, а как максимум — во всем исламском мире.

Крайне важное отличие ИГИЛ от террористических предшественников, которое дает ей значительные преимущества перед ними, — ее высочайшая активность. Причем она предлагает людям любой национальности и вероисповедания выход накопленной ими

жизненной энергии в форме разрушения. Как отмечают многие эксперты и аналитики, главным в деятельности организации является не борьба с правительствами, а борьба с образом жизни народов, с тем, что принято называть потребительским или светским обществом. Их враг — само общество, в котором существует высокая степень личной свободы, воспринимаемой как развращенность⁸⁶.

Другими отличительными особенностями ИГИЛ, по сравнению с другими террористическими организациями являются:

- организация представляет собой конгломерат многочисленных группировок, действующих по единому стратегическому плану, но достаточно автономно, что обеспечивает ее живучесть и мобильность;
- ИГИЛ представляет собой не только боевую, но и мощнейшую финансовую корпорацию, доходы которой на несколько порядков превышают доходы любой другой террористической организации мира;
- боевые действия, проводимые организацией, отличаются масштабами и эффективным военным планированием, проводимым профессиональными военными из числа бывших военнослужащих, потерявших, в силу различных причин, свои посты в национальных армиях различных государств или добровольно вступивших в ряды ИГИЛ по идеологическим и финансовым соображениям;
- организация за короткий период создала мощную медиаструктуру, включающую интернет-ресурсы, телевидение и прессу, деятельность которых направлена на формирование ее положительного образа и оправдание ее действий.

Оценивая деятельность террористических организаций в Центральной Азии в настоящее время, следует отметить следующее.

1. Сегодня наиболее крупные террористические организации в ЦАР имеют схожие стратегические цели, а также разработанную многовариантную тактику их достижения. При этом автономность их вооруженной составляющей, прочность сетей и устойчивость ячеек, а также техническая оснащенность постоянно возрастают, одновременно расширяется география действий и круга лиц, принимающих решения.

2. Среди населения Центральной Азии все большую привлекательность находит если не поддержка, то, по крайней мере, оправдание терроризма как метода борьбы за достойную жизнь. Это вызвано разочарованием в существующем положении дел и отсутствием осязаемых перемен к лучшему, а также безуспешным поиском справедливости.

3. Терроризм в Центральной Азии, как и весь современный международный терроризм — это во многом образ жизни значительных слоев населения целого ряда стран.

Если говорить о тенденциях, которые просматриваются в динамике террористической деятельности в регионе Центральной Азии, то следует ожидать:

- увеличения активности сепаратистских и экстремистских групп и распространения их деятельности на новые территории;
- дальнейшей политизации ислама и усиления влияния его радикальных ветвей на население, вследствие чего их идеология еще больше потеснит традиционное учение;
- стремления к консолидации экстремистских движений при сохранении автономности управления в них;
- появления новых форм экстремистских и террористических вылазок;
- продолжения интеграции экстремизма и терроризма с криминальными структурами, укрепление их взаимосвязей и взаимодополняемости на фоне роста оборота наркотиков и увеличения объема контрабанды оружия;
- вовлечения все большего числа женщин в экстремистскую и террористическую деятельность.

Наиболее террористически активными районами в Центральной Азии являются Ферганская долина, Горно-Бадахшанская автономная область (далее — ГБАО) и Раштская долина в Таджикистане, а также Западный Казахстан. Это обусловлено рядом причин.

В Ферганской долине все проблемы Центрально-Азиатского региона (проблема границ, бедность, дефицит плодородных земель и водных ресурсов, безработица, межэтнические противоречия и т. п.) представлены в концентрированном виде и сплетены в сложный

клубок противоречий. Эти проблемы являются постоянным источником конфликтов, которые в будущем могут перерасти в региональную войну.

Горно-Бадахшанская автономная область граничит с Бадахшанской провинцией Афганистана. Здесь постоянно происходят столкновения подразделений таджикской армии с вооруженными формированиями полевых командиров Афганистана. Протяженная и плохо защищенная граница ГБАО с Афганистаном проходит через труднодоступную и труднопроходимую местность. Это позволяет контрабандистам, политическим и религиозным экстремистам и террористам перемещаться в Афганистан и обратно.

Раштская долина в центральном Таджикистане также является областью нестабильности и политических, религиозных и клановых войн. В конце 1990-х годов в одном из городов долины даже было создано и некоторое время просуществовало исламское государство.

Западный Казахстан — это область, где по данным Казахстанского новостного агентства «Тенгри», возраст 90 % жителей составляет от 13 до 30 лет, и 70 % этих молодых людей находятся под влиянием салафизма⁸⁷.

6.2. Особенности проявлений терроризма в государствах Центральной Азии

Рассмотрим особенности проявлений терроризма в конкретных государствах Центральной Азии.

Казахстан. Особенности и возможности террористической деятельности в Казахстане сегодня определяются несколькими факторами.

Во-первых. Хотя Казахстан находится в сфере деятельности международных террористических организаций, однако рассматривается ими в основном не как зона для активных террористических актов, а как своего рода база, на которой осуществляется конспиративная работа по подготовке подрывных действий в соседних государствах, в первую очередь в Узбекистане. Казахстанские спец-

службы регулярно задерживали «чужих террористов», которых затем передавали своим коллегам из других стран.

Во-вторых. В настоящее время в самом Казахстане отмечается некоторый рост террористической опасности. Это связано с усилением попыток вовлечения казахов в деятельность международных террористических организаций. Причем вербовочная работа ведется преимущественно среди социально неустроенных и малообеспеченных молодых людей. Она строится на религиозной базе, основой которой является пропаганда радикальных течений ислама.

В качестве примера можно привести факт ликвидации казахскими спецслужбами террористической группы «Жамаат моджахедов Центральной Азии», на счету которой целая серия террористических актов, организованных в Узбекистане. В данную группу входили и граждане Казахстана. Имеется информация, что граждане Казахстана участвуют в деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Афганистана и ряда других стран. Так, одним из заключенных тюрьмы Гуантанамо (Куба) является гражданин Казахстана.

Кроме того, в июле 2009 г. во время спецоперации, проведенной в Дагестане, было убито 8 боевиков, у 5 из которых, по данным правоохранительных органов, обнаружены казахстанские паспорта. 19 июля 2009 г. кыргызские спецслужбы задержали 18 человек по подозрению в причастности к террористической деятельности в Бишкеке и на юге страны, среди которых — граждане Кыргызстана, Узбекистана и Казахстана. 19 сентября 2010 г. во время спецоперации в Раштской долине Таджикистана у одного из убитых боевиков таджикские силовые органы обнаружили паспорт гражданина Казахстана.

В 2011 г. на территории России задержаны и убиты 6 граждан Казахстана, причастных к терроризму. 19 января 2011 года МИД Казахстана подтвердил задержание еще одного гражданина Казахстана по подозрению в организации терактов в Бишкеке. В феврале 2011 г. в Махачкале были задержаны двое подозреваемых в участии в незаконных вооруженных формированиях, которые являются гражданами Казахстана⁸⁸.

В-третьих. Казахскими спецслужбами оценивается как возможная и даже растущая угроза терактов против дипломатических и коммерческих учреждений зарубежных стран на территории страны, прежде всего представляющих США, Великобританию и Израиль, как это имело место, например, в Узбекистане. Более того, последние события в Актобе, Астане и Шубарши 2011 г. являются не только тревожным сигналом, но свидетельствуют и о тенденции усиления угрозы в Казахстане.

В-четвертых. По мнению некоторых экспертов, ситуация в Казахстане «раскачивается» для дестабилизации его границы с Китаем. Создание террористических групп и распространение идеологии джихада в нефтеносных районах Каспия и северо-запада Казахстана являются долгосрочным планом по локальной дестабилизации обстановки и могут в будущем угрожать интересам КНР в регионе. Создание очагов напряженности на границах Китая составляет предмет «особой озабоченности» для целого ряда западных стран, в числе которых США занимают ключевое место. Кроме того, развитие джихадистского подполья в Казахстане может оказать влияние и на казахстанско-российские отношения, учитывая связь террористов из Казахстана и джихадистов на Северном Кавказе, что также вписывается в стратегию Вашингтона.

Сейчас в Казахстане наибольшую активность проявляют такие организации, как «Хизб ут-Тахрир» и «Джунд аль-Халифат». Пока деятельность активистов этих организаций в основном сосредоточена в южных регионах Казахстана, где удельный вес коренного населения республики особенно высок, а с ним высок и уровень распространения ислама. Однако становится заметным их стремление распространять свои идеи и в других областях Казахстана.

По данным Комитета национальной безопасности Республики Казахстан (КНБ РК), если прежде в ряды «Хизб ут-Тахрира» шли в основном лица с низким достатком, то в последнее время эмиссары этой организации стремятся вовлечь в ее ряды государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, состоятельных бизнесменов, представителей интеллигенции и студентов. Отмечается также их желание наладить тесные контакты с представителями

СМИ. Это говорит о том, что «Хизб ут-Тахрир», согласно выбранной стратегии развития, которая приведена выше, стремится внедрить своих людей практически во все сферы общества, в том числе во властные структуры⁸⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что проблема религиозного экстремизма и, как следствие, терроризма в Казахстане стоит не столь остро, как в других республиках Центральной Азии, однако эта проблема существует, причем возникла она не сегодня. Радикальный исламизм проник в Казахстан еще в начале 1990-х годов, однако долгое время не встречал серьезного противодействия. Можно сказать, что всерьез власти взялись за зачистку салафитского подполья в 2011—2012 гг. после серии терактов и вооруженных нападений на сотрудников сил правопорядка.

С тех пор на угрозу терроризма обращено внимание на самом высоком уровне, и органы национальной безопасности Казахстана активно работают на этом направлении. Однако полностью зачистить салафитские структуры не удастся, а с проникновением в Казахстан миссионеров и вербовщиков ИГИЛ ситуация снова стала осложняться.

Кыргызстан. Основной террористической организацией, действующей в Кыргызстане, является «Хизб ут-Тахрир». По данным спецслужб, основными направлениями деятельности партии, как и в Казахстане, являются распространение религиозной литературы с призывами изменения существующего строя, а также пропаганда своих идей среди населения. Здесь отмечается особое внимание агитаторов к госслужащим, военнослужащим и сотрудникам правоохранительных органов. Зафиксированы также попытки организации массовых митингов, имеющих антиконституционную направленность. В ряде случаев использовались антиамериканские лозунги.

Согласно оценкам киргизских экспертов, членами «Хизб ут-Тахрир» являются около 5 тыс. граждан Кыргызстана⁹⁰, в связи с чем эта страна вышла на второе место в Центральной Азии по числу сторонников данной организации после Узбекистана. По данным МВД, на учете в милиции состоят более 1 тыс. активистов и сторонников «Хизб ут-Тахрир», около 95 % которых действуют на юге

Кыргызстана. Особенно сильны их позиции в Джалал-Абадской и Ошской областях, где большую часть населения составляют мусульмане, приверженцы радикальных течений ислама. В то же время отмечены случаи организации подпольных ячеек этой организации и в других областях республики, традиционно считающихся менее религиозными⁹¹.

Следует отметить ряд особенностей деятельности «Хизб ут-Тахрир» на территории Кыргызстана в современных условиях.

Во-первых. Ее деятельность ведется в условиях системного кризиса и трансформации экономической и общественно-политической жизни республики.

Во-вторых. Интегративность и трансграничность деятельности «Хизб ут-Тахрир», особенно в Ферганской долине, позволяет использовать членов организации как внутренними, так и внешними силами в своих интересах.

В-третьих. Следует отметить гибкость тактики в деятельности организации и динамичную рефлексию на общегосударственные события.

В-четвертых. Значительное место в деятельности «Хизб ут-Тахрир» занимает конспиративная деятельность.

В-пятых. В последнее время активизировалась ее деятельность по вербовке в среде гастарбайтеров в ближнем зарубежье в местах их общинного проживания⁹².

Анализ показывает, что деятельность «Хизб ут-Тахрир» в наибольшей степени поддерживают этнические узбеки, компактно проживающие в южных регионах страны. Это объясняется, в частности тем, что агитация этой организации содержит не только религиозный, но и националистический аспекты.

Кроме «Хизб ут-Тахрира», на территории республики по данным Службы национальной безопасности Кыргызстана действуют сторонники «Исламского движения Узбекистана», «Исламского движения Восточного Туркестана», а на юге страны все большую активность стали проявлять проповедники радикальных течений ислама из Саудовской Аравии, Ирана и других государств. Они агитируют, в основном, за создание в Центральной Азии объединенного ис-

ламского государства. Их деятельность хорошо финансируется. Так, они ведут проповеди в мечетях, которых только на юге страны 2 тыс., причем их большая часть была построена в последние годы исключительно на средства зарубежных спонсоров.

И все же наиболее опасными для государства были события 1999, 2000, 2005 и 2010 гг. В 1999 и 2000 гг. впервые были осуществлены попытки вооруженного прорыва подразделений ИДУ в Баткенский и Чон-Алайский районы с целью создания на юге Кыргызстана плацдарма для осуществления террористических и диверсионных актов в Узбекистане. Для этого изучалась местность, отрабатывались маршруты, приобретались и изготавливались необходимые документы, местных жителей убеждали в том, что участники прорыва являются защитниками ислама и непримиримыми противниками только действующей власти в Узбекистане. И нужно сказать, что их попытки привлечь население на свою сторону находили отклик у определенной его части.

Однако следует признать, что указанные вторжения исламистов не преследовали цели втянуть Кыргызстан в войну с Узбекистаном, как это порой стремятся представить. Они действительно ставили перед собой задачу дестабилизировать обстановку, прежде всего в Узбекистане. Для этого планировалось осуществить ряд террористических актов и диверсионных вылазок, чтобы усилить протестные выступления узбекской оппозиции и в их ходе спровоцировать беспорядки, что, как предполагалось, подтолкнет правительство к репрессиям. Раскрутив таким образом маховик насилия, они надеялись захватить власть в государстве.

Однако подобное развитие событий с большой долей вероятности не ограничилось бы пределами одной страны. Заметим, что в тот период в соседнем Афганистане властвовали талибы, открыто провозгласившие курс на «талибанизацию» всей Центральной Азии, и именно они стояли за спиной узбекских экстремистов. К счастью, тогда подобные планы им осуществить не удалось.

Если говорить о событиях весны 2005 г. и 2010 г. в Кыргызстане, завершившихся отставкой президентов А. Акаева, и К. Бакиева, то многие эксперты рассматривают их, прежде всего, как кризис управ-

ления страной методом «большой семьи», т. е. безнаказанности «своих» и жесткое подавление «чужих».

Но при этом не следует умалять и роль населения юга страны, выступившего, по сути, детонатором этих событий. Именно там наиболее значителен процент уйгуров и узбеков, отличающихся сильными фундаменталистскими и панисламистскими настроениями, а также концентрируются различного рода сепаратисты. Поэтому данная часть страны очень чувствительна к провокациям и способна стать неуправляемой зоной, что в свою очередь может взорвать обстановку во всей Ферганской долине.

В 2010 г. на юге Кыргызстана, в Ферганской долине, в Ошской и Джалал-Абадской областях между этническими киргизами и узбеками участились столкновения. В результате кыргызские власти провели операции по зачистке региона для обеспечения безопасности в преимущественно узбекских районах под предлогом очистки региона от подозреваемых исламистов. В действительности, такие жесткие меры были направлены, скорее всего, против этнических узбеков.

Многие кыргызы давно с подозрением относились к этническим узбекам Кыргызстана, которые составляют большинство населения Ошской и Джалал-Абадской областей. Таким образом, зачистки, направленные на данные регионы и вылившиеся в вооруженное сопротивление, не совсем вписываются в заявления о религиозном экстремизме. Напротив, боевая активность, вероятнее всего, связана с внутренней этнической и политической напряженностью в отношениях между кыргызами и узбеками. Действительно, такая враждебность периодически проявляет себя после развала СССР. Более того, бытовые стычки в Кыргызстане с перерастанием в этнические чистки являются ярким примером того, что в любом обществе существует конфликтный потенциал, который может быть использован для организации массовых беспорядков.

После двух «революций» в Кыргызстане, казалось бы, должно было появиться более компетентное и эффективное управление государством. Однако парламентаризм, призванный минимизировать диктатуру «семейственности» во власти, создал условия, когда коррупционные схемы трансформировались в более сложные механиз-

мы, и появились условия для более широких коррупционных проектов.

Умеренное духовенство не готово к политической и социальной ответственности, нет единства, нет харизматичных лидеров. По мнению экспертов, число приверженцев ислама с каждым годом растет в геометрической прогрессии. Однако официальный муфтият никак не выступает в авангарде процессов в религиозной среде. Духовенство республики не смогло завоевать должного доверия в среде верующих. Клановость, низкий уровень образования, как религиозного, так светского, повторяющиеся коррупционные скандалы, связанные с организацией хаджа, все это сводит авторитет людей, которые стоят во главе религиозного сообщества, к минимуму⁹³.

Чего не скажешь о радикальных течениях. Угрозой безопасности Кыргызстана является такфиризм. Данное течение широко распространяется в Центральной Азии, но особенно в Кыргызстане. Такфиризм — радикальная исламистская идеология египетского происхождения. Основой такфиризма является обвинение в неверии целых мусульманских общин. Именно это является главным отличием такфиризма от других исламистских течений. По определению некоторых экспертов, слово «такфирист» обычно относится к тем из мусульман-суннитов, «которые видят мир черно-белым: есть истинно верующие и есть неверующие, без каких-либо промежуточных оттенков», а их целью является возрождение Халифата в соответствии с буквальным толкованием Корана⁹⁴.

В последние годы в Кыргызстане наблюдается тенденция вовлечения женщин в экстремистские группировки. Эксперты называют в качестве причин безработицу и разрушение привычных жизненных ориентиров. В Центральной Азии учащаются случаи, когда женщины бросают свои семьи и уезжают в места боевых действий в Сирии. В Кыргызстане эта тенденция нарастает в Ошской, Иссык-Кульской, Чуйской областях. Так, если в 2005 г., по данным спецслужб, количество женщин в террористических организациях не превышало 1 %, то сейчас оно составляет 23 %⁹⁵. При этом все чаще выявляются факты выезда в Ирак и Сирию молодых завербованных ИГИЛ женщин.

Таким образом, достаточно высокий уровень недоверия к политикам и олигархам, борющимся за власть, коррупция, нехватка компетентных кадров, слабая разъяснительная работа со стороны официального духовенства создают серьезные внутренние угрозы для всего государства.

Таджикистан. В результате гражданской войны, которая продолжалась с 1992 по 1997 гг., унеся жизни 50 тыс. человек и причинив экономический ущерб в 7 млрд долл.⁹⁶, центральная власть оказалась настолько ослабленной, что была не в состоянии эффективно контролировать ни границы, ни территорию собственного государства. Это позволяло различным радикальным организациям почти беспрепятственно создавать в стране и прилегающих районах свои базы и лагеря. Вследствие всего этого напряженность, как в самом Таджикистане, так и в соседних республиках нарастала.

В 1997 г. удалось добиться прекращения огня, а затем подписания Объединенной таджикской оппозицией «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия», на основе которого представители оппозиции вошли в состав правительства. После этого президент страны Э. Рахмон приступил к стабилизации обстановки и укреплению своей власти, в чем достиг определенных успехов. Безусловно, этому способствовал и последовавший вскоре разгром талибов в соседнем Афганистане.

Однако, по мнению многих таджикских политологов, существуют две основные причины зарождения экстремизма и терроризма в Таджикистане: это давление власти и социальные проблемы. Как утверждает известный информационный портал «Авеста», решение проблемы роста экстремистских настроений в Таджикистане зависит от уменьшения давления на общество со стороны властных органов, которым также необходимо уделить больше внимания развитию социально-экономической жизни страны.

По словам заместителя директора Центра стратегических исследований при президенте Таджикистана С. Сафарова, пресечение распространения экстремизма и проявлений различного толка идей в обществе Таджикистана зависит от решения социальных проблем. Кроме того, по его мнению, активизация экстремизма и терроризма

в Таджикистане «носит не только социальный характер». «Нельзя исключать присутствие внешнего фактора. Ведь у нас реализуются крупные транспортно-коммуникационные и энергетические проекты, которые невыгодны некоторым странам с политической точки зрения. Им не нужна стабильность в нашей республике»⁹⁷.

В 2013 г. была проведена крупная операция по уничтожению боевиков в Раштской долине. Были ликвидированы некоторые незаконные бандформирования и их лидеры. Кроме того, властями предпринимаются меры по возвращению студентов из зарубежных теологических вузов, идет перерегистрация мечетей и вводится запрет на их посещение лицами, не достигшими 18-летнего возраста. Эти меры призваны оградить граждан страны от пагубного влияния радикальных исламистов.

В октябре 2015 г. генеральная прокуратура Таджикистана заявила об аресте 23 активистов и членов высшего руководства Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). В отношении них заведены уголовные дела по статьям о терроризме, возбуждении расовой и религиозной ненависти, местничестве, попытке силового захвата власти, призывах к свержению конституционного строя и вооруженному восстанию во главе с бывшим замминистра обороны республики А. Назарзодой.

В сентябре 2015 г. в Таджикистане произошел ряд нападений на сотрудников органов внутренних дел в городах Вахдат и Душанбе. Погибли девять силовиков. По данным МВД, нападениями руководил замминистра обороны страны А. Назарзода. В результате проведенной МВД спецоперации было ликвидировано 25 и задержано 139 террористов и их пособников.

29 сентября Верховный суд Таджикистана признал Партию исламского возрождения Таджикистана террористической и запретил ее деятельность на территории республики⁹⁸.

Кроме того, по оценке некоторых аналитиков, современный Таджикистан очень похож на российский Дагестан. В стране наблюдается стремительная урбанизация — молодежь стекается в города, люмпенизируется, разрушает семейные связи, национальные традиции. Внутри духовенства — постоянное соперничество, муфтият не

пользуется большим авторитетом. В стране — чудовищная коррупция. Правоохранительные органы предпочитают силовые, репрессивные методы в борьбе с экстремизмом, да и просто творят «беспредел». Такое положение — питательная среда для распространения ультрарадикальной идеологии.

Следовательно, говорить о достижении силовыми органами Республики Таджикистан необходимого уровня безопасности в государстве еще рано, т. к. его границы с Афганистаном все еще остаются недостаточно укрепленными, а, как показали последние события, некоторая часть таджикской оппозиции по-прежнему продолжает вынашивать намерения по захвату власти, в том числе и с использованием актов терроризма.

Туркменистан. Республика с точки зрения стабильности по-прежнему является самым спокойным государством региона. Это лишнее подтверждение тезиса о том, что в авторитарных государствах терроризма не бывает. Президент Г. Бердымухаммедов сделал Туркменистан более открытым для внешнего мира, реабилитировал некоторых осужденных прежним режимом, отменил ряд непопулярных решений предыдущего президента, однако оставил в силе действующее положение, объявляющее всех, кто сеет «сомнение в правильности политики президента», изменниками родины.

Таким образом, изменения, произошедшие в Туркменистане после смены властной элиты, не затрагивают сути политической системы республики и в ближайшей перспективе вряд ли приведут к обострению обстановки в государстве. Однако повсеместное нарушение прав человека, коррумпированность руководства и сложная этническая палитра страны могут в дальнейшем создать предпосылки для негативного развития событий.

Узбекистан. В Узбекистане, по тем же причинам, что и в Туркменистане в настоящее время отмечается спад террористической активности. Это говорит о том, что политическая ситуация внутри государства относительно стабильна, и положение правительства вполне безопасно. Политика, проводимая властями страны по борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, остается традиционно жесткой, с элементами нарушения прав человека. Власти стра-

ны считают, что с точки зрения ограждения общества от этих угроз, такие меры являются оправданными, т. к. бороться с таким злом необходимо с применением любых методов.

Необходимо отметить, что основные причины террористической и экстремистской деятельности кроются в политических, социально-экономических и межэтнических проблемах, особенно проявляющихся в современных условиях в густонаселенных районах Ферганской долины. В силу географических, природно-климатических и исторических особенностей Ферганская и Каратегинская долины, куда частично входят территории Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана являются удобными районами для укрытия и скрытой деятельности террористических формирований и распространения среди местного населения экстремистской идеологии.

В последнее время выявлены признаки появления последователь ИГИЛ в Узбекистане. Известно, что одним из методов вербовки в ряды организации является распространение листовок с пропагандой ИГИЛ и вывешивание флагов этой группировки. В августе 2014 г. в Юнусабадском районе Ташкента и в мае 2015 г. в городах Ангрене и Бухара были вывешены флаги организации. В ночь на 26 апреля 2015 г. на стенах школы и колледжа в горном кишлаке Хисарак Паркентского района Ташкентской области обнаружены листовки с символикой ИГИЛ в виде черного флага и угрозами в адрес действующей власти⁹⁹.

Более того, по данным средств массовой информации террористическая организация «Исламское движение Узбекистана», основная деятельность которой направлена на Узбекистан, объявила о самоликвидации и вхождении в состав ИГИЛ. В интернете боевики разместили соответствующий видеоролик, в котором глава ИДУ У. Газий присягнул на верность лидеру ИГИЛ Абу Бакру Аль-Багдади¹⁰⁰. Это означает, что ИДУ сможет пользоваться финансовыми и другими ресурсами ИГИЛ, что значительно повышает ее возможности.

Подводя итоги вышеизложенного, нельзя не остановиться на некоторых общих для Центральной Азии закономерностях. Прежде всего, следует отметить особенности нынешней структуры власти и

системы управления, существующих в центрально-азиатских государствах. Не секрет, что практически во всех государствах региона правящая элита, как в центре, так и на местах формируется на клановой основе. В Казахстане сейчас у власти представители севера страны, а элита других районов вынуждена объединиться в «демократическую оппозицию». В Узбекистане правят выходцы из Ташкента и Самарканда, оттеснившие от власти так называемых «ферганцев». В Кыргызстане продолжается борьба между выходцами из северных и южных районов страны, в которой активно участвует значительная узбекская диаспора. В Таджикистане правящей элите противостоит объединенная исламская оппозиция.

В то же время в этих государствах решающее влияние на возможность войти в ту или иную элиту оказывает принадлежность к определенным родовым кланам. Внутри них царит сложная иерархия отношений, жесткая дисциплина, а связи с другими кланами строго регламентированы. В таких условиях существующие экстремистские течения используются ущемленными в правах социальными, этническими и конфессиональными группами населения для выражения недовольства и нетерпения.

Правящие элиты в свою очередь используют угрозу экстремизма и терроризма для ужесточения прессинга и упрочения собственного положения. Все это препятствует стабилизации обстановки и несет угрозу ее негативного развития. Подобная дестабилизация политической системы даже в отдельной стране неизбежно повысит напряженность во всем регионе, связанную с необходимостью ужесточения пограничных режимов, замедлением реализации совместных экономических проектов, ухудшением режима товарообмена и т. п.

На национальном уровне все это ведет к ограничению политических свобод, ущемлению прав человека и утрате им личной безопасности, прекращению диалога между обществом и государством. Все это ведет к росту коррупции и криминализации общества, включающим расширение наркобизнеса, торговли оружием и людьми, а также таких опасных явлений, как экстремизм и терроризм, что чревато потерей управления страной.

Обзор независимых центрально-азиатских СМИ дает главную характеристику жизни в регионе — социальная несправедливость, бедность, отсутствие государственной идеологии и случайный, спорадический характер любого рода реформ в государствах Центральной Азии. Самое главное — предоставленность граждан самим себе. Целые слои граждан, лишенные заботы государства, просто не могут найти работу, практически выброшены из социального оборота. Это сильно подрывает веру молодого поколения в государственную справедливость. Особенно, когда они видят, что их сверстники, не прилагая усилий, достигают всего путем родственных связей.

Особым вопросом является инициирование так называемых «цветных революций», которые иногда называют аналогами «бархатных» революций в Восточной Европе в конце XX в. Однако при всей схожести некоторых черт обеих типов революций, между ними есть и существенные отличия. «Цветная» революция в отличие от «бархатной» зачастую иницируется и всегда поддерживается извне, но прикрывается демократической риторикой, вуалирующей неконституционный и во многом насильственный захват власти оппозиционными силами, как правило, вдохновляемыми и спонсируемыми из-за рубежа.

То, что «цветные революции» — порождение Запада, не отрицают даже западные политологи. Так, американский политолог С. Хантингтон отметил, что «зарубежные правительства или общественные организации могут оказывать влияние и даже решительное воздействие на процесс демократизации отдельных стран», при этом «прямую и ключевую роль здесь играют США»¹⁰¹. Это вытекает из нынешней глобальной стратегии Соединенных Штатов, при которой понятия «государственных интересов США», «глобальной ответственности США» и «мир под управлением США» по своей сути означают претензию на гегемонию Соединенных Штатов как единственной сверхдержавы на планете, сопровождающуюся воздействием всеми доступными им мерами на другие государства для достижения собственных целей.

Однако, как показала практика, продвижение таких «цветных революций» в Центральной Азии встретило затруднения и даже про-

вал. «Революция тюльпанов» в Кыргызстане и Андижанские события в Узбекистане обернулись массовыми беспорядками и всплеском насилия. Широко декларируемое Западом «Движение за демократию» в обоих этих случаях слилось с действиями «трех сил зла», из-за чего ситуация там вышла из-под контроля ее инициаторов, вызвав самый крупный всплеск нестабильности за весь период независимости этих государств.

В итоге «цветные революции» 2005 и 2010 гг. в Кыргызстане не привели к демократическому обновлению власти и решению политических проблем, а вылились только в сведение счетов между властью и оппозицией, для которой принципиально важной была смена президента, а не реформа политической системы. Поэтому существенных изменений в стране после этих «революций» не произошло, а большинство населения, как показывают опросы, считает произошедшие события обычным государственным переворотом.

В отличие от происшедшего в Кыргызстане события в Андижане, по мнению многих аналитиков, представляли собой прямой вооруженный мятеж, хорошо и заранее подготовленный, в том числе и внешними силами. Захват воинской части, нападение на тюрьму, поджог ряда общественных и административных зданий иначе как вооруженный мятеж квалифицировать нельзя. Его подавление являлось прямой обязанностью государства, и адекватная жесткая реакция власти, включая разгон демонстрации протеста, представляется вполне оправданной.

В отличие от Бишкека Ташкент продемонстрировал силу и готовность всеми средствами защитить конституцию страны. Таким образом, Узбекистан предотвратил на своей территории возникновение более кровавых событий и возможный распад государства, что происходит в настоящее время на Украине.

Оценивая в целом итоги «цветных революций» в ЦАР, можно сделать следующие выводы:

- «цветные революции» в Центральной Азии в современных условиях являют собой попытки насильственного захвата власти и смену политических элит, а потому без преодоления экономического упадка и проведения политических реформ, направленных на

стабилизацию социально-политической обстановки, угроза новых «цветных революций» будет сохраняться;

- население центрально-азиатских государств остается мало чувствительным к либеральной риторике, а потому «цветные революции» здесь не гарантируют приход к власти прозападных сил и, наоборот, содержат опасность более глубокой исламизации этих государств вследствие активного участия в этом процессе религиозных экстремистских и террористических организаций.

Завершая рассмотрение деятельности террористических организаций в регионе и условий, способствующих ее продолжению, можно отметить следующее.

1. Деятельности террористических организаций в Центральной Азии присущ трансграничный характер. Этой деятельностью охвачены территории практически всех центрально-азиатских государств, и она координируется международными террористическими центрами. Целями этой деятельности являются:

- дестабилизация общей ситуации путем совершения террористических и иных подрывных акций, а также физического устранения представителей высшего руководства государств региона;
- использование территории центрально-азиатских государств в качестве своего рода базы для подготовки резерва активных борцов и осуществления подрывных действий в сопредельных странах;
- проведение идеолого-пропагандистской работы среди местного населения, в том числе в целях вербовки в свои ряды потенциальных исполнителей терактов.

2. Статистика подтверждает, что в сравнении с другими регионами мира активность террористов в Центральной Азии относительно невысока. Однако следует учитывать, что проявления терроризма и экстремизма здесь отмечаются практически с момента провозглашения независимости государств и продолжают по настоящее время. В этот период менялись лишь методы ведения борьбы: от развязывания гражданской войны в Таджикистане, через вооруженные прорывы боевиков в Кыргызстан и мятеж в Андижане до широкой, фактически полуполюгальной агитации за создание Всемирного исламского халифата. При этом спектр экстремистских и террористических

организаций продолжает пополняться новыми, более одиозными организациями и группами боевиков.

3. Несмотря на меры, принимаемые в этой сфере властями тех или иных государств региона, их нельзя назвать достаточно эффективными. Остается фактом, что число предпосылок, способствующих возникновению и облегчающих существование сепаратистских, экстремистских и террористических организаций в Центральной Азии, не уменьшается, а возрастает, чем создаются условия для сохранения связанных с их деятельностью проблем.

Развертыванию более эффективной борьбы с террором и экстремизмом в Центральной Азии препятствуют следующие факторы:

- отсутствие внутри политических элит и в обществе в целом консенсуса по вопросу о коренных причинах терроризма и методах борьбы с ним;
- наличие в правительствах, правоохранительных органах и армии «внутрисистемной» оппозиции развертыванию широкой анти-террористической кампании;
- слабый пограничный контроль за перемещением людей и грузов на границах центрально-азиатских государств;
- неэффективная система противодействия финансированию терроризма, которое осуществляется главным образом через мусульманские благотворительные фонды курьерами, перевозящими наличность;
- слабый контроль за учебно-воспитательными процессами в образовательных учреждениях религиозного толка, многие из которых считаются рассадниками радикальных идей;
- широкое распространение и популярность в массах, особенно сельской среде, радикальных исламских лозунгов, антиамериканских и антихристианских настроений.

Глава 7

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ТЕРРОРИЗМА В ЮЖНОЙ АЗИИ

7.1. Обстановка в Афганистане — основной источник распространения терроризма в Центральной и Южной Азии

Главным потенциальным источником распространения терроризма в государствах Южной и Центральной Азии в настоящее время является Афганистан. Это обусловлено тем, что за время своего пребывания в Афганистане США и их союзники не смогли создать ни армии, ни эффективных сил безопасности, способных противостоять исламским экстремистам, ни создать экономическую основу политической стабильности в стране.

В соответствии с докладом Пентагона «во второй половине 2015 года общая ситуация в области безопасности в Афганистане ухудшилась. Правительству Афганистана с большим трудом удастся отражать широкомасштабные наступательные действия движения «Талибан» и сдерживать экстремистов, связанных с группировкой «Исламское государство»¹⁰².

Вашингтон был вынужден пересмотреть свои планы относительно вывода войск, и в октябре 2015 г. Обама объявил о решении замедлить вывод войск из Афганистана, чтобы сохранить там в течение всего 2016 г. контингент численностью 9,8 тыс. человек. К концу следующего года этот показатель сократится до 5,5 тыс. военно-

служащих, которые будут находиться в Кабуле, а также на трех базах на территории страны.

«Этот вынужденный шаг является еще одним красноречивым свидетельством полного провала 14-летней военной кампании Вашингтона и его союзников в Афганистане, — констатировали в МИД Российской Федерации. — За столь длительный срок, как мы неоднократно отмечали ранее, США не удалось искоренить терроризм и наркоугрозу, подготовить боеспособные национальные вооруженные силы, обеспечить безопасность и стабильность в Афганистане»¹⁰³.

В настоящее время основными процессами, определяющими внутривнутриполитическую обстановку в Афганистане, являются:

- продолжение внутреннего противостояния проправительственных политических сил и сил оппозиции по ключевым вопросам развития государства, финансово-экономическим проблемам и проблемам безопасности Афганистана;
- активизация подготовки движения «Талибан» к широкомасштабному наступлению на правительственные учреждения в основных городах, уездах и провинциях, на военные гарнизоны правительственных сил, военные базы и другие объекты вооруженных сил США на всей территории страны;
- расширение присутствия различных террористических и экстремистских группировок на территории страны, в том числе группировок, ориентирующихся на сотрудничество с ИГИЛ.

В настоящее время в Афганистане можно выделить три этнические группы, которые находятся друг с другом в конфликтных отношениях. Первая группа — это пуштуны. Именно пуштунов считают ответственными за создание и деятельность движения Талибан.

Вторая группа — таджики, которые когда-то были правящей группой в Афганистане. Затем, несмотря на победу «Северного альянса» в 2001 г., с приходом к власти пуштунского правительства Х. Карзая вместо прежней таджикской администрации Б. Раббани они потеряли власть. Естественно, это порождает у них опасение перед пуштунами, а также вызывает естественное желание отделиться или наоборот взять реванш в афганском руководстве.

Третья группа — это этнические узбеки, которые всегда чувствовали себя ущемленными, как со стороны пуштунов, так и таджиков.

Таким образом, сегодня внутреннеполитическая обстановка в Афганистане характеризуется как крайне напряженная, нестабильная, малоконтролируемая, и перспективы ее кардинального улучшения в ближайшее время не просматриваются. Не исключено, что дальнейшее развитие ситуации в стране может пойти по «иракскому» или ливийскому сценариям. В этом случае возможны два варианта развития ситуации — приход к власти движения «Талибан» с последующим созданием радикального исламского государства, или распад Афганистана с большим количеством междоусобных войн, как на территории современного Афганистана, так и прилегающих к нему территориях.

Более того, обстановка осложняется расширением масштабов присутствия и противостояния различных террористических и экстремистских группировок на территории страны и, прежде всего, «Исламского Государства Хоросан» — фактически филиала ИГИЛ на территориях Афганистана и Пакистана, которое пребывает в силовом противостоянии как с армией и силами безопасности страны, так и отрядами боевиков движения «Талибан».

Однако, кроме внутренних факторов, определяющих развитие ситуации в Афганистане, не меньшую значимость для нее имеет влияние внешних факторов, из них некоторые способны серьезно повлиять на дальнейший ход событий. О попытках США решить афганскую проблему и результатах их деятельности уже было сказано выше. Кроме того, необходимо также учитывать и то, что проамериканское правительство А. Гани будет следовать в первую очередь в русле американской политики в этом регионе. Афганистан, конечно, заинтересован сейчас в экономическом взаимодействии со странами ШОС. Но в то же время соглашения Афганистана о стратегическом партнерстве с США и Великобританией — это свершившийся факт и руководство Афганистана будет строить свою политику в соответствии с этими соглашениями.

Вторым по значимости международным актором, оказывающим существенное влияние на ситуацию в Афганистане, в настоящее

время является *Пакистан*. Интересы Пакистана в отношении Афганистана проявляются по двум направлениям.

С одной стороны, есть желание стабилизировать обстановку в Вазиристане (о чем будет сказано ниже). Пакистанское руководство опасается талибов, которые еще в 2004 г. фактически создали свое квазигосударство в Вазиристане. Этот вопрос так и остался нерешенным. Исламабад до сих пор не восстановил контроль над так называемой «зоной племен», граничащей с Афганистаном. Для решения этой проблемы пакистанской армии необходимо перенести военные действия на территорию соседнего Афганистана, что по сути означает полномасштабную войну между двумя государствами.

Кроме того, в Пакистане имеются также сторонники усиления контроля над всем Афганистаном, а возможно, если удастся, и пересмотра «линии Дюранда». Эта линия разделила территорию, где проживают пуштуны, примерно на две равные части. При этом ни одно афганское правительство не признает эту границу даже под давлением США. В Пакистане же есть достаточно серьезный сегмент элиты, который нацелен на присоединение «пуштунских земель» Афганистана или, по крайней мере, части этих земель к Пакистану.

Положительное влияние на развитие ситуации в Афганистане оказывает *Индия*, у которой с ним заключено соглашение о стратегическом партнерстве. Индия заинтересована в реализации своих коммуникационных и энергетических проектов в северном векторе своей внешней политики, но это возможно только при условии стабилизации Афганистана. Индия заинтересована также в строительстве газопровода ТАПИ (Туркменистан, Афганистан, Пакистан, Индия). Сближению двух государств способствует также борьба против религиозного экстремизма, терроризма и наркотрафика. Кроме того, Индия заинтересована в снижении влияния Пакистана на афганскую ситуацию.

Необходимо отметить также, что в афганском вопросе Индия скорее действует в интересах США, чем России и стран Центральной Азии. Так, в 2012 г. Индия сорвала планируемую встречу в формате «Душанбинская четверка» (Россия, Таджикистан, Афганистан и Пакистан), которая имела неплохие перспективы в плане стабили-

зации обстановки в Афганистане. Именно позиция Индии, которая всеми способами стремится помешать возвышению Пакистана, помешала реализации этого проекта¹⁰⁴.

Кроме того, Индия является одним из крупнейших региональных доноров Афганистана. Она направила в эту страну только гуманитарной помощи на 550 млн долл. Индия занимает сегодня шестое место в мире по объему инвестиций в экономику Афганистана (2,1 млрд долл.). В настоящее время в Афганистане находится более 4 тыс. граждан Индии, участвующих в различных проектах по восстановлению Афганистана (подготовка афганских полицейских, помощь в области образования, здравоохранения, энергетики и сфере телекоммуникаций). Открыты и успешно работают, помимо посольства в Кабуле, 4 индийских консульства в Герате, Мазари-Шерифе, Джелалабаде и Кандагаре. С 2011 г. Индия приступила к поставкам оружия Афганистану, что положило начало оборонному взаимодействию двух стран¹⁰⁵.

Иран в силу многих общих цивилизационных основ исторически тесно связан с Афганистаном и имеет большое влияние в этой стране. Иран тесно работает с национальными, религиозными, политическими и военными группировками Афганистана, что явно свидетельствует об его намерениях играть важную роль в стране в стратегической перспективе.

Интересы Ирана в Афганистане, прежде всего, связаны с укреплением влияния в западных провинциях страны, которые исторически относились к Персидской империи. В списке стран, инвестирующих в последние годы средства в экономику Афганистана, Иран прочно входит в первую пятерку. В настоящее время Иран является одним из ведущих торговых партнеров Афганистана, заметно потеснив соседний Пакистан.

Большую озабоченность у соседних с Афганистаном государств, кроме террористической угрозы, вызывает также афганская наркоэкспансия, которая грозит привести к политической нестабильности в некоторых государствах Центральной Азии. Так, за последние 14 лет посевные площади опиийного мака в Афганистане увеличились почти на треть. Как отмечают международные эксперты, сего-

дня маковые плантации в Афганистане занимают 224 тыс. га. В результате наркокартели стали в большем объеме получать сырье для производства героина.

Рост наркопроизводства в Афганистане способствует также развитию сети доставки опиатов до конечных потребителей. Через страны Центральной Азии проходит так называемый «северный маршрут» афганского наркотрафика. Он идет из Афганистана в страны ЦАР, а оттуда — в города России и Европу. Практически во всех центрально-азиатских государствах последние годы наблюдается резкий рост наркозависимых, что не добавляет оптимизма руководству этих стран.

Следует также учитывать, что опиий кормит не только афганских крестьян и наркоторговцев. Полученные от его продажи средства используются движением «Талибан» и экстремистскими организациями в государствах ЦАР для поддержания боеспособности своих вооруженных формирований.

7.2. Политика Пакистана и ее влияние на активизацию терроризма в регионе

Все последние десятилетия прошлого столетия Пакистан твердо следовал в русле политики, проводимой США, и был одним из самых верных их союзников. После оказания помощи в их борьбе против талибов в Афганистане Пакистан в 2004 г. получил статус «основного союзника США вне НАТО». Однако ситуация в настоящее время существенно меняется вследствие следующих причин.

1. Резко изменилось положение Афганистана в стратегических планах Соединенных Штатов. Именно Афганистан представляет собой в настоящее время основной стратегический центр для продвижения американской экспансии на центрально-азиатском, иранском и китайском направлениях. Поэтому значение Пакистана для США значительно уменьшилось.

2. Произошли существенные стратегические сдвиги в отношении США к Индии. Это обусловлено ее стремительным экономиче-

ским ростом, статусом ядерной державы и возможностью ее использования в качестве союзника в противостоянии США и Китая. Вашингтону стало более выгодно использовать в качестве союзника Нью-Дели, чем Исламабад. Еще К. Райс заявила в 2006 г., что «Индия может стать оплотом стабильности в быстроменяющейся Азии и стратегическим партнером США», отметив, что такое партнерство между двумя странами обладает потенциалом для преобразования всего мира¹⁰⁶.

Таким образом, Пакистан утратил свое центральное место в региональной политике США в Южной и Центральной Азии. Исходя из складывающейся обстановки, руководство страны было вынуждено расширять свои отношения с Китаем и Россией. Этими же факторами было обусловлено вступление Пакистана в Шанхайскую организацию сотрудничества, сначала в качестве наблюдателя, а в 2015 г. начался процесс вступления в нее в качестве полноправного члена.

Интерес Пакистана к ШОС и сотрудничеству с центрально-азиатскими государствами обусловлен, прежде всего, экономическими причинами. Потребности Исламабада в энергоресурсах, а также возможность прокладки транспортных артерий из Центральной Азии на побережье Индийского океана через его территорию могут рассматриваться партнерами как один из возможных вариантов взаимовыгодного сотрудничества.

Не менее важны для Пакистана и проблемы региональной безопасности. Несмотря на принимаемые пакистанскими властями меры по стабилизации внутривнутриполитической ситуации в стране, обстановка продолжает оставаться весьма сложной и в любой момент может трансформироваться в очередной острый кризис, куда неизбежно вмешаются военные.

Слабое место нынешних властей — экономика. Она развивается не столь динамично как в соседней Индии. Страна сильно зависит от внешних доноров, прежде всего от США, а также МВФ. Внешняя задолженность приблизилась к 30 % от ВВП. Негативное влияние на состояние пакистанской экономики оказывает нехватка энергоресурсов и неразвитость хозяйственно-транспортной инфраструктуры.

Это сказывается на уровне жизни населения. Свыше 30 % пакистанцев проживают за чертой бедности, при этом уровень безработицы составляет более 8 % трудоспособного населения¹⁰⁷. Поэтому многие пакистанцы вынуждены выезжать в поисках работы в страны Персидского залива, США и страны ЕС.

Обстановку усугубляют периодические столкновения различных исламистских группировок на почве межконфессиональных и межэтнических противоречий. Все острее проходит разлом по оси суннитско-шиитского противостояния, притом шииты составляют свыше 20 % населения Пакистана.

Непростые отношения между основными национальностями Исламской Республики Пакистан — пенджабцами, пуштунами, синдхами, белуджами и брагуи.

По мнению некоторых экспертов, в современном Пакистане существует три полюса борьбы: демократы, исламские фундаменталисты и сепаратисты. Демократов поддерживают американцы; исламские фундаменталисты поддерживаются талибами и большинством населения; а сепаратисты представлены в основном пуштунскими и белуджскими племенами. Кроме того, разгромленные в свое время в Центральной Азии исламские и сепаратистские движения и организации, такие например, как Исламское движение Узбекистана, Исламское движение Восточного Туркестана и другие нашли себе пристанище не только в Афганистане, но и в Пакистане, где ведут активную деятельность как на территориях государств ЦАР, так и в самом Пакистане.

Возможный приход исламистов к власти в Исламабаде может привести к следующим негативным сценариям развития обстановки в стране: превращение Пакистана в радикальное исламское государство по типу Ирана, да еще и обладающее ядерным оружием, или развал страны по югославскому сценарию. Оба этих варианта чреваты самыми негативными последствиями, как для Центрально-Азиатского региона, так и для Южной Азии, так как в дополнение к афганскому очагу напряженности может на длительное время появиться другой — пакистанский, с последующим возможным охватом территорий соседних стран.

К основным причинам распространения и активизации деятельности террористических организаций в Пакистане можно отнести следующие:

1. Гиперприрост населения страны, что приводит к массовой безработице, особенно среди молодежи.
2. Сохраняющиеся территориальные проблемы с Индией (Кашмир) и Афганистаном (линия Дюранда).
3. Слаборазвитая национальная экономика. По уровню своего социально-экономического развития Пакистан занимает 117 место из 145 государств мира¹⁰⁸.
4. Высочайшая степень религиозности населения, которая, по некоторым данным, составляет 98,7 %¹⁰⁹ его общей численности и способствует моральному и идеологическому противостоянию Пакистана и Индии.

По уровню террористической деятельности (количеству террористических актов) Пакистан уступает только Ираку и уверенно держит третье место в мире по числу смертников-террористов после Афганистана и Ирака¹¹⁰. В настоящее время подрывная и террористическая деятельность осуществляется практически на всей территории Пакистана, прежде всего в пограничных с Афганистаном северо-западных районах страны. Много терактов происходит в крупных городах — Карачи, Исламабаде и на территории племен федерального управления.

Главным источником террористической угрозы в Пакистане остается Движение талибов Пакистана (далее — ДТП). Это не единая структура, а своего рода «зонтичная» организация, в состав которой входят до трех десятков группировок различного антиправительственного экстремистского толка. Именно на ДТП лежит ответственность за наиболее громкие и резонансные теракты в Пакистане, такие как нападение на международный аэропорт Карачи и на школу в Пешаваре.

Попытки правительства Н. Шарифа наладить переговорный процесс с ДТП и запустить нечто вроде внутриакистанского диалога провалились. Талибы с самого начала повели диалог с позиции силы, отказались признать конституцию Пакистана и потребовали

провести полную его исламизацию по ваххабитским лекалам. После этого армия и силы безопасности страны возобновили активные боевые действия против ДТП.

В настоящее время идет фрагментация движения «Талибов», вызванная противоречиями между полевыми командирами. С учетом вывода натовских воинских контингентов из Афганистана лидеры части отколовшихся от ДТП организаций призвали сосредоточиться на помощи афганским талибам вместо подрывных действий на пакистанской территории. Тем самым произошло их противопоставление лидеру ДТП М. Фазулле, который основной акцент делает на свержение прозападного правительства в Исламабаде. В результате раскола произошло создание новых организаций, таких как «Движение талибов Южного Вазиристана» во главе с С. Мехсудом, «Джаммат-уль-Хинд» во главе с М. Хорасани, которые стали говорить о приверженности М. Омару и целям афганских талибов. При этом они поддерживают и тесные связи с верхушкой «Аль-Каиды»¹¹¹.

Следует подчеркнуть, что движение «Талибан» и исламские фундаменталисты активно используют методы террора для достижения своих целей. Причем к одной из немаловажных причин такого положения следует отнести просчеты в политике США, проводимой до недавнего времени в этом регионе. Так, использование американцами двойных стандартов и деления террористов на «хороших» и «плохих» в течение десятков лет не только содействовало «воспитанию» целых поколений местных террористов, но и способствовало утверждению мнения в определенных кругах общества, что терроризм является одним из неотъемлемых атрибутов современной политической борьбы.

К такому мнению приходят многие аналитики и специалисты. В свое время бывший президент Пакистана П. Мушарраф возложил на США и другие страны Запада ответственность за нынешнюю ситуацию в своей стране и соседнем Афганистане. Выступая в штаб-квартире Европейского союза в Брюсселе, он прямо заявил, что нынешнее положение вещей в регионе — прямое следствие событий 26-летней давности, когда Пакистан, США и другие страны Запада активно поддерживали движение моджахедов, действовав-

ших против введенного контингента советских войск в Афганистане. «Мы вместе запустили джихад, привлекая моджахедов со всего мусульманского мира. Мы создали «Талибан», снабдили его оружием и пустили в Афганистан. А в 1989 г. все наши союзники покинули Пакистан, оставив нас с 30 тысячами вооруженных моджахедов и движением «Талибан» в придачу»¹¹².

Наряду с исламскими экстремистами и движением «Талибан» методы терроризма в своей деятельности активно применяют и пакистанские сепаратисты, в частности, «Армия освобождения Белуджистана» и «Белуджская либеральная армия», основная цель которых — создание «Великого Белуджистана».

Провинция Белуджистан занимает 48 % территории страны, а на ней проживает лишь 5 % населения. Белуджи — этнос, большая часть которого проживает в Пакистане и Иране, есть они и в Афганистане. После раздела Британской Индии, а впоследствии отделения от Пакистана Бангладеш, этнический состав Белуджистана изменился кардинально, в основном за счет переселенцев — мухаджиров. Мигранты оказались более активными в экономической деятельности и через некоторое время сосредоточили в своих руках значительную часть экономики провинции. В настоящее время потомки этих мигрантов являются одним из важных факторов, определяющих социально-экономическое развитие и политическую ситуацию в этих районах. Кстати, выходцем из мухаджиров был бывший президент Пакистана П. Мушарраф. Такое положение, естественно, не устраивает белуджей.

Немаловажным фактором, влияющим на ситуацию в провинции, является наличие в ней значительных запасов нефти и газа. Проблема заключается в том, что, получая значительные прибыли от эксплуатации газовых и нефтяных месторождений Белуджистана, федеральный центр слабо инвестирует в инфраструктурное и экономическое развитие провинции. Кроме того, белуджи постоянно указывают на «несправедливое» представительство «малых провинций» в парламенте Пакистана. Так, в соответствии с пропорциями численности населения, Пенджаб представлен в Национальном собрании 55 % мест, в то время как Белуджистан — 5 %. Такое положение,

по мнению этнического меньшинства, существенно ограничивает возможности «легальных» способов борьбы за развитие их малой родины, а, следовательно создает предпосылки для ведения борьбы с использованием террористических методов достижения цели¹¹³.

Учитывая тот факт, что движение «Талибан» совместно с лидерами пуштунских племен стремятся создать на северо-западе Пакистана самостоятельное государство, а сепаратисты Белуджистана выступают за образование Великого Белуджистана, некоторые эксперты не исключают распада и «балканизации» Пакистана. К такому развитию событий могут привести гражданская война между племенами, возможная талибизация отдельных провинций или отстранение от власти светского правительства с последующей борьбой за обладание ядерным оружием. Причем сепаратистам могут оказать помощь соседние государства (Индия, Иран, Китай и даже Афганистан), которые заинтересованы в ослаблении Пакистана и установлении контроля над его территорией.

К особенностям проявления терроризма в Пакистане в настоящее время можно отнести следующее:

- значительное расширение «географии» террористических акций. Если ранее основные теракты отмечались на территории племен федерального управления в Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане, то после событий в Красной мечети в июле 2007 г. террористы развернули активную деятельность в Исламабаде, Пенджабе, Синде и других городах;
- стали активно применяться атаки пакистанских смертников, которые до этого были крайне редки. Так, например, три из четырех террористов-смертников, участвовавших в акции в Лондоне в 2005 г., были пакистанского происхождения;
- одной из основных тенденций последнего времени стала постепенная утрата местными террористическими организациями национального характера и превращение их в ячейки международных террористических организаций.

Самым сильным государственным институтом, способным противостоять терроризму и экстремизму, в Пакистане является армия. Даже когда у власти находилось гражданское правительство, основ-

ные решения по управлению страной принимались высшими военными чинами армии.

Во время парламентских выборов в мае 2013 г. власть плавно перешла от Пакистанской народной партии к Пакистанской мусульманской лиге Н. Шарифа, который сформировал гражданское правительство впервые без вмешательства военных в процесс передачи полномочий от предыдущего гражданского правительства. При этом генералитет во главе с начальником штаба сухопутных войск генералом Р. Шарифом и в целом военные продолжают сохранять за собой решающее влияние в вопросах национальной безопасности и внешней политики путем оказания давления на гражданское правительство. Другое дело, что это воздействие стало в последние месяцы более мягким, чем раньше.

При этом, оценивая возможности, а также степень желанья руководства вооруженных сил бороться с терроризмом и экстремизмом, необходимо учитывать следующее:

1. Многолетнее двустороннее сотрудничество Пакистана и США не убедило пакистанцев в незыблемости такого положения, тем более в свете последнего сближения Нью-Дели и Вашингтона. Поэтому армейское руководство вынуждено «страховаться» на случай возможного ухода американцев и изменения внутренней политической ситуации.

2. Не секрет, что многие офицеры пакистанской армии, особенно представители спецслужб, поддерживают тесные связи с группами боевиков, в том числе и со сторонниками талибов. Армия и разведслужбы Пакистана не одно десятилетие использовали религиозные партии для пополнения своих рядов. Представители исламских экстремистов задействовались при подавлении националистов в 1971 г. в тогдашнем Восточном Пакистане, воевали с советскими войсками в 1980-х годах в Афганистане, активно привлекались для диверсионных акций в Кашмире. Вследствие этого можно констатировать, что в самом мощном институте государственной власти в Пакистане имеется достаточно широкий слой людей, которые, при определенных обстоятельствах могут поддержать приход к власти исламских экстремистов.

3. Пакистанские военные и представители спецслужб не поддаются давлению США и по большинству вопросов стараются отстаивать национальные интересы, что, кстати, и явилось одной из основных причин «принуждения к отставке» президента П. Мушаррафа. Так, армейское руководство категорически против проведения любых военных операций коалиционных войск на своей территории. Кроме того, оно резко выступает против международной инспекции государственных ядерных объектов в Пакистане.

4. Слаборазвитые гражданские институты в настоящее время неспособны создать в стране демократическое общество. Более того, сами американцы считают наиболее реальной силой в борьбе с терроризмом армию, а демократические силы поддерживаются ими в качестве своеобразного «дамоклова меча» для военных.

Роль и место армии в пакистанском обществе наглядно демонстрирует ее участие в разрешении конфликта в Вазиристане — в вооруженном противостоянии между пуштунскими кланами Вазиристана и центральным пакистанским правительством.

В октябре 2009 г. в Южном Вазиристане пакистанские военные провели успешную антитеррористическую операцию «Путь освобождения». Ударная группировка армии насчитывала 28 тыс. человек, ей противостояло 10—12 тыс. мехсудовских талибов и некоторое количество иностранных боевиков, главным образом узбекских, которые контролировали половину территории Южного Вазиристана. Основными целями этой операции были взятие опорных центров пакистанских талибов (городов Макиин и Ладха), а также ликвидация руководства мехсудовских талибов. Особенностью этих событий стало то, что масштабные боевые действия впервые проводились на территории страны. Операция прошла успешно. К ее основным итогам следует отнести следующее.

1. Доказана возможность проведения успешных антитеррористических операций силами только пакистанской армии без участия войск США и НАТО, что способствовало консолидации пакистанского общества и укреплению суверенитета Пакистана.

2. Возрос авторитет Пакистана как государства, активно противостоящего международному терроризму, в глазах мирового сообщества.

3. События в Свате и Южном Вазиристане наглядно показали слабость гражданской администрации, ее неумение оперативно решать сложные социально-экономические проблемы. Армия вновь вышла на первое место в общественной жизни страны, став гарантом целостности государства.

4. С военной точки зрения, проведенные операции выявили существенные недостатки пакистанской армии, что, скорее всего, даст толчок к ее перевооружению и оснащению более современным оружием.

Однако следует отметить, что за время боевых действий была практически полностью разрушена экономическая инфраструктура долины Сват и Южного Вазиристана, нарушены все линии электропередач Северо-Западной пограничной провинции. Более того, в результате проведения этой операции государство получило около 2,5 млн беженцев, многочисленные жертвы среди мирного населения и гуманитарную катастрофу в районах боевых действий.

Кроме того, талибы не были полностью уничтожены: часть из них ушла в горы, другие — скрываются в равнинных землях, часть перебралась в Афганистан и в государства Центральной Азии. Главное, как заявили их лидеры, они едины в одном — «никогда не прекратят свою борьбу»¹¹⁴. Доказательством этому является появление новой террористической организации в Пакистане — «Движение талибов Южного Вазиристана».

Кроме внутренних проблем, вызывающих рост террористической активности в Пакистане, наблюдается и влияние внешнеполитических факторов, оказывающих негативное воздействие на обстановку в стране. В первую очередь, если не считать стратегического противостояния с Индией, о чем будет сказано ниже, это сложность и неоднозначность его отношений с Афганистаном. Негативная окраска отношений двух стран в первую очередь вызвана следующими факторами:

- слабостью центральной власти в обоих государствах;
- непризнанием Афганистаном «линии Дюранда» в качестве границы между Пакистаном и Афганистаном;
- нахождением на территории Пакистана 2,5—3 млн афганских беженцев¹¹⁵;

- активными действиями движения «Талибан», как на территории Афганистана, так и на территории Пакистана;
- политикой некоторых государств, стремящихся использовать противоречия между Афганистаном и Пакистаном в собственных интересах.

Главная проблема в отношениях двух стран — так называемая «проблема Пуштунистана». Известно, что Кабул никогда не признавал и, скорее всего, не признает существования государственной границы с Пакистаном по «линии Дюранда». Он всегда поддерживал сепаратистские движения пакистанских пуштунов, призывая их к созданию независимого Пуштунистана. В свою очередь и Пакистан оказывал помощь оппозиционным силам в Афганистане. Противники правящих режимов в обеих странах находили убежище в соседнем государстве.

Полярные подходы сторон к вопросу о Пуштунистане делают его практически неразрешимым. Прошло более шестидесяти лет со дня возникновения проблемы, в обеих странах произошли серьезные общественно-политические изменения, сменились поколения лидеров, но воз и ныне там. На протяжении всей истории пакистано-афганских отношений это противоречие нагнетало негативную обстановку между Исламабадом и Кабулом, было главным препятствием на пути развития их сотрудничества, затрудняло урегулирование двусторонних проблем.

Более того, война в Афганистане способствует росту в самом Пакистане числа сторонников радикальных, экстремистских и террористических организаций, что несет угрозу институтам власти. Пакистан заинтересован в снижении террористической угрозы, нормализации ситуации в приграничных с Афганистаном районах и возвращении беженцев в эту страну.

Таким образом, можно выделить приоритетные цели политики Пакистана на афганском направлении:

- нормализация ситуации в Афганистане и противодействие расширению отношений Индии и Афганистана;
- ведение совместных с Афганистаном переговоров с умеренным крылом движения «Талибан» на предмет его участия во власт-

ных структурах, снижение террористической угрозы, а также противодействие ИГИЛ;

- способствование улучшению ситуации в Афганистане настолько, чтобы в эту страну смогли вернуться беженцы;
- ликвидация негативных экономических последствий «афганской проблемы».

Следует отметить также, что и в отношениях с другими государствами у Пакистана возникают сложности с точки зрения его возможного пособничества международному терроризму. Так, некоторые государства, не считая США и их союзников, требуют от Пакистана усилить деятельность руководства страны по противодействию терроризму. Саудовская Аравия, например, Египет и Алжир требуют выдачи исламских боевиков — граждан этих стран; Индия обвиняет Пакистан в подготовке и засылке на ее территорию исламских сепаратистов; Китай, Узбекистан и другие государства Центральной Азии требуют ликвидировать на территориях, контролируемых Пакистаном, баз уйгурских сепаратистов, боевиков Исламского движения Узбекистана и других террористических организаций, действующих на территории этих стран.

7.3. Сепаратизм в Индии как источник терроризма в Южной Азии

В основе возникновения сепаратизма в Индии лежат исторические реалии процесса обретения независимости Индией и Пакистаном в 1947 г. Тогда при разделе бывшей южно-азиатской колонии Великобритании три четверти княжества Джамму и Кашмир с преобладающим мусульманским населением отошли к Индии и стали ее штатом. Именно англичане несут львиную долю ответственности за продолжающееся геополитическое противостояние Индии и Пакистана, в котором, прежде всего, и заинтересован западный мир. Для США и Великобритании независимая сильная Индия представляет значительную угрозу, поэтому с самого начала было решено, во-первых, разделить ее на два государства (затем добавилось

третье — Бангладеш), а во-вторых — сравнить государства Индостана в непрекращающемся противостоянии. Одним из инструментов этого сравнения и является кашмирский конфликт.

В современном индийском штате Джамму и Кашмир этноконфессиональная ситуация выглядит следующим образом: большая часть населения — 67 % исповедует ислам, 30 % — индуизм, 2 % — сикхизм и 1 % — буддизм. При этом существуют значительные различия между отдельными территориями штата.

Так, в северной части — Кашмире мусульмане составляют до 97 % населения. На юге штата — в Джамму, наоборот, 65 % населения составляют индуисты, мусульман лишь 31 %, сикхов — 4 %. В Ладакхе 46 % составляют буддисты¹¹⁶. То есть этноконфессиональный расклад в штате отличается неравномерностью распределения этнических и конфессиональных групп по его территории, при этом существует очевидное преобладание в численности мусульманского населения.

Что касается этнической картины, то население Кашмира представлено следующими группами:

1) дардские народы, промежуточные между индийскими и иранскими — кашмирцы, шина, калаша и другие этносы, из которых 92 % — мусульмане, остальные — индуисты;

2) индоарийские народы — пенджабцы, догры, хиндустанцы и другие этносы, преимущественно населяющие южную часть штата и исповедующие индуизм, сикхизм или ислам;

3) тибето-бирманские народы — ладакхи, балти, тибетцы — населяют северо-восточную часть штата и исповедуют преимущественно буддизм ламаистского толка, а также тибетскую религию бон (за исключением балти, которые едва ли не единственная тибето-бирманская народность, исповедующая ислам шиитского толка);

4) буриши, говорящие на языке бурушаски и населяющие область Хунза, в настоящее время контролируемую Пакистаном. Эта народность также исповедует ислам;

5) пуштуны (афганцы), относящиеся к иранским народам и поддерживающие тесные связи с соплеменниками в Пакистане и Афганистане¹¹⁷.

На подконтрольной Пакистану территории Кашмира образованы провинции Северная и Азад Кашмир, тогда как индийская территория входит в состав штата Джамму и Кашмир. Помимо того, примерно 10 % территории Кашмира в 1962 г. было оккупировано китайскими войсками и до сих пор эта территория, носящая название Аксай Чин, входит в состав КНР, как и часть Транс-Каракорумского тракта, присоединенная к Китаю в 1963 г. с согласия пакистанской стороны.

Однако раздел территории бывшего княжества между Индией, Пакистаном и КНР не означал прекращения вооруженных конфликтов в регионе. Мусульманские организации, базирующиеся в пакистанском Кашмире, не собираются мириться с тем, что значительная часть их единоверцев остается в составе индийского штата Джамму и Кашмир — в том числе, в районе кашмирской долины. Естественно, что штат Джамму и Кашмир стал постоянной мишенью атак террористов. Поэтому на территории штата базируется значительный по численности индийский военный контингент, призванный обезопасить регион от возможного риска пакистанского или китайского вторжения. Так, в 1990 г. в штате Джамму и Кашмир, ввиду постоянной угрозы террористических атак со стороны радикальных организаций, были расквартированы двадцать индийских дивизий.

В настоящее время ключевыми акторами военно-политической ситуации в Кашмире являются следующие религиозно-политические организации:

1. «Джамиат уль-улама-и ислам» — Общество исламских богословов. Именно эта пакистанская организация осуществляет вербовку и подготовку боевиков для кашмирских военизированных формирований.

2. «Лашкар и-Джангви» — Армия Джангви, вторая по значимости религиозно-политическая организация, осуществляющая вербовку и подготовку боевиков для вооруженных формирований и непосредственно руководящая последними.

3. «Хизб-и муджахидин» — Партия борцов за веру. Является одной из наиболее радикальных исламских организаций региона, выступающих за независимость Кашмира.

Следует отметить, что все перечисленные организации относятся к радикальному крылу ортодоксального суннитского ислама. Это объясняется тем, что именно сунниты в современном мире представляют собой наиболее активную исламскую силу. Пакистан и афганские талибы оказывают поддержку именно суннитским организациям.

В то же время в Кашмире проживает и значительное количество мусульман-шиитов, прежде всего — исмаилиты. Для радикальных суннитов они выступают вторыми после индуистов и буддистов идеологическими врагами. Руководителями суннитских организаций пропагандируется обращение их в суннизм, или «очищение» будущего исламского Кашмира от исмаилитов. Позиции исмаилитов сильны в горных районах, прежде всего среди небольших этнических групп вроде балти и буришей. Своим главой исмаилиты считают имама Ага-хана IV. Этот духовный лидер исмаилитских общин Индии, Пакистана, Афганистана, Таджикистана и других стран постоянно проживает в Великобритании, но пользуется большим влиянием в регионе.

Таким образом, решение кашмирской проблемы невозможно без учета интересов исмаилитской общины, которая также не удовлетворена растущим влиянием ортодоксальных суннитских организаций, угрожающих самому существованию шиитского ислама в Северо-Западной Индии.

Индо-пакистанские конфликты на этой почве и атаки повстанцев к началу XXI в. унесли жизни не менее чем 30 тыс. военнослужащих и мирных жителей. Пакистанские источники уверяют, что количество погибших в боевых действиях мусульман гораздо выше и достигает 70 тыс. человек. Фактически Джамму и Кашмир является незатахнувшей горячей точкой, эскалация насилия в которой значительно превосходит другие проблемные индийские штаты, включая и Северо-Восточную Индию, где также действуют сепаратистские вооруженные организации.

Фактически столкновение индийских и пакистанских интересов в Северо-Западной Индии является одним из фронтов общего противостояния мусульманского и немусульманского мира. Поскольку

кашмирских мусульман активно поддерживают Пакистан и афганские талибы, с оружием, пропагандистской литературой, организационным обеспечением у них проблем не наблюдается. И это в значительной степени усложняет эффект действий правительственных войск и спецслужб, которым оказывается не под силу преодолеть вооруженное сопротивление в Джамму и Кашмире. Ситуация усугубляется тем, что Индия и Пакистан являются ядерными державами, и в случае обострения положения в регионе Кашмира последствия не только для этих стран, но и для всего человечества, могут быть самыми непредсказуемыми.

Суммарная численность боевиков вооруженных формирований в этом районе оценивается в пределах от 6 до 10 тыс. человек, причем большая их часть имеет существенный опыт боевых действий в горячих точках различных регионов мира. В это число, по данным индийских спецслужб, входит около 3 тыс. иностранных добровольцев из Афганистана, Бангладеш, Судана, Египта, Ливии, Ирана, Казахстана, Чечни, Йемена, Бахрейна, Албании, Боснии и Герцеговины, других государств. Координирует их действия Объединенный совет джихада.

На вооружении боевиков находится стрелковое оружие, гранатометы, минометы, реактивные снаряды, зенитные установки, фугасы, инженерные мины различных образцов, средства связи. Переброска оружия и боеприпасов в распоряжение вооруженных формирований, действующих в назначенных операционных зонах, осуществляется с сопредельной территории Пакистана вьючными караванами. Основная операционная зона действия группировок — Кашмирская долина и прилегающие районы.

К наиболее крупным операциям сепаратистов в Индии можно отнести захват в мае 1999 г. боевиками из Пакистана количеством около 1000 человек ряда высот на индийской стороне. Выбить их оттуда индийской армии удалось только в середине июня. 13 декабря 2001 г. произошло нападение пакистанских боевиков на здание индийского парламента в Нью-Дели. В то время оба государства балансировали на грани войны, а их сухопутные войска были сосредоточены вдоль границы.

26 ноября 2008 г. группа вооруженных автоматами и гранатами боевиков совершила серию дерзких терактов в деловой столице Индии городе Мумбаи, жертвами которых стали не менее 195 человек¹¹⁸. Никаких требований террористы не выдвигали. Целью атаки было — осложнить ситуацию в Индии и «наказать» правительство Индии за тесное сотрудничество с США.

При этом в ходе индо-пакистанского диалога по Кашмиру стороны сохраняют существенные разногласия по этой проблеме. Индия настаивает на том, что, хотя кашмирский вопрос и обсуждается в ходе переговоров с Пакистаном, судьба Джамму и Кашмира решена окончательно и ревизии не подлежит. Министерство внешних сношений Индии время от времени выступает с заявлениями, что индийскими считаются не только Джамму и Кашмир, но и северные территории, контролируемые Пакистаном (в частности, область Гилгит-Балтистан). Одновременно Индия, как и ранее, дает понять, что ее удовлетворило бы сохранение статус-кво, то есть нынешний раздел Кашмира по так называемой линии контроля. Официальная позиция Пакистана иная: он не согласен на раздел спорной территории по этой линии и выступает против ее легитимации на постоянной основе и разрешения таким способом существующей проблемы¹¹⁹.

Следует также отметить, что созданию условий для усиления и распространения терроризма в Южной Азии дополнительно способствует и наличие в регионе больших слоев населения, которые относятся к террористам с большим сочувствием, считая их борцами за свободу и справедливость. После оккупации Афганистана и Ирака в мусульманском мире все больше верят в необходимость борьбы с «новым крестовым походом» на них христиан. Даже на уровне правительств некоторых государств, ведущих борьбу с терроризмом, появляются заявления, косвенно поддерживающие это мнение.

К особенностям распространения терроризма в Южной Азии некоторые исследователи относят также социально-экономические причины межэтнических конфликтов, вызванные борьбой за территории и ресурсы между этническими элитами одной и той же страны. Преломление данных факторов через идею национализма актуализирует проблемы, выливается в противостояние одного этноса

другому, за которым следует сепаратизм и использование террористических способов борьбы.

Поэтому для предотвращения межэтнических конфликтов, этнического сепаратизма и терроризма необходимо повышать уровень жизни населения, соблюдать баланс развития между регионами по приросту населения, темпам урбанизации, обеспеченности продовольствием и другими материальными благами. Проблема сепаратизма в регионе должна решаться посредством внедрения принципов автономии и федерализма, путем последовательного образования автономных административных единиц преимущественно по языковому или религиозному принципу.

Следует отметить, что в последнее время *наметились определенные положительные сдвиги в борьбе с сепаратизмом и терроризмом в регионе*. Это, прежде всего, обусловлено следующими обстоятельствами:

- государства региона осознали значимость борьбы с терроризмом в современных условиях и приняли соответствующие меры, препятствующие получению террористами финансовых средств, оружия, их свободному перемещению и проживанию;
- некоторые сепаратистские организации региона, ранее признаваемые борцами за свободу, хотя и применяющими террористические способы борьбы в качестве средства достижения своих целей, были переведены мировым сообществом в разряд террористических организаций со всеми вытекающими последствиями;
- правительства некоторых государств, которые ранее оказывали поддержку сепаратистским террористическим организациям в других странах, получили всеобщее осуждение как пособники терроризма и были вынуждены отказаться от такой поддержки;
- ведущие страны мира значительно увеличили финансовую и техническую помощь развивающимся государствам для организации противодействия терроризму на их территориях;
- интересы создания условий для экономического развития государств региона поставили перед их властями необходимость обеспечить безопасность бизнеса и иностранных инвестиций, что в свою очередь потребовало от них динамично и эффективно решать «застарелые проблемы мятежных территорий».

После того, как в мае 2014 г. Н. Моди вступил на пост главы правительства Индии, наметилась тенденция разрядки напряженности в двусторонних отношениях, однако на границе между странами то и дело происходят перестрелки.

25 декабря 2015 г. премьер-министр Индии Н. Моди провел встречу с премьер-министром Пакистана Н. Шарифом¹²⁰. Этот неожиданный визит Моди в Пакистан стал свидетельством наметившейся тенденции смягчения напряженности в двусторонних отношениях. На переговорах стороны договорились продолжать мирный процесс, возобновить всеобъемлющий диалог, совместно бороться с бедностью, укрепить гуманитарные обмены и восстановить переговоры на уровне секретарей по иностранным делам.

В последние годы правительства Индии и Пакистана осознали, что долгосрочная конфронтация вредит обеим сторонам. По мнению аналитиков, существуют три аспекта смягчения отношений между двумя странами.

Во-первых, правительство Пакистана продвигает строительство экономического коридора Китай—Пакистан для достижения национального процветания, а правительство Индии надеется на сохранение быстрых темпов роста экономики. Экономическое развитие требует стабильной внешней обстановки, поэтому правительства двух стран рассматривают диалог в качестве единственного эффективного пути к смягчению двусторонних противоречий.

Во-вторых, Н. Моди принял приглашение присутствовать на саммите Ассоциации регионального сотрудничества Южной Азии, который пройдет в 2016 г. в Исламабаде, и теперь обе стороны пытаются создать благоприятную атмосферу для успешного проведения данного мероприятия.

В-третьих, в июле ШОС запустила процедуру по принятию в свой состав Индии и Пакистана, что заложило новую платформу сотрудничества между двумя странами и выдвинуло новые требования к обеспечению мира и стабильности в регионе¹²¹.

В заключение приведем общие черты деятельности сепаратистских и экстремистских движений в Южной Азии.

Первое. Экстремистские и сепаратистские организации распространяют радикальные идеи, отрицают легальность местных властей, тем самым провоцируя людей на свержение власти и расшатывание общественных устоев государства.

Второе. Экстремистские и сепаратистские организации нарушают законы, совершают теракты, нападают на государственные структуры. Кроме того, для финансового обеспечения своей деятельности они активно занимаются наркобизнесом, торговлей оружием, нелегальной миграцией, что подрывает стабильность государства.

Третье. Для ведения борьбы с экстремизмом, сепаратизмом и терроризмом правительства государств Южной Азии вынуждены использовать большие политические, экономические и культурные ресурсы, что препятствует развитию экономики. Экстремистские организации выступают также против глобализации и модернизации, препятствуют притоку иностранных инвестиций, что также задерживает экономическое развитие. Теракты, которые применяют экстремисты и сепаратисты для достижения своих целей, наносят значительный материальный ущерб.

Четвертое. Деятельность экстремистских и сепаратистских организаций наносит значительный ущерб двусторонним отношениям между государствами. Такое положение наблюдается в отношениях между Индией и Пакистаном, Пакистаном и Афганистаном, Афганистаном и Ираном, Афганистаном и центрально-азиатскими государствами. Таких примеров можно привести множество.

Таким образом, экстремизм и сепаратизм наносят огромный вред безопасности государств Южной Азии и стабильности региона в целом. Поэтому в целях повышения эффективности борьбы с этими явлениями все страны должны тесно сотрудничать, вместе защищать мир, безопасность и стабильность региона.

Глава 8

ОПЫТ БОРЬБЫ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ

Потребность в создании Шанхайской пятерки, а затем Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС) обусловила необходимость решения проблем, связанных с региональной безопасностью и межгосударственными отношениями. События сентября 2001 г. и их последствия стали катализатором расширения и углубления отношений государств-участников организации в этой сфере. Борьба с силами «трех зол» — терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом является одной из приоритетных проблем ШОС, а их совокупное проявление в Центральной Азии наиболее масштабно и представляет собой одну из основных угроз безопасности в этом регионе.

Следует отметить, что с самого начала в борьбе с силами «трех зол» в ШОС был заложен концептуальный фундамент этого сотрудничества, выработаны и утверждены руководством государств его теоретическая, научная и юридическая база. Именно ШОС стала первой из международных организаций, которая недвусмысленно поставила вопрос о всемирном развертывании борьбы с вышеназванными явлениями, причем еще до известных событий 11 сентября 2001 г. в США. Так, в день образования ШОС (15 июня 2001 г.), была подписана «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», в которой были даны определения данным явлениям, а также были намечены направления и возможные формы борьбы с ними.

Этот документ закладывал прочные, в том числе и правовые, основы для взаимодействия в области безопасности в рамках Организации. Нелишним будет отметить, что в современной политологии существует около 200 формулировок понятия «терроризм», и даже такая организация как ООН до сих пор не определилась по данному вопросу. Важность постановки этого вопроса заключается в том, что смешение понятий не только позволяет объявлять любую политическую партию или религиозную группу, а иногда даже целую страну террористической со всеми вытекающими для нее опасными последствиями. Такое положение не исключает возможность осуществления прямой военной агрессии против суверенного государства под предлогом борьбы с международным терроризмом.

На наш взгляд, отсутствие четкой градации рассматриваемых явлений существенно снижает эффективность антитеррористической борьбы, так как затрудняет разработку целей этой борьбы, негативно сказывается на определении масштабов необходимого привлечения сил и средств. Кроме того, как показала практика, довольно часто существенно увеличивается несоразмерность ответной реакции на выступления террористов, что в конечном итоге ведет к дальнейшему распространению терроризма на планете.

Сотрудничество в сфере безопасности в ШОС изначально было ориентировано на обеспечение регионального взаимодействия государств в противодействии новым вызовам и угрозам безопасности негосударственного характера, таким как терроризм, сепаратизм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и других проявлений трансграничной преступной деятельности.

Так, в Концепции сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятой 5 июля 2005 г. в Астане сказано:

Государства-члены ШОС исходят из того, что терроризм, сепаратизм и экстремизм:

- представляют угрозу международному миру и безопасности, препятствуют развитию дружественных отношений между государствами, а также осуществлению основных прав и свобод человека;

- угрожают территориальной целостности и безопасности государств-членов ШОС, а также их политической, экономической и социальной стабильности;
- не могут быть оправданы ни при каких обстоятельствах, независимо от их мотивов, а лица и организации, виновные в совершении таких деяний, должны быть привлечены к ответственности.

Государства-члены ШОС убеждены в том, что главным центром регулирования международных отношений и развития сотрудничества в сфере обеспечения международной безопасности является Организация Объединенных Наций.

Государства-члены ШОС подтверждают свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, другим общепризнанным принципам и нормам международного права, касающимся поддержания международного мира, безопасности и развития добрососедских и дружественных отношений, а также сотрудничества между государствами.

Государства-члены ШОС намерены активно участвовать в анти-террористических мероприятиях, проводимых как под эгидой ООН, так и в рамках региональных организаций. Необходимость и степень такого участия будут соизмеряться с их национальными интересами и международными обязательствами.

Государства-члены ШОС намерены принимать все возможные меры по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на пространстве ШОС и не предоставлять убежище лицам, обвиняемым или подозреваемым в совершении таких деяний.

Государства-члены ШОС рассматривают борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в рамках ШОС как важнейшую внешнеполитическую задачу и считают, что разработка дополнительных механизмов международного сотрудничества в этой области должна стать адекватной мерой по наращиванию и модернизации потенциала быстрого антикризисного реагирования и способствовать эффективному совместному использованию открывающихся возможностей и противодействию новым вызовам и угрозам.

Государства-члены ШОС исходят из того, что борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на пространстве ШОС

своими собственными силами имеет для них приоритетное значение¹²².

Следует отметить, что к решению проблем противодействия международному терроризму ШОС подходит с более широких позиций, чем США и их союзники. Если в Вашингтоне на первое место ставят военную силу с нанесением военных ударов по террористическим центрам и оказание давления на государства, поддерживающие терроризм, то, с точки зрения Шанхайской организации сотрудничества, ликвидация террористической деятельности напрямую связана с нейтрализацией деятельности религиозных экстремистских и сепаратистских организаций, а также решения социально-политических проблем. Таким образом, координируя свою деятельность с Соединенными Штатами, государства-члены ШОС действуют по собственной программе, тесно увязывая антитеррористическую борьбу с обеспечением своей территориальной целостности и гарантированием сохранения светских режимов у власти в Центральной Азии.

Страны-участники ШОС исходят из того, что процессы глобализации усиливают взаимозависимость государств, в результате чего их безопасность и развитие становятся неделимыми, а также то, что современным вызовам и угрозам безопасности можно эффективно противостоять лишь через объединение усилий государств на основе согласованных принципов и в рамках многосторонних механизмов. Сотрудничество в противодействии новым вызовам и угрозам должно осуществляться последовательно, без применения двойных стандартов, через строгое соблюдение норм международного права, а построение глобальной системы безопасности необходимо реализовывать только под эгидой ООН и при строгом соблюдении ее Устава. Государства-члены ШОС принципиально не приемлют односторонние акции, поскольку такие акции не способны решить существующие в мире проблемы¹²³.

Поэтому в Концепции сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом говорится, что в достижении основных целей и решении основных задач сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремиз-

мом государства-члены ШОС руководствуются следующими принципами:

- соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права;
- взаимное доверие;
- взаимное уважение суверенитета, равенства и территориальной целостности;
- недопущение применения практики «двойных стандартов» в международных усилиях по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- обоюдное признание деяния терроризма, сепаратизма и экстремизма независимо от того, включает ли законодательство государств-членов ШОС соответствующее деяние в ту же категорию преступлений или описывает его с помощью таких же терминов;
- бескомпромиссность борьбы и неотвратимость наказания лиц и организаций за терроризм, сепаратизм и экстремизм;
- комплексный подход к борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом с использованием превентивных, правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских и иных мер;
- недопустимость придания борьбе с терроризмом конфессиональной и иной окраски;
- непредоставление в любой форме поддержки организациям и лицам, причастным к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности;
- непредоставление убежища лицам, причастным к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности;
- единство подходов к возможности применения адекватных мер при возникновении угроз безопасности государствам-членам ШОС от терроризма, сепаратизма и экстремизма;
- обеспечение взаимной защиты информации закрытого характера, полученной в процессе сотрудничества;
- признание приоритетности совместных решений по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹²⁴.

Более концентрированно позицию ШОС относительно борьбы с терроризмом выразил министр иностранных дел КНР Ван И, высту-

пая в сентябре 2015 г. с речью в Совете безопасности ООН. В своей речи, которую поддержали все государства ШОС, он предложил, чтобы государства-члены ООН придерживались ныне существующего механизма борьбы с терроризмом, который доказал свою эффективность, и боролись с терроризмом в соответствии с международными законами и нормами.

Во-первых, борьба с терроризмом должна вестись международным сообществом в рамках постоянной координации усилий в борьбе с этим явлением. ООН и Совет безопасности ООН должны играть ведущую роль в глобальной войне с терроризмом, которая является единственным способом для разных сторон сохранить единство, добиться эффективной координации и предпринять согласованные действия.

Во-вторых, государства-члены ООН должны придерживаться многостороннего подхода в борьбе с терроризмом. Глобальная война с терроризмом должна вестись с помощью комплексного подхода, который включает в себя меры, принятые в сферах политики, безопасности, финансов и разведки, а также в идеологической области с целью ликвидации как симптомов, так и причин терроризма, в частности, устранения его коренных причин и источника возникновения. Любая военная операция по борьбе с терроризмом должна отвечать Уставу ООН и соответствующим резолюциям СБ ООН.

В-третьих, международное сообщество должно придерживаться согласованного стандарта в глобальной войне с терроризмом. Необходимо решительно бороться с любым террористическим актом, невзирая на то, в какой форме, когда и где он совершен, и против кого или чего направлен. Нет двойного стандарта, который может быть принят. И тем более нельзя квалифицировать терроризм как этнический или религиозный¹²⁵.

Россия, вторая крупная держава в ШОС, полностью поддерживает такую позицию. Так, в Комментарий МИД России в связи с принятием в Китае закона «О борьбе с терроризмом» от 31 декабря 2015 г. говорится: «Москва и Пекин созвучно выступают за сохранение центральной координирующей роли ООН в глобальных анти-террористических усилиях, которые должны быть свободны от поли-

тизации и предварительных условий, за создание широкой антитеррористической коалиции по борьбе с ИГИЛ, принятие комплексных мер по противодействию феномену иностранных террористов-боевиков, в том числе в контексте снижения рисков для центрально-азиатского региона»¹²⁶.

С момента основания ШОС государствами-членами было принято более десяти юридических документов, обеспечивающих деятельность Организации в сфере противодействия терроризму. Эти документы определяют направление, формы и принципы антитеррористического сотрудничества и устанавливают прочную правовую основу для сотрудничества между государствами-членами в области борьбы с терроризмом. К ним следует отнести:

- Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., которая превратила ШОС в одну из первых международных организаций с вполне конкретными заявлениями о борьбе с терроризмом.

- Концепцию сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 5 июня 2005 г.

- Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 15 июня 2006 г.

- Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств-членов Шанхайской организации сотрудничества лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности от 15 июня 2006 г.

- Заявление глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества по международной информационной безопасности от 15 июня 2006 г.

- Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества от 16 августа 2007 г.

- Конвенцию о борьбе с терроризмом Шанхайской организации сотрудничества от 16 июня 2009 г., конкретизирующую положения

Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.

- Соглашение между государствами-членами ШОС о проведении совместных военных учений от 27 июня 2007 г., которое заложило долгосрочные организационные и правовые основы для проведения совместных учений, направленных на противодействие терроризму.

- Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о борьбе с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ от 28 августа 2008 г.

- Программу сотрудничества между государствами-членами ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2010—2012 гг. от 16 июня 2009 г.

- Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов ШОС от 16 июня 2009 г.

- Положение о политико-дипломатических мерах и механизмах реагирования Шанхайской организации сотрудничества на ситуации, ставящие под угрозу мир, безопасность и стабильность в регионе от 16 июня 2009 г.

- Программу сотрудничества между государствами-членами ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013—2015 гг. от 8 июня 2012 г.

- Программу сотрудничества между государствами-членами ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2016—2018 гг. от 10 июля 2015 г.

- Стратегию развития ШОС до 2025 г. от 10 июля 2015 г.

В целях расширения и углубления сотрудничества по данной проблеме на саммите глав государств-участников ШОС в Санкт-Петербурге было подписано «Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре» (РАТС), представляющей собой межгосударственный институт Организации, который призван выработать стратегические направления деятельности в этой облас-

ти, рекомендовать порядок взаимодействия силовых структур и конкретные мероприятия для их совместного осуществления.

На РАТС возложено оказание содействия национальным органам сторон (по их просьбе) в борьбе с проявлениями так называемых новых угроз. Для этого РАТС, в частности, накапливает и анализирует информацию, формирует банк данных по международным террористическим и экстремистским организациям, их лидерам, структурам и лицам, причастным к этим организациям.

Основными задачами РАТС являются:

- разработка предложений и рекомендаций о развитии сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом для соответствующих структур ШОС и государств-участников;
- содействие компетентным органам в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в том числе в соответствии с положениями Конвенции;
- сбор и анализ информации, поступающей в РАТС, по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- формирование банка данных РАТС, в частности, о:
 - международных террористических, сепаратистских и иных экстремистских организациях, их структуре, лидерах и участниках, других причастных к ним лицах, а также источниках и каналах их финансирования;
 - состоянии, динамике и тенденциях распространения терроризма, сепаратизма и экстремизма;
 - неправительственных организациях и лицах, оказывающих поддержку терроризму, сепаратизму и экстремизму;
 - предоставление информации по запросам компетентных органов государств-участников РАТС;
 - содействие в подготовке и проведении антитеррористических командно-штабных и оперативно-тактических учений;
 - содействие в подготовке и проведении оперативно-розыскных и иных мероприятий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;

- содействие в осуществлении международного розыска лиц, связанных с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, с целью их привлечения к уголовной ответственности;
- участие в подготовке международно-правовых документов, затрагивающих вопросы борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- содействие в подготовке специалистов и инструкторов для антитеррористических подразделений;
- участие в подготовке и проведении научно-практических конференций, семинаров, содействие в обмене опытом по вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом;
- установление и поддержание рабочих контактов с международными организациями, занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹²⁷.

В марте 2006 г. на заседании Совета РАТС в Ташкенте были утверждены «Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств-членов ШОС» и «Список лиц, объявленных спецслужбами и правоохранительными органами государств-членов ШОС в международный розыск за совершение или по подозрению в совершении преступлений террористического, сепаратистского и экстремистского характера». В Перечне для каждого государства-члена ШОС указаны организации, которые официально признаны данным государством террористическими, сепаратистскими и экстремистскими и деятельность которых запрещена на его территории. Эти документы постоянно уточняются и корректируются.

В рамках РАТС также осуществляется информирование государств-членов ШОС о новых тенденциях в терроризме, формах и методах деятельности террористических и сепаратистских организаций, представляющих угрозу безопасности государств-членов ШОС; о мерах, принимаемых за рубежом, по противодействию терроризму и т. п. В соответствии с решениями Совета РАТС его Исполнительный комитет выпускает ежеквартальные и полугодовые бюллетени «О состоянии, тенденциях развития обстановки, связанной с проявлениями терроризма, сепаратизма и экстремизма в государст-

вах-членах ШОС», которые направляются в компетентные органы государств-членов ШОС.

Как уже было сказано выше, на саммите ШОС в июне 2009 г. в Екатеринбурге главами государств была утверждена «Конвенция ШОС против терроризма», которая является закрытым документом. Однако основные положения данного документа без конкретизации их практического наполнения были частично озвучены в средствах массовой информации.

Анализируя эту информацию, к этим направлениям можно отнести:

- уточнение понятия терроризма как социально-политического явления;
- определение сферы применения Конвенции и установление пределов ее юрисдикции;
- закрепление нормы о защите суверенитета сторон в ходе проведения антитеррористической деятельности;
- определение примерного перечня внутригосударственных мер по предупреждению терроризма;
- определение перечня деяний, которые могут квалифицироваться как террористические;
- установление видов ответственности юридических лиц в случае их причастности к терроризму;
- разработка правового механизма выдачи лиц, подозреваемых в террористической деятельности.

Одним из важнейших направлений сотрудничества государств-членов ШОС в антитеррористической деятельности является проведение совместных антитеррористических учений под кодовым названием «Мирная миссия», которые, начиная с 2005 г., регулярно проводятся на территориях входящих в нее государств. Это практический способ, направленный на то, чтобы усовершенствовать возможности государств-членов ШОС противостоять террористическим угрозам. Их вооруженные силы и службы безопасности получают полезный опыт, взаимодействуя с другими странами по вопросам планирования, управления и контроля, логистики и маневров. Это не только позволяет им реализовывать цели сотрудниче-

ства, но и способствует эффективному взаимодействию между государствами-членами в сфере безопасности.

Эти учения никогда не нацелены на какую-либо третью страну и не затрагивают территории других государств, они направлены лишь на противодействие террористам и уже сыграли немалую роль в сдерживании террористической активности. Регулярная военная подготовка в рамках ШОС уже утвердилась как действенный инструмент борьбы с экстремистами, при этом ШОС никогда не планировала преобразовываться в военный блок.

Основными целями учений являются повышение боевой готовности антитеррористических подразделений и укрепление оперативного взаимодействия между компетентными органами государств-членов ШОС. Учения, как правило, включают в себя анализ обстановки, проведение военно-политических консультаций на уровне руководства вооруженными силами, выработку совместного решения на проведение контртеррористической операции и отработку практического взаимодействия войск при ее ведении, включая проведение разведки, захват ключевых районов, блокирование и преследование террористов, их разоружение и ликвидацию на земле и с воздуха.

Численность личного состава, привлекаемого к учениям, составляет до 10 тыс. человек, основная часть которых представлена воинскими подразделениями России и Китая. Время и места проведения учений «Мирная миссия» представлены в таблице.

Кроме серии учений «Мирная миссия», регулярно проводятся военно-морские учения флотов России и Китая, одной из целей которых является усиление совместных возможностей борьбы с пиратством как одной из разновидностей терроризма. Подобные учения были проведены в 2005 г. в морской акватории, прилегающей к полуострову Шаньдун, а в сентябре 2009 г. — в Аденском заливе. В апреле 2012 г. такие учения прошли в Желтом море у побережья провинции Шаньдун.

В июле 2013 г. были проведены военно-морские учения флотов России и Китая «Морское взаимодействие 2013». Эти учения стали первыми из крупных военно-морских маневров с участием флотов

Таблица. Антитеррористические учения ШОС «Мирная миссия»

№ п/п	Время проведения	Место проведения
1	Август 2005 г.	г. Владивосток (Россия), полуостров Шаньдун и прилегающая к нему морская зона (Китай)
2	Август 2007 г.	г. Урумчи (Китай), полигон Чебаркулем (Челябинская область, Россия)
3	Июль 2009 г.	г. Хабаровск (Россия), полигон Таонань (Китай)
4	Сентябрь 2010 г.	Алма-Ата, полигон Матыбулак (Казахстан)
5	Июнь 2012 г.	Полигон Чорух-Дайрон (Согдийская область, Таджикистан)
6	Август 2013 г.	Полигон Чебаркулем (Челябинская область, Россия)
7	Август 2014 г.	Полигон Чжужихэ (Китай)
8	Сентябрь 2016 г. (планируются)	Кыргызстан

двух стран. Они проходили в течение трех дней в заливе Петра Великого.

В августе 2015 г. в ходе учения «Морское взаимодействие 2015» военные моряки РФ и КНР отработали вопросы совместного маневрирования, организации противодиверсионной, противолодочной, противовоздушной и противокорабельной обороны. Кульминацией маневров стала совместная высадка морского и воздушного десанта на полигоне Клерк в Южном Приморье, которая на территории России происходила впервые. Всего к учению привлекались с обеих сторон 22 корабля и судна обеспечения, 15 самолетов и вертолетов, 2 беспилотных летательных аппарата, более 500 военнослужащих морской пехоты и 40 единиц техники¹²⁸. Следует отметить, что первая часть российско-китайских учений «Морское взаимодействие 2015» была проведена в мае 2015 г. в акваториях Средиземного и Черного

морей с отработкой вопросов организации и практической реализации проводки конвоев.

Кроме того, проводятся совместные антитеррористические учения компетентных органов государств-членов ШОС в форме командно-штабных учений (КШУ). Последнее такое учение «Восток—Антитеррор-2014» состоялось 27 марта 2014 г. на территории Республики Узбекистан.

Как информирует сайт РАТС, главными целями КШУ «Восток—Антитеррор-2014» ставились:

- координация и отработка основных вопросов взаимодействия (спецслужб и правоохранительных органов) при проведении совместных антитеррористических операций;
- проверка действенности и эффективности схем информирования и оповещения при возникновении кризисной ситуации, вызванной совершением террористических актов на объекте массового скопления людей;
- повышение боеготовности силовых структур;
- обмен опытом и укрепление сотрудничества в области противодействия международному терроризму.

В ходе проведенного КШУ «Восток—Антитеррор-2014», командование и личный состав силовых структур государств-участников совершенствовали навыки по планированию, подготовке и проведению специальных мероприятий по пресечению готовящихся террористических актов, выявлению и пресечению деятельности «террористических групп», освобождению заложников и проведению оперативно-следственных мероприятий.

Исходя из неоднозначности возможных вариантов развития ситуации в Афганистане, государства-члены ШОС в последние годы предпринимают серьезные усилия в плане оказания содействия правительству республики по стабилизации обстановки в стране. В настоящее время ведется активный диалог в рамках Организации по афганской тематике. Участники диалога признают важность задействования возможностей ШОС как механизма практического сотрудничества в борьбе с террористической и наркотической угрозами, исходящими из Афганистана.

Так, на Специальной конференции по Афганистану, проведенной под эгидой ШОС в 2009 г., было отмечено, что государства-члены ШОС поддерживают усилия правительства Афганистана при содействии международного сообщества, направленные на укрепление социально-экономического развития, строительство демократических институтов, повышение боеспособности национальной армии Афганистана и полиции, а также эффективности правоохранительных органов. Был подчеркнут взаимозависимый характер вызовов, с которыми сталкиваются Афганистан и регион в целом. К ним относятся: продолжающаяся террористическая активность в регионе, а также производство и оборот наркотических веществ, которые являются источником финансирования террористической деятельности, как в Афганистане, так и за его пределами, что представляет серьезную угрозу стабильности всего региона.

Участниками конференции была высказана необходимость укрепления международного и регионального сотрудничества в противодействии наркоугрозе, в том числе по линии ООН, ОДКБ, СНГ, ЕС и ОБСЕ, а также объединения усилий всех заинтересованных государств и организаций по созданию «поясов антинаркотической и финансовой безопасности» в регионе. В плане противодействия терроризму стороны призвали к скорейшему согласованию и принятию Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, а также создание региональных антитеррористических международно-правовых инструментов.

Государства-члены ШОС призвали мировое сообщество к противодействию попыткам идейной экспансии терроризма, к неукоснительному соблюдению резолюции СБ ООН 1624 (2005 г.), осуждающей любые террористические акты независимо от их мотивов и побуждений. Кроме того, они намерены наращивать свой вклад в пресечение террористической угрозы, для чего активнее использовать потенциал Региональной антитеррористической структуры ШОС, а также продолжить практику совместных антитеррористических учений в рамках ШОС.

На этой же конференции был принят План действий ШОС и Исламской Республики Афганистан, предполагающий конкретиза-

цию совместной деятельности в этой сфере. Так, в области борьбы с терроризмом предусмотрено:

- усиление пограничного контроля;
- проведение совместных операций с целью противодействия террористическим угрозам;
- оказание содействия в поимке и передаче террористов;
- налаживание обмена информацией о деятельности террористов и их организаций и опытом борьбы с ними;
- создание эффективных механизмов предотвращения и пресечения террористической деятельности;
- подключение на поэтапной основе спецслужб Афганистана к взаимодействию в рамках ШОС по борьбе с терроризмом в регионе;
- получение совместными усилиями информации о террористических организациях, угрожающих безопасности государств-членов ШОС и республики Афганистан;
- создание механизма экспертных консультаций по линии Региональной антитеррористической структуры ШОС и соответствующих органов Афганистана;
- выявление и перекрытие источников и каналов финансирования террористических организаций.

В области борьбы с незаконным оборотом наркотиков предусмотрено:

- проведение сравнительного анализа соответствующей законодательной базы государств-членов ШОС, а также совершенствование правовой базы сотрудничества в борьбе с незаконным оборотом наркотиков и их прекурсоров;
- межведомственный информационный обмен;
- проведение совместных операций по пресечению деятельности наркосиндикатов;
- контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
- противодействие легализации доходов, полученных от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;
- подготовка кадров для антинаркотических структур.

Позиция России по афганской проблеме была высказана в заявлении министра иностранных дел России С. Лаврова: «Одной из наиболее актуальных задач ШОС является скоординированное политическое содействие восстановлению мира и стабильности в Афганистане. Мы готовы углублять конструктивное сотрудничество с Кабулом во всех областях. Считаем, что особого внимания требует расширение взаимодействия с афганской стороной в деле борьбы с наркоплантациями и нарколабораториями. Объем производства наркотиков в Афганистане и их приток в наши страны растет угрожающими темпами. Доходы от наркобизнеса подпитывают террористические группировки не только в этой стране, но и за ее пределами. Разумеется, усилия по противодействию наркоугрозе необходимо выстраивать в рамках международной системы контроля над наркотиками, основанной на трех базовых конвенциях ООН»¹²⁹.

В заключение стороны выразили мнение, что налаживание регулярного диалога по вопросам совместного противодействия угрозам на базе ШОС с привлечением заинтересованных государств и международных организаций может эффективно дополнить уже существующие международные форматы противодействия вызовам терроризма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности в регионе.

Геополитические реалии на сегодня таковы, что государства ШОС оказываются в масштабной «дуге нестабильности», начинающейся на Ближнем Востоке и Северной Африке и через Кавказ и Каспий проходящей в Центральную и Южную Азию. Поэтому реализуемая в XXI в. Шанхайской организацией сотрудничества Концепция безопасности, о которой говорилось выше, носит комплексный и всеобъемлющий характер. Она базируется на демократических принципах и нормах международного права, включает, как направления всеобъемлющего обеспечения безопасности, так и решение социально-экономических противоречий. В ней содержится характеристика современных вызов и угроз региональной безопасности, таких как терроризм, сепаратизм, экстремизм, трансграничная преступность, а также обозначены основные направления борьбы с этими угрозами.

Такое представление безопасности, выдвинутое государствами-членами ШОС, *во-первых*, отражает баланс интересов всех субъектов международных отношений; *во-вторых*, обеспечивает каждому государству право на независимый выбор пути развития в соответствии с собственным историческим опытом и национальной спецификой, на защиту государственного единства и национального достоинства, на равноправное участие в международных делах; *в-третьих*, гарантирует урегулирование международных и региональных конфликтов и кризисов политико-дипломатическими средствами в строгом соответствии с принципами и нормами международного права при учете законных интересов всех вовлеченных сторон; *в-четвертых*, уважает культурно-цивилизационное многообразие современного мира.

В Стратегии развития ШОС до 2025 г. также говорится, что особое внимание в деятельности Организации будет уделяться сотрудничеству по вопросам противодействия деятельности международных террористических организаций (далее — МТО), направленной на вовлечение граждан государств-членов в террористические, сепаратистские и экстремистские группы, налаживанию взаимодействия с соответствующими международными организациями и региональными объединениями по выявлению и перекрытию каналов перемещения лиц, прошедших террористическую подготовку для участия в вооруженных конфликтах на территории третьего государства на стороне МТО, а также выявлению таких лиц, возвращающихся на территорию государств-членов ШОС после прохождения подготовки или участия в вооруженных конфликтах на стороне МТО¹³⁰.

Кроме того, в декларации ШОС, опубликованной после уфимского 2015 г. саммита, государства-члены Организации высказались против любого вмешательства иностранных государств в конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке. «Урегулирование политических кризисов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки должно достигаться на основе взаимного уважения интересов, верховенства норм и принципов международного права без внешнегo вмешательства. Государства-члены выступают также за сохранение ключевого места Совета безопасности ООН в системе поддер-

жания международного мира и безопасности, предусмотренной Уставом ООН»¹³¹.

Характеризуя особенности деятельности террористических организаций в Центральной Азии и в соседних с ней регионах, а также условий, способствующих ее продолжению, нельзя не отметить, что этой деятельности присущ трансграничный характер. Ею охвачены территории практически всех центрально-азиатских государств, и она координируется международными террористическими центрами.

Анализ современного состояния террористических угроз и опыта государств-членов ШОС по противодействию терроризму и экстремизму свидетельствует, что борьба с терроризмом должна быть столь же многогранной, как и его современные проявления. Это дает основание сформулировать следующие выводы и рекомендации по дальнейшему совершенствованию методов борьбы Организации с этими явлениями:

1. Экстремизм и терроризм экстерриториальны и постоянно расширяют географию своей деятельности. Поэтому объединение усилий различных государств в борьбе с этими явлениями становится объективной необходимостью.

2. В настоящее время становится все более актуальным оказание действенной помощи странам Центральной Азии в финансировании и материально-техническом обеспечении деятельности силовых структур, а также в подготовке кадров в интересах повышения эффективности решения общих для ШОС задач борьбы с экстремизмом и терроризмом со стороны развитых государств-членов Организации, таких как Китай и Россия.

3. Необходимо жесткое соблюдение принципа неотвратимости уголовного преследования активных экстремистов и террористов в каждом из государств ШОС, независимо от места совершения преступления. Это, как показывает опыт, нередко выступает сильным сдерживающим мотивом для преступников всех мастей.

4. Обеспечение гласности судебных процессов против экстремистов и террористов способствует мобилизации общественности, демонстрирует решимость властей в искоренении этого зла, а также побуждает правительства других стран следовать такому примеру.

5. Особое место в антитеррористической деятельности должно занимать ужесточение финансового контроля, включающего выявление и замораживание счетов и активов, принадлежащих как отдельным лицам, так и различным организациям, в отношении которых установлена связь с деятельностью экстремистских и террористических структур. Это требует расширения взаимодействия компетентных органов и финансовых институтов, как национальных, так и международных.

6. Необходима разработка правовых основ использования вооруженных сил в интересах проведения крупных антитеррористических операций. Прежде всего, это относится к порядку действий войск на территориях государств-членов ШОС. Кроме того, требуется отработка совместных планов таких действий, схем управления и элементов взаимодействия.

В качестве основных составляющих политики государств-членов ШОС, направленной на сужение базы терроризма в ЦАР можно назвать:

- всестороннее изучение причин существования и распространения экстремистских идеологий и терроризма, а также создание предпосылок для их устранения;
- отказ от политики двойных стандартов в определении принадлежности тех или иных движений к экстремистским и террористическим организациям, как внутри собственной страны, так и действующих в сопредельных государствах;
- оказание содействия региональному и международному сотрудничеству между соответствующими агентствами и структурами, работающими в смежных областях (борьба с организованной преступностью, незаконной миграцией, с производством и распространением наркотиков и т. п.) путем обмена информацией, создания объединенных баз данных, согласования розыскных действий и т. п.;
- углубление сотрудничества в противодействии террористическим угрозам на межгосударственном уровне и вовлечении в него неправительственных, общественных, религиозных, молодежных и иных организаций;

- активизация деятельности, направленной на повышение толерантности и уважения к правам человека в обществе, в том числе оказание широкой поддержки межцивилизационному и межконфессиональному диалогу;
- развитие секуляризма в светском государстве, проведение исследований путей развития ислама, организация общественных дискуссий с участием представителей органов власти, общественности, религиозных деятелей и ученых;
- систематическая подготовка военных структур государств для пресечения и нейтрализации наиболее крупных и скоординированных выступлений экстремистов.

Проведение эффективной антитеррористической деятельности ШОС должно базироваться на соблюдении трех ведущих принципов: во-первых, на тесном межгосударственном взаимодействии, к которому должны быть привлечены все профильные национальные министерства и ведомства; во-вторых, ее координацию необходимо осуществлять из единого центра; в-третьих, всем участникам этой деятельности необходимо постоянно совершенствовать способность к практическому взаимодействию.

В заключение следует отметить, что согласно последним заявлениям руководителей государств-членов Шанхайской организации сотрудничества, эта Организация готова активно участвовать в конструктивном формировании новой архитектуры безопасности, способной консолидировать широкие международные усилия по противодействию новым вызовам и угрозам глобальной и региональной стабильности. В рамках реализации этих целей ШОС выражает готовность взаимодействовать с другими государствами и международными структурами, прежде всего с ООН, чтоб внести достойный вклад в безопасность и стабильность не только на пространстве ШОС, но и в мире в целом.

Заключение

Политическая обстановка на пространстве ШОС остается весьма сложной. Вызовы безопасности продолжают нарастать, приобретают все более взаимосвязанный и комплексный характер. Объективный процесс формирования полицентричной модели мироустройства, за которую выступают государства-члены Организации, сопровождается обострением существующих и появлением новых конфликтных очагов, ослаблением культуры поиска компромиссов и взаимопонимания, усилением конфронтационных подходов.

Как минимум, на ближайшую десятилетнюю перспективу Центральная и Южная Азия будут являться одним из источников таких угроз для безопасности России и других государств ШОС, как политическая нестабильность, межгосударственные конфликты, угрозы распространения терроризма, экстремизма и наркотиков. При этом в данном регионе происходят достаточно серьезные интеграционные процессы, представляющие интерес для России. Поэтому Россия намерена развивать двусторонние отношения с государствами региона и активно участвовать в различных многосторонних политических форматах, и в первую очередь в Шанхайской организации сотрудничества.

Из всего комплекса вызовов и проблем в сфере реализации политики России на пространстве ШОС, на наш взгляд, следует выделить три основных вызова: открытое противодействие со стороны США, скрытое экономическое соперничество с Китаем, а также борьба с экстремизмом и международным терроризмом с целью недопущения дестабилизации обстановки в регионе.

Что касается противостояния с США, то еще в 2012 г. бывшая в то время госсекретарем Х. Клинтон, оценивая усилия России по раз-

виту интеграции в Евразии, заявила, что США выработают «эффективные шаги по замедлению или предотвращению этого процесса»¹³². Нужно понимать, что это не особенности их политики в данном регионе мира, это особенность всей современной внешней политики США. Как заявил глава МИД России С. Лавров, «стратегически США не хотят ситуации, при которой «важные» регионы мира будут «жить, поживать и добра наживать» самостоятельно, без Соединенных Штатов. Вашингтону важно, чтобы все время кто-то от него зависел»¹³³.

Объявив новые позиции в своей политике, США начали действовать по всем направлениям. Так, льготные кредиты Запада, которые с большой охотой раздавались некоторым центрально-азиатским государствам, позволили США определять направления монетарной и фискальной политики в странах региона. Более того, растущая кредитная зависимость наиболее слабых в экономическом отношении государств ЦАР стала использоваться в качестве рычага давления на них по политическим и военным вопросам.

Далее, выстраивая свою экономическую стратегию, в реальный сектор экономики Центральной Азии американцы предпочитают не инвестировать. Вместо этого они выделяют странам ЦАР так называемую «помощь», которая идет в основном на поддержку лояльных им общественно-политических сил. Финансирование лишь частично направляется напрямую центрально-азиатским правительствам. Его значительная часть распределяется по нисходящей через трехуровневую сеть неправительственных организаций, которые в последующем используются при проведении «цветных революций» для установления лояльной США власти. Так, накануне «тюльпановой революции» в Кыргызстане количество неправительственных организаций с западным финансированием доходило до 6 тыс.

Что касается российско-китайского партнерства, то оно носит стратегический характер. Россия развивает его последовательно во всех областях взаимодействия: политической, экономической, гуманитарной, военно-политической и военно-технической. Без преувеличения такое сотрудничество вносит важный вклад в поддержание

стабильности в международных отношениях и противодействует их дестабилизации.

Однако, имея такого экономически мощного соседа и партнера в Центральной Азии, как Китай, России приходится строить свою политику, не только учитывая свои интересы, но и сопоставляя их с интересами такого мощного экономического гиганта, умело лавируя среди пересечений интересов Китая и второго гиганта, нового члена ШОС — Индии, а также не менее важных для нее интересах центрально-азиатских государств.

При этом необходимо учитывать тот факт, что практически во всех странах Центральной Азии их внешнеполитический курс может колебаться вслед за внутривнутриполитическими событиями и международной конъюнктурой. Амплитуда этих колебаний потенциально в следующие годы может быть достаточно сильной, а внутривнутриполитическая борьба может быть достаточно напряженной. России ни в коем случае нельзя допустить вмешательства во внутренние дела центрально-азиатских государств третьих сил, т. к. новое поколение политиков и чиновников, пришедшее к власти в результате такого вмешательства, может быть склонным к значительным переменам во внешнеполитическом курсе их государств.

Более того, страны Центральной Азии имеют очень непростые двусторонние отношения между собой. Неурегулированные межгосударственные споры, напряжение в отношениях оказывают негативное влияние на региональную и национальную безопасность. К основным последствиям таких отношений можно отнести: распространение сепаратизма; сращивание сепаратизма и экстремизма с терроризмом; увеличение миграционных потоков из зон конфликтов; расширение масштабов организованной преступности, наркотрафика, незаконного оборота оружия и боеприпасов на прилегающие к зонам конфликтов территории; распространение религиозных и межэтнических противоречий на сопредельные территории.

Все чаще сепаратистами и экстремистами для достижения политических целей используется террористическая деятельность. Зачастую терроризм выступает как средство удовлетворения политических амбиций отдельных лиц или достижения клановых интересов.

С другой стороны, в регионе нередки случаи использования методов антитеррористической борьбы для уничтожения оппозиции внутри конкретной страны, попыток использования антитеррористической коалиции для решения проблем сохранения у власти правящей элиты. В результате терроризм, тяготея к перерастанию в военную конфронтацию, представляется крайне опасным дезинтеграционным фактором в регионе.

Основными направлениями деятельности по защите национальных интересов России на пространстве ШОС в условиях борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом могут стать следующие:

1. Проведение согласованной со всеми без исключения заинтересованными государствами региона политики и стратегии борьбы против международного терроризма и транснациональной преступности при одновременном исключении двойных стандартов в оценке терроризма.

2. Дальнейшая разработка и совершенствование международной правовой базы по борьбе с терроризмом и межгосударственному сотрудничеству в данной сфере.

3. Проведение политики с целью создания условий для безусловного осуждения всеми участвующими сторонами организации террористической деятельности, подстрекательства к ней, недопущения использования собственной территории для создания баз и лагерей террористов.

4. Способствование введению мировым сообществом различного рода санкций в отношении государств, поддерживающих терроризм.

5. Нейтрализация попыток вовлечения граждан государств региона в радикальные движения, выявление потенциальных террористов, прошедших специальную подготовку в третьих странах, а также боевиков, возвращающихся на территорию государств ШОС после участия в вооруженных конфликтах в составе экстремистских группировок.

6. Координация и взаимодействие правоохранительных органов и специальных служб в деле борьбы с терроризмом, проведение совместных оперативных мероприятий в той или иной стране.

7. Формирование национальных и наднациональных органов, координирующих усилия стран-партнеров в борьбе с терроризмом. Создание специализированных антитеррористических формирований на дву- и многосторонней основе.

8. Совместная разработка мер по противодействию, выявлению и определению источников финансирования террористических организаций, изоляции террористов.

Система коллективной безопасности на пространстве ШОС должна строиться с учетом новых угроз, таких как ИГИЛ, которые с каждым годом все острее будут вставать перед региональным сообществом. Борьба с национальным и международным терроризмом представляет собой длительный и многоплановый процесс. Она включает в себя широкий комплекс политических, военных, специальных, финансовых, экономических, организационных, правовых и других мер. Транснациональные угрозы требуют создания транснациональных механизмов противодействия. Противостоять им можно только объединив усилия государств всего региона. В этих условиях осуществления политики, направленной на формирование многополюсного мира, следует всеми средствами способствовать усилению роли и значения в международных делах региональных организаций, в данном случае Шанхайской организации сотрудничества, способствуя устранению ее внутренних противоречий, укреплению единства и международной значимости.

Примечания

- ¹ URL: <https://ru.wikipedia.org/>
- ² URL: <http://www.sectesco.org/>
- ³ Стратегия национальной безопасности США. URL: <http://inosmi.ru/> (13.02.2015).
- ⁴ О стратегии национальной безопасности США. URL: <http://www.scrf.gov.ru/> (25.03.2015).
- ⁵ *Тодд Э.* После империи. Pax Americana — начало конца. М., 2004.
- ⁶ Стратегия национальной безопасности США. URL: <http://inosmi.ru/> (13.02.2015).
- ⁷ *Jones Luong P., Weinthal E.* New Friends, New Fears in Central Asia // Foreign Affairs. March/April 2002. Ol. 81. Num. 2. P. 72—79.
- ⁸ *Фридман Дж.* Мир в следующие 100 лет. URL: <http://politklass.ru/> (17.09.2009).
- ⁹ *Хуашэн Ч.* Китай, Центральная Азия и ШОС // Московский центр Карнеги. Рабочие материалы. 2005. № 5.
- ¹⁰ *Васильев Л.* Политика мировых держав в Центральной Азии и ее влияние на перспективы развития ШОС // Мировые державы в Центральной Азии. М.: ИДВ РАН, 2011. С. 19.
- ¹¹ *Голишников О.* Центральная Азия на прицеле Китая: последствия для России». URL: <http://globalaffairs.ru/> (06.06.2014).
- ¹² *Ларин А., Матвеев В.* Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5. С. 8.
- ¹³ *Воробьев В.* Политика Китая в Центральной Азии. URL: <http://eurasian-defence.ru/> (2012).
- ¹⁴ *Голишников О.* Центральная Азия на прицеле Китая: последствия для России. URL: <http://globalaffairs.ru/> (06.06.2014).

¹⁵ Присутствие Китая в Центрально-Азиатском регионе // Центр Военно-политических исследований МГИМО URL: <http://delonovosti.ru/> (24.09.2014).

¹⁶ Китай и Россия ведут «Большую Игру» в Центральной Азии. URL: <http://inosmi.info/> (06.10.2014).

¹⁷ *Цзинь Ян*. Примечательных моментов в отношениях между Китаем и странами Центральной Азии в 2014 году стало больше. URL: russian.china.org.cn (10.01.2015).

¹⁸ Материалы агентства Синьхуа. 11.11.03.

¹⁹ В отличие от России Индия и Китай станут сверхдержавами XXI века. URL: <http://forum.msk.ru/>

²⁰ *Джанибеков Н.* Геополитические амбиции Индии — взгляд из Центральной Азии. URL: <http://regnum.ru/> (23.05.2015).

²¹ Там же.

²² *Муминов А.* Индия — в Центральной Азии: лучше поздно, чем никогда. URL: <http://www.zakon.kz/> (24.10.2015).

²³ Иран и Центральная Азия. URL: Iran.ru (10.06.2015).

²⁴ *Кожмякин С.* Иран приходит в Центральную Азию. URL: <http://gazeta-pravda.ru/> (25.04.2016).

²⁵ Иран и Центральная Азия. URL: Iran.ru (10.06.2015).

²⁶ *Мехдиев Э.* Стратегические интересы Ирана в Центральной Азии на современном этапе. URL: <http://namba.kg/> (23.12.2015).

²⁷ Материалы агентства РИА Новости. 27.07.2006.

²⁸ *Захватов А.* Современная политика Ирана: создавать друзей, а не врагов. URL: <http://www.fergananews.com/> (12.02.2016).

²⁹ *Мехдиев Э.* Стратегические интересы Ирана в Центральной Азии на современном этапе. URL: <http://namba.kg/> (23.12.2015).

³⁰ Иран и Центральная Азия. URL: Iran.ru (10.06.2015).

³¹ *Мальшева Д.* Россия и Турция в Центральной Азии: партнерство или соперничество? URL: <http://geopolitics.by/> (24.12.2014).

³² *Шустов А.* Турция укрепляется в Центральной Азии // Независимая газета. 14.03.2016.

³³ *Яковенко И.* Терроризм // Универсальная научно-популярная онлайн энциклопедия Кругосвет. URL: <http://www.krugosvet.ru/>

³⁴ *Игнатенко И.* Борьба ближневосточных центров силы // Независимое военное обозрение. 16.03.2012.

- ³⁵ Материалы агентства РИА Новости. 16.10.2014.
- ³⁶ Речь Б. Обамы перед выпускниками военной академии в Вест-Пойнте 07.05.2014 // Российская газета. 18.06.2014.
- ³⁷ Узбекистан и Казахстан: соперники или партнеры? URL: <http://www.ceasia.ru/> (21.02.2014).
- ³⁸ Центральной Азии нужна новая объединяющая идея. URL: <http://www.ceasia.ru/> (07.02.2014).
- ³⁹ Структура отношений Казахстана и Кыргызстана в контексте ЕАЭС. URL: <http://www.stanradar.com/> (13.07.2015).
- ⁴⁰ *Омуралиев К.* Кыргызстан — суверенная страна, но повелительный тон Казахстана не оставляет сомнений относительно его судьбы. URL: <http://www.analitika.org/> (28.06.2007).
- ⁴¹ URL: <http://www.analitika.org/> (09.11.2007).
- ⁴² К оценке состояния и перспектив сотрудничества в Центральной Азии. URL: <http://www.ceasia.ru/> (21.02.2014).
- ⁴³ *Бородин О.* Пограничные проблемы Кыргызстана. URL: <http://politasia.kz/> (17.06.2014).
- ⁴⁴ Потерянный Юг. URL: <http://www.iadp.kg/> (08.04.2008).
- ⁴⁵ *Симонов К.* В узбекско-таджикском конфликте России есть над чем подумать. URL: <http://www.vesti.ru/> (30.09.2009).
- ⁴⁶ *Усмон Д.* Таджикистан в системе геополитических координат. URL: <http://www.easttime.ru/> (22.07.2008).
- ⁴⁷ Кыргызстан—Таджикистан: независимость, доверительное партнерство и взаимодействие во имя процветания народов. URL: <http://www.avesta.tj/> (30.08.2013).
- ⁴⁸ *Жильцов С., Зонн И.* Борьба за воду. URL: <http://www.psj.ru/> (08.12.2008).
- ⁴⁹ *Султанова А.* Казахстану не хватает воды // Независимая газета — Дип-курьер. 31.03.2008.
- ⁵⁰ *Винокуров Е.* Вода, энергия и капиталы. Будущее ВЭК Центральной Азии. URL: <http://www.analitika.org/> (06.10.2007).
- ⁵¹ *Богатырев В.* Фактор Узбекистана во внешней политической стратегии Кыргызской Республики. URL: <http://bpc.kg/> (29.01.2009).
- ⁵² *Якоби Ф.* О натянутых отношениях между Таджикистаном и Узбекистаном // Международное информационное агентство Фергана. 25.09.2013.
- ⁵³ *Жолдасов А.* Вода и вызовы для безопасности Центральной Азии. URL: <http://www.iamik.ru/> (23.04.2009).

- ⁵⁴ Региональное сотрудничество — необходимое условие для выживания и развития стран Центральной Азии. URL: <http://www.ceasia.ru/> (03.03.2014).
- ⁵⁵ К оценке состояния и перспектив сотрудничества в Центральной Азии. URL: <http://www.ceasia.ru/> (21.02.2014).
- ⁵⁶ Конфликт на границе. URL: <http://complatform.blogspot.com/> (22.04.2011).
- ⁵⁷ *Ибрагимов Б.* Кыргызстан обеспокоен отсутствием четких границ с Узбекистаном // Оазис. 2005. № 2. URL: <http://www.mediaprovinces.kz/>
- ⁵⁸ Пограничный контрапункт. URL: <http://expertonline.kz/> 10.01.2013).
- ⁵⁹ *Ботобеков У.* Государственная политика Кыргызстана по предотвращению конфликтов. URL: <http://www.unesco.kz/>
- ⁶⁰ *Дегтев А.* Таджикистан и Узбекистан: надежда на примирение. URL: <http://eurazvitiye.org/> (11.01.2015).
- ⁶¹ Кыргызстан—Таджикистан: граница расходится по старым швам. URL: <http://inozpress.kg/> (17.12.2015).
- ⁶² *Бергман Я.* От сепаратизма к терроризму. URL: <http://cassad.net/> (12.07.2014).
- ⁶³ Конвенция ШОС о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Шанхай. 15.06.2001.
- ⁶⁴ Межэтнические конфликты в странах СНГ и международный опыт // Свободная мысль. 1993. № 3.
- ⁶⁵ URL: <https://ru.wikipedia.org/>
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Доклад Национальной комиссии Киргизии по расследованию июньских событий 2010 г. // Информационное агентство Фергана. 20.01.2011.
- ⁶⁸ Пограничные проблемы Центральной Азии. URL: <http://www.acareer.ru/>
- ⁶⁹ URL: <https://ru.wikipedia.org/>
- ⁷⁰ *Шерматова С.* Раздвоение Киргизии // Информационное агентство Фергана. 20.02.2011.
- ⁷¹ Доклад Национальной комиссии Киргизии по расследованию июньских событий 2010 года // Информационное агентство Фергана. 20.01.2011.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ URL: <https://ru.wikipedia.org/>
- ⁷⁵ *Шустов А.* Беспорядки в Синьцзяне и Центральной Азии. URL: <http://fondsk.ru/> (14.07.2009).
- ⁷⁶ Уйгурский вопрос. URL: <http://www.regnum.ru/> (08.02.2015).

⁷⁷ *Заквасин А.* Китай: на войну вместе с Россией. URL: <http://rusplt.ru/> (14.01.2016).

⁷⁸ Конвенция ШОС о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Шанхай. 15.06.2001.

⁷⁹ Угрозы безопасности Центральной Азии и основные сценарии развития региона. URL: <http://www.ceasia.ru/> (06.03.2011).

⁸⁰ *Триведи Р.* Нетрадиционные угрозы безопасности в Центральной Азии с точки зрения сравнительной региональной перспективы // *Comparative politics*. 2011. № 4.

⁸¹ Террористические группировки Средней Азии. URL: <http://voprosik.net/> (22.07.2013).

⁸² *Кемелбекова Н.* Движение исламских фундаменталистов в южном регионе Центральной Азии. URL: <http://discollection.ru/> (10.06.2010).

⁸³ URL: <https://yandex.ru/search/?lr=213&msid=1480019459.51593.22904.574&text=agentura.ru>

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ URL: <https://ru.wikipedia.org/>

⁸⁶ *Колташов В.* Как победить исламский террор. URL: <http://svpressa.ru/> (01.12.2015).

⁸⁷ Террористические группировки Средней Азии. URL: <http://voprosik.net/> (22.07.2013).

⁸⁸ Терроризм в Казахстане: от виртуального к реальному. URL: <http://kazregion.kz/> (19.07.2011).

⁸⁹ Выступление Председателя КНБ Н. Дугбаева в программе «Жети кун» агентства «Хабар». 15.11.2004. URL: <http://www.knb.kz/>

⁹⁰ *Шаршенбаев К.* Станет ли Кыргызстан плацдармом для джихада в Центральной Азии // *Вечерний Бишкек*. 09.08.2005.

⁹¹ Современная ситуация и возможные тенденции развития терроризма и экстремизма в Центральной Азии в будущем. URL: <http://www.antiterror.kz/>

⁹² Там же.

⁹³ Терроризм и геополитика в Центральной Азии и Кыргызстане. URL: <http://scienceport.ru/> (01.07.2015).

⁹⁴ URL: <https://ru.wikipedia.org/>

⁹⁵ Угрозы безопасности Кыргызстана: терроризм и экстремизм. URL: <http://www.ca-portal.ru/> (17.12.2015).

⁹⁶ Интервью министра иностранных дел Таджикистана // Профиль. 14.06.2003. URL: <http://www.nns.ru/>

⁹⁷ URL: <http://tajikistan.russiaregionpress.ru/> (13.02.2011).

⁹⁸ Лидеров главной оппозиционной партии Таджикистана обвинили в вооруженном восстании. URL: <http://www.newsru.com/> (06.10.2015).

⁹⁹ Среди главарей ИГ есть боевики из Центральной Азии. URL: <http://antiterrorrtoday.com/> (09.10.2015).

¹⁰⁰ URL: <http://www.newsru.com/> (07.08.2015).

¹⁰¹ *Чжипин П.* Цветные революции» и Центральная Азия: выбор пути. URL: <http://www.kisi.kz/> (02.06.2006).

¹⁰² Материалы ТАСС. 28.12.2015.

¹⁰³ Материалы ТАСС. 16.10.2015.

¹⁰⁴ *Фененко А.* Пакистан и Таджикистан — это те две страны от позиции, которых зависит стабильность в Афганистане. URL: <http://www.dialog.tj/> (28.07.2015).

¹⁰⁵ Геополитика в Центральной Азии. URL: <http://voprosik.net/> (26.07.2013).

¹⁰⁶ *Нурша А.* Политика Пакистана в Центральной Азии // Analytic. 2006. № 6.

¹⁰⁷ *Симонов В.* Сложная внутривосточная ситуация в Пакистане. URL: <http://geopolitics.by/> (07.05.2015).

¹⁰⁸ Материалы «KEI and KI Indexes» (КАМ 2012) (Electronic version).

¹⁰⁹ *Нурша А.* Политика Пакистана в Центральной Азии // Analytic. 2006. № 6.

¹¹⁰ *Симонов В.* Терроризм остается главной проблемой Пакистана. URL: <http://nuz.uz/> (13.05.2015).

¹¹¹ Там же.

¹¹² URL: <http://www.rbc.ru/> (13.09.2006).

¹¹³ *Аманжол И.* Пакистан на лезвии ножа // Деловая неделя. 21.05.2009.

¹¹⁴ *Замараева Н.* Пакистан — Афганистан: военные операции по обе стороны Гиндукуша. URL: <http://www.iimes.ru/rus/> (04.07.2009).

¹¹⁵ *Силаев А.* Пакистан и борьба с международным терроризмом. URL: <http://i-g-r.ru/>

¹¹⁶ *Полонский И.* Кашмир: вечная война Северо-Западной Индии. URL: <http://topwar.ru/> (12.06.2014).

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Информация РИА Новости. 16.12.2008.

¹¹⁹ *Белокриницкий В.* Пакистан — Индия: конфронтационная стабильность? // Международные процессы. Т. 4 № 2. 2006. Май—август.

-
- ¹²⁰ URL: <http://russian.cri.cn/> (26.12.2015).
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² URL: <http://www.sectesco.org/>
- ¹²³ Противодействие терроризму в рамках ШОС. URL: <http://politvektor.ru/> (24.06.2010).
- ¹²⁴ URL: <http://www.sectesco.org/>
- ¹²⁵ Материалы Агентства Синьхуа. 22.12.2015.
- ¹²⁶ Материалы МИД РФ. 31.12.2015.
- ¹²⁷ URL: <http://ecrats.org/>
- ¹²⁸ Материалы РИА Новости. 28.08.2015.
- ¹²⁹ Выступление С. Лаврова на Конференции «Безопасность и стабильность в регионе ШОС». URL: <http://www.mid.ru/> (04.06.2015).
- ¹³⁰ Материалы РИА Новости. 10.07.2015.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² США против России в Центральной Азии. URL: <http://voprosik.net/> (06.02.2013).
- ¹³³ Интервью министра иностранных дел России С. Лаврова URL: <http://www.mid.ru/> (22.04.2015).

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

В монографии рассматриваются особенности текущей геополитической ситуации на пространстве безопасности Шанхайской организации сотрудничества (далее — «пространство ШОС»), которое включает в себя территорию Центральной Азии, прилегающих к ней районов Индии, Китая, России и Пакистана, а также территорию Афганистана. В монографии проанализированы основные угрозы и вызовы безопасности государствам региона, а также возможные направления и способы защиты их национальных интересов в сфере безопасности.

Объектом исследования являются особенности современного международного терроризма, его связь с сепаратизмом и религиозным экстремизмом, т.е. с теми негативными явлениями, которые оказывают существенное влияние на региональную безопасность и с которыми все чаще приходится сталкиваться государствам Центральной и Южной Азии. Кроме того, в работе дана оценка состояния и перспектив борьбы с международным терроризмом в этом регионе, а также проведен анализ деятельности в этом направлении региональных международных организаций, прежде всего Шанхайской организации сотрудничества.

Актуальность работы обусловлена необходимостью поддержания на центрально-азиатском направлении государственных интересов России и обеспечение стабильности обстановки на ее южных и юго-восточных границах. Новизна монографии связана и с выдвиганием новых рекомендаций для Секретариата ШОС, других структур Организации в свете противостояния усиливающимся региональным угрозам стабильности и повышению эффективности борьбы с международным терроризмом.

В монографии сформулирован ряд предложений по формированию некоторых направлений внешней политики России по защите своих национальных интересов в сфере безопасности и борьбы с терроризмом, а также представлены основные пути повышения эффективности ее сотрудничества в этой сфере с государствами-членами ШОС, а также государствами, сотрудничающими с этой Организацией.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), международный терроризм, сепаратизм, экстремизм, региональная безопасность, угрозы и вызовы безопасности, сотрудничество в сфере безопасности, геополитика, Центральная и Южная Азия.

FIGHT AGAINST TERRORISM WITHIN THE TERRITORY OF SCO

The monograph considers the features of current geopolitical situation within the Shanghai Cooperation Organization (SCO) area of security, which includes the territory of Central Asia and adjacent areas of India, China, Russia and Pakistan and also the territory of Afghanistan. In the monograph main security threats and challenges for the states of the region were analyzed and possible directions and defense methods of their national interests in the field of security were reviewed.

The subject of the study is represented by features of modern international terrorism and its connection with separatism and religious extremism, i. e. those negative developments that have a significant influence on regional security and that are increasingly encountered by the states of Central and South Asia. The monograph also evaluates current conditions and perspectives of fight against international terrorism in this region and analyzes the activities of regional international organizations in this direction, principally the activities of the Shanghai Cooperation Organization.

The monograph's topicality is stipulated by the need to maintain Russia's national interests in Central Asia and to provide stability at its southern and south-eastern boundaries. The monograph's novelty is also associated with the formulation of new recommendations for the SCO Secretariat and other institutions of the Organization in the context of confronting to growing regional threats to stability and increasing effectiveness of fight against international terrorism.

In the monograph were stated the proposals concerning formation of certain directions in external policy of Russia for defense of its national interests in the field of security and fight against terrorism and were presented the main ways to improve the effectiveness of its cooperation in this field with the states-members of the SCO and the states cooperating with this Organization.

Keywords: the Shanghai Cooperation Organization (SCO), international terrorism, separatism, extremism, regional security, security threats and challenges, cooperation in the field of security, geopolitics, Central and South Asia.

Об авторе

Васильев Леонид Евгеньевич — старший научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем СВА и ШОС Института Дальнего Востока Российской академии наук

Научное издание

Васильев Леонид Евгеньевич

**Борьба с терроризмом
на пространстве ШОС**

Редактор *Г.П. Манчха*
Корректор *Г.П. Манчха*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 22.01.2017.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 13,5. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.).
Заказ № 1

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.